

Л 2016

8 к

АЙМАН ДОСЫМБАЕВА

ТЮРКОЛОГИЯ

Историко-археологический аспект

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА

АҰМАН ДОСЫМБАЕВА

ТЮРКОЛОГИЯ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Астана, 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА

АҰМАН ДОСЫМБАЕВА

ТҮРКОЛОГИЯ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Астана, 2014

УДК 902/904

ББК 63.4

Д 708

Рецензенты:

доктор филологических наук, академик Мырзатай Жолдасбеков
доктор исторических наук, профессор Сабри Хизметли

Д 70 Тюркология. Историко-археологический аспект. Досымбаева А.
Алматы, «Service Press», 2014. –224 с.

ISBN 978-601-7283-15-5

Учебное издание, состоящее из курса лекции по истории тюркских народов, основано на комплексном анализе археологических и этнографических источников. Курсы лекции содержат информацию о языке артефакта/памятника как одного из основных источников, используемых в процессе реконструкции истории развития культуры тюркского социума, на территории Казахстана и Евразии. Задачей учебного издания является обучение методам и методологии сравнительного исследования комплекса материалов по истории тюркских народов в их взаимной связи и взаимной обусловленности.

Книга рекомендуется в качестве издания широкому кругу читателей, обучающейся молодежи как учебник по истории тюркских народов.

Фотография тюркской монеты на титульном листе издания взята из книги Бабаярова Г. «Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.)». Ташкент, 2007.

УДК 902/904

ББК 63.4

ISBN 978-601-7283-15-5

© Досымбаева А., 2014

© «Тюркское наследие», 2014

*Посвящается светлой памяти моего отца,
учителя истории,
выпускника Казахского педагогического
института им. Абая
Досымбаева Медеубая Бижановича.*

Введение

Тюркология, нацеленная на воссоздание объективной истории тюркских народов Центральной Азии и Евразии базируется на гуманитарных знаниях, несущих информацию по истории деятельности людей/народов в политической, социально-экономической, идеологической сферах. Рукотворный объект в форме памятника с письменностью, тамгой, петроглифом, каменная статуя или эпическое произведение в процессе обучения необходимо изучать в контексте истории развития материальной и духовной культуры этносов, в связи с конкретными историческими вехами и событиями, на фоне развития мировой цивилизации. В процессе преподавания необходимо привить умение всестороннего анализа источника, результаты которого смогут привести будущего ученого к умению оценивать памятник в контексте истории развития этнической культуры.

Целью изучения учебной дисциплины «Тюркология: историко-археологический аспект» предназначенной для магистрантов и докторантов является оказание содействия формированию мыслящей личности, обладающей объективными знаниями в области тюркологии и умением логически их излагать.

Задачи изучения дисциплины основаны на таких параметрах как:

- обучение языку науки, умению пользоваться терминологическим аппаратом, методам и методологии исследования;
- умению распознать связь между памятниками материальной и духовной культуры тюркских народов;
- проведение сравнительно-сопоставительного анализа одного артефакта/памятника и умение распознавать

особенности развития культуры в пространстве и времени той или иной эпохи;

- содействовать выработке навыков самостоятельного мышления.

Основное содержание дисциплины должно быть направлено на формирование устойчивого знания о предмете исследования – памятнике, как источнике для исторической реконструкции периодов развития и формирования основ культурного наследия тюркских народов.

Учитывая особенности направления дисциплины, в процессе обучения и практических занятий необходимо применять богатый по содержанию иллюстративный материал, выраженный в фотографиях, картах расположения исторических памятников, планах и схемах, рисунков различного типа и содержания. В процессе сопоставительного анализа источников необходимо использование таблиц, содержащих аналитическую информацию о взаимной связи различных форм культурного наследия: памятников письменности, монументального искусства, сфрагистики, нумизматики и др. иллюстративный материал является неотъемлемой составной частью курса лекций так как в процессе изложения тех или иных положений необходимо произвести анализ источников с опорой на фотографии, графические иллюстрации и таблицы. В сравнительном анализе памятников необходимо также использовать сведения письменных источников, материалы памятников духовной и материальной культуры, топонимики, ономастики, позволяющих подтвердить достоверность полученных выводов и представляющих возможность для исторических реконструкций.

Одной из основных задач любой науки и тюркологии в том числе, является обучение молодого ученого умению самостоятельно произвести археологические и исторические

реконструкции с использованием иллюстративного материала, других различных видов источников и умению использовать результаты собственных достижений в научных исследованиях.

В процедуре лекционного занятия необходимо показать и объяснить значение археологической науки в общем контексте исторических знаний. Археологические памятники, сохранившиеся в форме различных форм культурного наследия, повсеместно распространены в ареалах обитания каждого этноса. Дошедшие до современности в форме остатков городищ, поселений, святилищ, каменных скульптур, памятников наскального искусства, курганов, рунической письменности, выбитой на стелах, изваяниях, камнях, тамгах, алтарях и других видах артефактов являются объектом исследования археологии. Одной из форм артефактов являются памятники прикладного искусства из захоронений, кладов, найденные в процессе археологических раскопок городов и поселений, погребальных и ритуальных сооружений. Исследование особенностей и характерных черт погребальных и ритуальных сооружений, совместно с изучением вещей, сопровождающих погребенных служат источниками для воссоздания образа жизни конкретного этноса. Опыт изучения показывает, что каждый этнос обладает характерными антропологическими и этнографическими чертами. Следовательно, при изучении истории каждого народа и тюркских народов в том числе, использование археологических источников представляют непревзойденную ценность.

В курсе лекций по «Тюркология: историко-археологический аспект», впервые в отечественной истории и средневековой истории народов Центральной Азии, произведено аргументированное обоснование процесса генезиса культуры западных тюркских племен на территории казахской степи.

До настоящего времени, описываемая концепция не являлась объектом специального, целенаправленного научного исследования как казахстанских, так и зарубежных специалистов. Наряду с выделением характерных типов наследия западных тюрков, произведен анализ индикаторов культурного наследия восточных тюрков. Произведено аналитическое сравнение маркеров культур западных и восточных тюркских этносов, показаны их отличительные особенности и рассмотрены вопросы их взаимного влияния в рамках региона Казахстана. Последовательное влияние, выраженное в формировании новых синкретических черт, нашедших отражение в культовом искусстве номадов, также является предметом изучения в предлагаемом читателю учебном издании.

В курсе лекции впервые излагаются результаты изучения:

- серии новых, документированных, многосоставных и многоуровневых по своему историческому содержанию, культово-мемориальных комплексов тюркских племен, расположенных на территории казахских степей, организованных на описываемом пространстве в сакральные центры кочевников западного ареала – тюркское святилище Мерке и кочевников восточного ареала – тюркское святилище Жайсан, тюркское святилище Кумай;

- широкого круга археологических источников по истории развития культуры тюркских племен на территории центральных земель Западного Тюркского каганата;

- вопросы научной аргументации генезиса культуры тюркских этносов, исконно населявших земли Жетысу и Сары Арки;

- способы использования историко-методологического анализа структуры традиционного тюркского общества средневековья и характерные черты социальной организации

Тюркского государства, базирующегося на мировоззренческих представлениях о дуальной структуре мироздания;

- особенностей процесса взаимодействия и взаимного влияния тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии, которые отчетливо документируются материалами памятников;

- основных признаков мировоззренческих ценностей, нашедших отражение в содержании, и стиле памятников монументального искусства и символах, изображенных на статуях тюрков;

- данных археологии с широким кругом источников по этнополитической истории и этнической культуре тюркских племен Центральной Азии и казахской степи на основе которых произведена реконструкция мировоззренческой модели тюркского мира;

- концепции автохтонного развития культур тюркских кочевников, населявших казахские степи и внесших неоценимый вклад в формирование культур племен, составивших этническое ядро казахского народа.

В части теоретической разработки вопросов генезиса культуры тюркских кочевников в пространстве казахской степи, в качестве источников использованы материалы погребальных памятников рубежа эры и первой половины I тысячелетия нашей эры. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа археологических источников, памятников прикладного культового искусства и этнографических сведений по мировоззрению тюрков использованы в учебном издании для реконструкции идеологии традиционного общества номадов.

Памятники святилища Мерке, работы на которых проводятся с 1987 года, представляют собой сложный комплекс погребальных и культовых сооружений, расположенных

В результате объективного анализа комплекса археологических, этнографических, антропологических источников автор курса лекций полагает возможным:

- использование документированных источников для аргументированного изложения процесса генезиса культуры тюркских племен в период с рубежа эры – I половины первого тысячелетия нашей эры на территории Туркестана, частью которой являлась территория Жетысу и Сары Арки;

- обоснование исторического процесса преемственности культур древних племен усуней/ашина и хунну/ашидэ;

- теоретически аргументировать процесс этногенеза западных и восточных тюркских племен на территории казахской степи;

- документировать процесс взаимодействия, и взаимного влияния культур восточных и западных тюрков в период VI-VIII вв. в рамках региона Центральной Азии и средневекового Казахстана;

- реконструировать мировоззренческую модель Тюркского каганата, основанного и функционировавшего по принципу дуальной структуры мироздания, пронизывающей все области жизненной деятельности и сферы духовной и материальной культуры тюркского социума;

- обосновать процесс преемственности культур средневековых тюркских этносов, коренных казахов и тюркских народов Евразии.

Изложенные выше выводы позволяют использовать курс лекций «Тюркология: историко-археологический аспект» в качестве обязательной базовой дисциплины в преподавании и подготовке специалистов в области Истории тюркских народов.

Лекция 1. Предмет, цель и задачи курса «Тюркология: историко-археологический аспект»

План лекции:

1. Предмет, цель и задачи курса.
2. Методы и методология изучаемого курса «Тюркология: историко-археологический аспект».
3. Источники и историография курса.

Предмет археологической тюркологии – артефакт/памятник, созданный в определенную эпоху развития этноса, содержащий информацию о его деятельности и служащий источником для исторической реконструкции материальной и духовной культуры тюрков.

Объектом курса лекции является комплексное изучение предмета науки во взаимной связи с его развитием во временном и пространственном измерениях.

Цель лекционного занятия посвящена изучению вопросов взаимной связи памятников с историей формирования тюркских народов. Формирование у магистрантов и докторантов навыков аналитического осмысления должно производиться на фоне сравнительно-сопоставительного анализа широкого круга источников.

Задачами занятия должны стать комплексный подход к изучению памятника как исторического источника, позволяющего раскрыть основные характерные черты наследия, служащего основой для исторических реконструкций. Материалы археологических памятников необходимо рассматривать в общем контексте тюркского наследия, сравнивая с данными других дисциплин: топонимики, ономастики, данных рунической письменности, этнографическими источниками.

Результаты научной документации, изучения и реконструкции сотен культово-мемориальных комплексов эпохи средневековья, десятков погребальных и ритуальных сооружений с каменными изваяниями, стелами, наскальными рисунками, тюркскими родовыми тамгами, серией каменных алтарей и памятников рунического письма позволяют установить содержательную, структурную взаимосвязь тюркских памятников между собой. Одним из важных выводов является заключение о тесной взаимосвязи материального мира с традиционным мировоззрением тюрков. В процессе исследования содержания культовых памятников с изваяниями, устанавливается их назначение как объектов для проведения ритуалов поклонения высшим божествам, арухам/духам обожествленных предков и использовании их в процессе проведения обрядов и ритуалов, связанных с календарным циклом и событийными вехами жизни общества.

Повторный анализ археологических материалов погребальных памятников племен, населявших земли Жетысу в период с рубежа эры до середины первого тысячелетия нашей эры, позволяет выявить характерные черты развития культуры в начальный период этногенеза тюркских племен. Анализ источников позволяет прийти к выводам, что генезис культуры тюркских племен, составивших этническое ядро Западного Тюркского каганата, хронологически датируется с первых веков первого тысячелетия нашей эры. Формирование и развитие тюркского культурного комплекса прослеживается по типам погребальных комплексов, погребальному обряду, артефактов из памятников оседло-земледельческого круга с этой же территории и Южного Казахстана.

Описанные выводы подтверждаются богатым по содержанию материалом по идео, социо и политогенезу племен рубежа эры и средневековья. В письменных источниках нашли

отражение многочисленные данные, свидетельствующие об особенностях традиционного мировоззрения тюркских племен рубежа эры и раннего средневековья. Идеология общества в период его становления выражена в цикле этнографических преданий о происхождении этноса тюрков и воплощена в материалах памятников прикладного культового искусства. Основные элементы духовной культуры тюркских племен в концентрированном виде нашли отражение в многочисленных артефактах, наиболее яркими из которых являются атрибуты служителей культа, найденные в захоронениях или в составе кладов.

В процессе анализа культовых предметов гуннской эпохи из Борового, курганов у с. Коктал (Жамбылская область), а. Жамбыл, Кара агач (Акмолинская область), с территории Алматинской области и аналогичных им артефактов с территории Восточной Европы, Румынии, в Крыму и др. получены результаты, приведшие к выводам о генезисе культур народов, населявших территорию Казахстана и Восточной Европы в ранние периоды развития.

В процессе обучения, анализ источников необходимо проинформировать с целью объяснения значения образов мистических персонажей, изображенных на культовых предметах. Такие атрибуты как диадемы, гривны, перстни, алтари и др. периода первых веков нашей эры, объединенные единым содержанием и отображающие идею о происхождении тюрков, продолжают свое существование в эпоху средневековья в культовом, мемориальном искусстве тюркских кочевников, наскальном искусстве и мифологических преданиях, сохранившихся в древних письменных источниках. Описанные образы нашли отражение и в нумизматическом материале.

Исследования, проведенные на тюркских мемориальных памятниках, классификационный и системный анализ

всех типов памятников, артефактов из раскопок, послужившие основанием для хронологической и культурологической спецификации комплексов, позволяют выявить отличительные особенности развития культуры тюркских племен. Основой для выделения в пространстве казахских степей сакральных памятников тюркских племен послужили признаки дифференциации в топографическом расположении различных типов культово-мемориальных комплексов, конструктивные особенности погребальных и ритуальных сооружений, типологические различия сооружений, вещевой инвентарь из захоронений и оград, различия в сюжетах памятников наскального искусства и отличия, выявленные в типах родовых тюркских тамг.

Типы ритуальных сооружений, совместно с индивидуальными особенностями статуарных образцов памятников монументального искусства, отличительными особенностями памятников наскального искусства, сопровождающих культовые мемориалы и различия знаков собственности, тамг, высеченных на скалах, стелах и изваяниях, монетах позволили документально аргументировать принадлежность сакральных комплексов Мерке и Жайсан, как культовых объектов различных тюркских конфедераций племен. Основные отличительные признаки комплекса памятников тюркских святилищ Мерке, Жайсан и Кумай выделенные в результате системного анализа типов культовых памятников, стиля изображения каменных скульптур, иконографических особенностей портретов статуй, предметного комплекса, изображенного на скульптурах, послужили основанием для дифференциации и атрибуции их как сакральных объектов тюркских племен западного и восточного ареалов Центральной Азии (рисунок 1-3).

На курганных ритуальных сооружениях западных тюрков, на наиболее хорошо изученном святилище Мерке (картографировано 76 каменных скульптур) культовые памятники представлены конструкциями в форме курганной насыпи. На курганах каменные статуи установлены лицами друг к другу. Такая ориентировка в некоторых случаях соответствовала ориентировке мужского изваяния на юго-восток, а расположенное на этом же кургане женское изваяние было обращено вполоборота к мужской статуе, т.е. было ориентировано на северо-запад. В святилище Мерке зафиксированы памятники, на которых женские изваяния установлены одиночно в пристройках с восточной стороны и обращены лицами на восток.

Существенным отличием каменных скульптурных образцов западных тюрков является такая особенность как отсутствие предметов вооружения на статуях. Другим признаком, отличающим названные статуи, является изображение сосудов в обеих руках, сложенных на уровне живота. Сосуды изображались как в руках мужских, так и женских изваяний (рисунок 1, 2-3). Этнокультурной особенностью может быть и один из существенных элементов портрета изваяний западных тюрков: формы носов изваяний переданы прямыми линиями, без выдающихся на скулах ноздрей и развивающихся по лицу линий бровей и широких усов. Создается впечатление, что описанные характеристики портретов западных тюрков передают миролюбивый характер мемориальных сооружений, целью которых была идея, направленная на созидание.

Материалы исследований культовых сооружений святилища Жайсан, темы и сюжеты памятников наскального искусства, сопровождающих ритуальные конструкции с каменными изваяниями, родовые тамги и каменные статуи женщин

на ритуальных оградах, позволяют выявить синкретический характер содержания культурного наследия. В содержании культовых сооружений Жайсана, в символике отдельных элементов памятников нашли отражение идеологические ценности западных и восточных тюрков. Наличие черт, характеризующих черты материальной и духовной культур, как восточных, так и западных тюркских племен является свидетельством появления новых критериев мировоззренческих ценностей. Развитие и формирование новых признаков идеологического комплекса, вероятно, было выработано в процессе установления тесных кровнородственных и социальных отношений между представителями тюркских племен, ранее представлявших культуру восточного и западного ареалов тюркского мира Центральной Азии и Казахстана.

На мемориальных культовых оградах святилищ Кумай и Жайсан, изваяния на оградах восточных регионов Центральной Азии установлены с восточной стороны ритуальных конструкций и обращены лицами на восток. Другая особенность культуры восточных тюрков содержится в иконографии статуарных образцов монументальной скульптуры. Наряду с подчеркнута выделенными портретными характеристиками возвеличенных персонажей, олицетворявших великих личностей, обладавших характеристиками героев с чертами лица выдающихся персон: широкие линии бровей и усов вразлет, крупные миндалины глаз и отчетливо выделенные ноздри, присутствуют и другие признаки. К примеру, в позе изваяний восточных тюрков как правило, в правой руке, изогнутой в локте на уровне груди изображен сосуд, а в левой полусогнутой руке показано оружие (рисунок 4,1). Наряду с кардинальными отличиями, которые нашли отражение в типах культовых сооружений, особенностях стиля иконографии статуй важно уделить внимание и факту

социального ранжирования в тюркском сообществе. В процессе лекционного занятия, используя иллюстративный материал необходимо раскрыть способы, использованные древними мастерами для передачи образов кагана, его советника, верховного жреца. Произвести анализ монументальной скульптуры в сравнении с дополнительными иллюстрациями средневековой живописи, нумизматического материала на которых есть изображения тюркской социальной элиты. В лекционном занятии процесс анализа памятников прикладного искусства необходимо произвести параллельно с анализом сведений письменных китайских, сирийских, византийских, арабских и персидских источников в которых сохранились этнографические описания образов тюрков.

Сравнительный анализ источников важно произвести и с точки зрения исследования вопросов генезиса этнической культуры, привлекая методы картографирования различных типов памятников и их особенностей в конкретный период на том или иной пространстве.

Для понимания основ традиционного мировоззрения тюрков представляется важным, что границы высокой концентрации и распространения культовых объектов на определенных пространствах степи, свидетельствуют о локализации их в пределах заповедных зон, специально созданных и предназначенных для проведения ритуальных действий (рисунок 1,1; 2,1; 3,1).

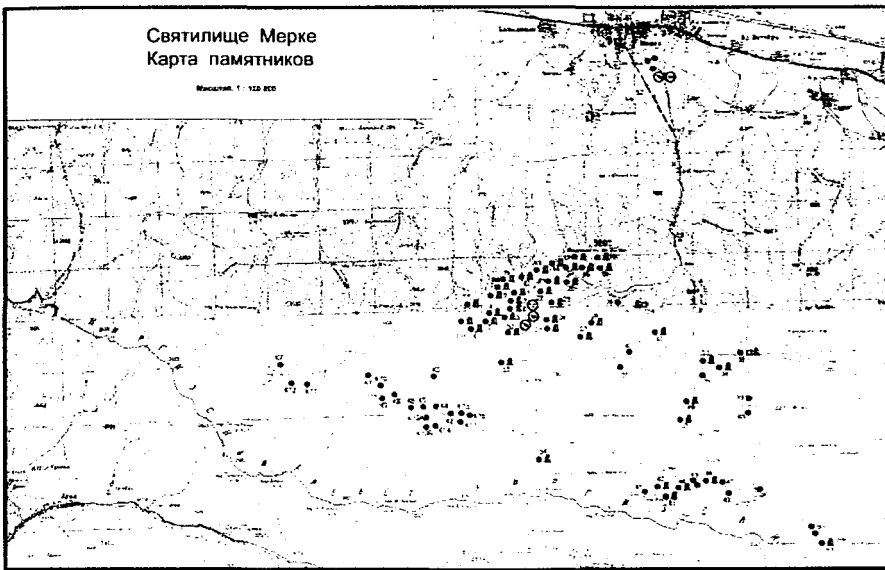
Комплексный анализ всего объема источников, полученных в процессе изысканий, материалов всех типов памятников, ландшафтно-топографические наблюдения на территориях расположения памятников святилищ, а также скрупулезный подход в изучении артефактов, искусствоведческий анализ памятников монументального искусства позволяет обосновать концепцию автохтонного развития культуры

тюркских племен, стоявших у истоков создания и развития Тюркского каганата.

Использованная литература:

1. Атлас «Западный Тюркский каганат». – Астана – «Дайк Пресс», 2013. – 848 с.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – «Наука». – 676 с.
3. Досымбаева А. М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в. н.э. – Алматы, 2007. – 214 с.
4. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
5. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа / РАН ИА – М.: Наука, 2005. – 299 с.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.1, часть 1. – СПб, 1893. – Изд. дом. Типография Академии наук. – 968 с.
7. Камолиддин Ш. Древнетюркская топонимия Семиречья // Древний Тараз и Тюркская цивилизация. Материалы международной научно-практической конференции. – Тараз, 2007.
8. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 230 с.
9. Мокрынин В. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. – Бишкек, 2010. – 298 с.
10. Новоженев В. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Алматы, 2012. – 500 с.

Условные обозначения: ● — курган с изваянием   □ — ограда со стелами   ⊙ — петроглифы
 □ — ограда с изваянием   ⊙ — руническая надпись   ⊙ — алтарь

1

2

3

Рисунок 1. 1 – Карта святилища Мерке. 2 – Актас 3. Мужское изваяние.
 3 – Сандык 3. Парные женские статуи

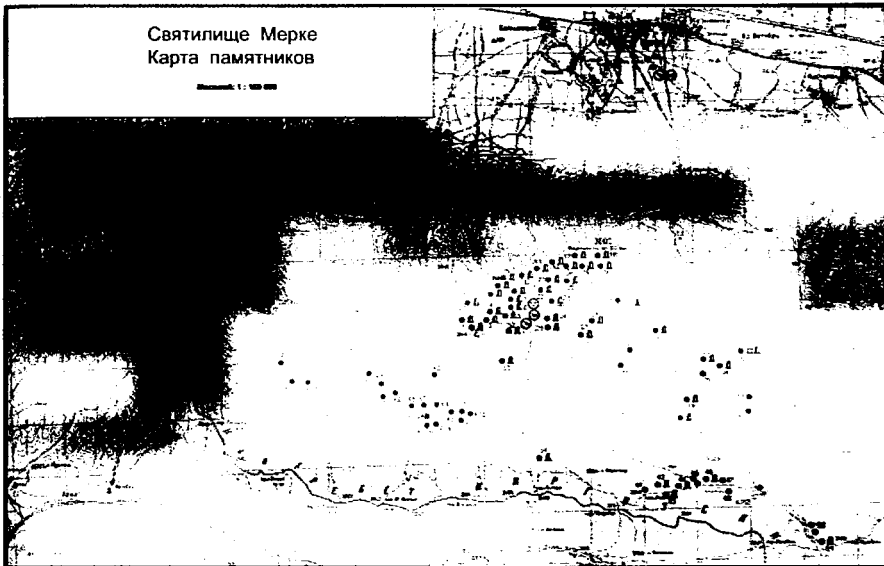
тюркских племен, стоявших у истоков создания и развития Тюркского каганата.

Использованная литература:

1. Атлас «Западный Тюркский каганат». – Астана – «Дайк Пресс», 2013. – 848 с.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – «Наука». – 676 с.
3. Досымбаева А. М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в. н.э. – Алматы, 2007. – 214 с.
4. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
5. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа / РАН ИА – М.: Наука, 2005. – 299 с.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.1, часть 1. – СПб, 1893. – Изд. дом. Типография Академии наук. – 968 с.
7. Камолиддин Ш. Древнетюркская топонимия Семиречья // Древний Тараз и Тюркская цивилизация. Материалы международной научно-практической конференции. – Тараз, 2007.
8. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 230 с.
9. Мокрынин В. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. – Бишкек, 2010. – 298 с.
10. Новоженев В. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Алматы, 2012. – 500 с.

Святылішча Мерке
Карта памятнікаў

Масштаб: 1: 100 000

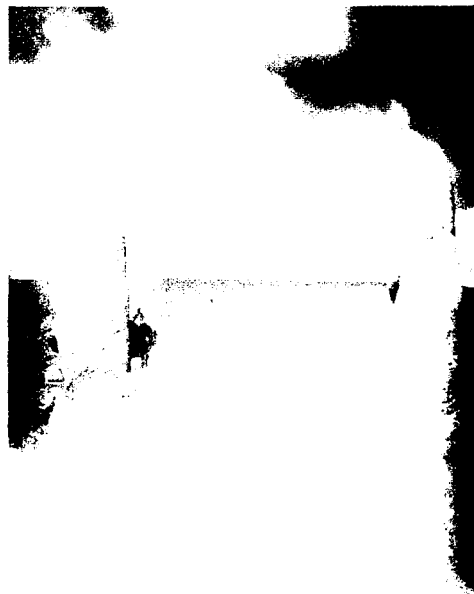

Условныя
азначэння: ● — курган з ізваянем □ — ограда со стелами ⊕ — петрогліфы
□ — ограда с ізваянем ⊖ — рунічная надпіс ⊙ — алталь

1

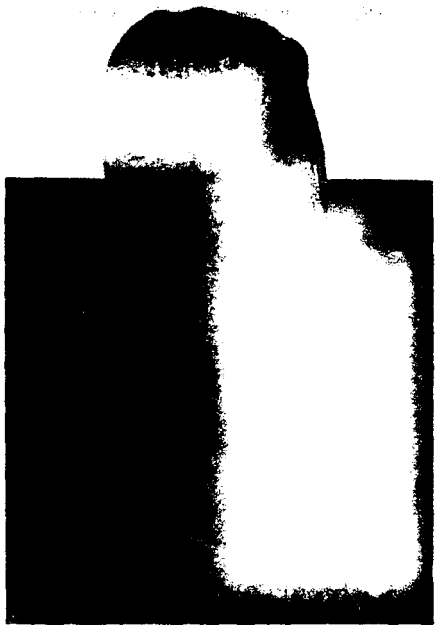
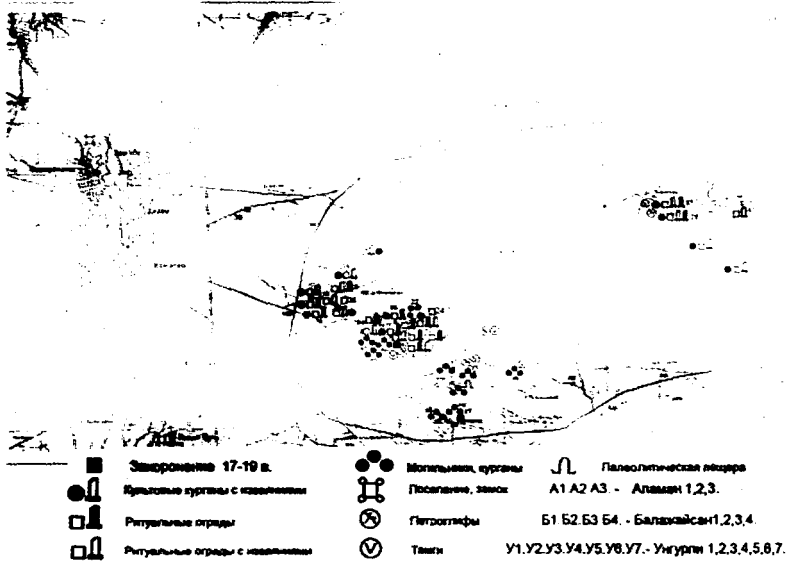

2

3

Рисунок 1. 1 – Карта святилища Мерке. 2 – Актас 3. Мужское изваяние.
3 – Сандык 3. Парные женские статуи

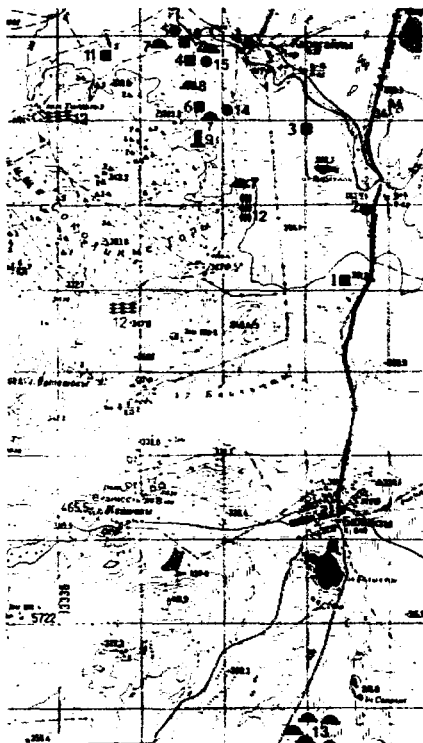
2

3

Рисунок 2. 1 – Карта святилища Жайсан. 2 – Статуя кагана. Жайсан 14. 3 – Статуя жреца. Жайсан 26.

Карта памятников культурного комплекса Кумай

- 1 - Тюркские ограды с изваяниями Косбатыр.
- 2 - Конструкция эпохи бронзы.
- 3 - Тюркская ограда с изваянием Карагайлы 1.
- 4 - Тюркские ограды с изваяниями Карагайлы 2.
- 5 - Могильник эпохи бронзы Карагайлы 4.
- 6 - Тюркская ограда с изваянием Карагайлы 3.
- 7 - Курганы.
- 8 - Курган с усами.
- 9 - Поселение. Каменное изваяние.
- 10 - Тюркские ограды Карагайлы 5.
- 11 - Тюркские ограды с изваяниями Карагайлы 6.
- 12 - Погребальные сооружения позднесредневековой эпохи.
- 13 - Курганная группа Балыкты 1.
- 14 - Могильник эпохи бронзы Карагайлы 3.
- 15 - Могильник эпохи бронзы Карагайлы 2.

2

Рисунок 3. 1- Карта святилища Кумай. 2 - Карагайлы 1. Статуя Кагана.

1

2

3

Рисунок 4. Святилище Кумай, Образцы монументальной скульптуры:
1 – Косбатыр; 2 – Карагайлы 2; 3 – Карагайлы 8.

Лекция 2. Методы и методология курса «Тюркология: историко-археологический аспект».

План лекции:

1. Методы исследования погребальных сооружений различных эпох.
2. Методы сравнительного анализа артефактов.
3. Методология сравнительного анализа тюркских культовых конструкций с каменными изваяниями

Комплексное научное изучение вновь открытых археологических памятников археолого-этнографического комплекса Кумай представляет собой особую значимость в контексте целого ряда научных проблем гуманитарной мысли Казахстана. Памятники культурного комплекса Кумай, расположенные в непосредственной близости от новой столицы, города Астаны содержат в своем составе культурное наследие нескольких тысячелетий, компактно локализованное на одной территории, в пределах национального парка Буйратау, у подножья одноименной горной гряды, в Ерейментаском районе, Акмолинской области. Количественное соотношение памятников, выраженное в высокой концентрации мемориальных сооружений различных эпох в одном пространстве, с культовыми ритуальными конструкциями тюрков, с каменными изваяниями обожествленных предков, а также погребальных сооружений этнографического времени и поселений является свидетельством, подтверждающим историческую феноменальность вновь открытого комплекса Кумай. Открытие, последующее изучение и последовательное сохранение памятников различных эпох базируется на комплексе методов, используемых для распознавания

и интерпретации культурного наследия, локализуемого на одном пространстве.

Погребальные конструкции эпохи бронзы, сосредоточенные в трех группах памятников, исчисляемые сотнями различных по типу сооружений, оград, курганов позволяют судить о хронологической протяженности бытования наследия в рамках всего периода эпохи бронзы, от самых ранних памятников атасуско-нуринского типа до бегазы-дандыбаевской культуры. Археологическое изучение памятников эпохи бронзы начинается с визуального распознавания его в конкретном пространстве. После проведения топографической съемки, фотографической фиксации, составления описания и изготовления паспорта проводятся археологические раскопки памятника. Погребальные конструкции, представленные округлыми оградами, которые сооружены из каменных плит, поставленных вертикально по периметру ограждения, содержат внутри них каменные ящики с останками захороненных людей. Во всех сооружениях находится инвентарь, сопровождающий захоронение и представленный керамическими изделиями, металлическими предметами, останками жертвенных животных.

Определение хронологической принадлежности происходит в процессе анализа формы и типа погребального сооружения, погребального обряда, формы сосудов, способов его изготовления, орнаментации, присутствующей на них. Анализу подвергаются и другие предметы из погребальной конструкции. В процессе комплексного анализа используются и естественно-научные методы. Раскопки, проведенные на двух оградах эпохи бронзы, на памятниках Карагайлы 2 и 3 позволили определить принадлежность памятников к периоду ранней бронзы (рисунок 1, 1-5).

Методы изучения другого типа памятника который наряду с конструкциями эпохи бронзы представлен в составе памятников «Археолого-этнографического комплекса Кумай», получивших наименование курганов с «усами», основаны на иных способах изучения. Каменные округлые по форме насыпи сопровождаются двумя каменными выкладками – грядами, которые отходят от центрального сооружения к востоку. На двух изученных конструкциях в составе комплексов памятников Карагайлы 2 и Карагайлы 8, длина каменных гряд составляла 36 м на первом и 163 м на втором (рисунок 2, 1-2). Для распознавания первоначального облика памятника произведена зачистка каменных сооружений от земли и других напластований, образовавшихся за длительный период времени. В процессе зачистки производится одновременные работы по восстановлению памятника (рисунок 2,1).

В процессе раскопок курганной конструкции проводятся все виды фиксации и описания архитектурных особенностей сооружения и обнаруженных в них артефактов.

На памятнике Карагайлы 2 концевые части дугообразных выкладок завершены кольцевидными выкладками, в которых были установлены антропоморфные стелы (рисунок 4.2, 4). Высокая, также антропоморфная стела ранее была установлена в нескольких метрах к востоку от кургана и занимала центральное положение по отношению ко всей конструкции (см. фото реконструкции на рисунок 4.2, 4). Округлые выкладки на окончаниях дугообразных выкладок являют собой один из характерных элементов описываемого типа мемориальных сооружений. В восточной части насыпи обнаружен керамический лепной сосуд (рисунок 4, 3). Находки близких по форме сосудов в определенной части, под насыпью в специально сооруженных ямках зафиксированы в процессе изучения аналогичных памятников на территории

Южного Урала. Близкие по форме сосуды происходят из курганов Талгарского могильника в Алматинской области. В связи с вопросами интерпретации аналогичного типа памятников представляют интерес реперные элементы, происходящие из памятников различного типа, но характеризующие разные стороны многообразного культурного наследия сунну/хунну. Под насыпью кургана, изученного горным инженером А. Козыревым на территории Акмолинского уезда, на глубине 90 см была обнаружена антропоморфная стела, такие же стелы выявлены академиком А. Маргуланом в центре округлых выкладок на концах «усов» одного из курганов Центрального Казахстана. В составе святилища Мерке зафиксирован курган с «усами», завершающийся выкладкой с каменным изваянием.

Наиболее примечательными и яркими памятниками культурного наследия комплекса Кумай являются тюркские культовые памятники с каменными скульптурами (рисунок 3, 1-3). Исконно тюркская традиция поклонения и обожествления великих людей, выраженная в сооружении ритуальных прямоугольных оград – символов домов, с восточной стороны которых устанавливались каменные статуи с портретными изображениями героических личностей эпохи, в степи долины Кумай представлена во всем великолепии. В традиционном тюркском стиле на памятнике Косбатыр, Карагайлы 1 и других, великолепно высечены скульптурные образы различных представителей средневековой тюркской социальной элиты. В наборе приемов, использованных скульптором для передачи личностных характеристик персон изображенных на тюркских статуях, характерным является стиль передачи широких, изогнутых по форме бровей, слегка раскосых, больших глаз, разлетающихся линий усов, широких ноздрей носа. В размерах каменных глыб, фактуре камня,

различной цветовой гамме, в случае установки парных статуй на ритуальных конструкциях, отражены представления идеологического содержания и кроется информация об особенностях уровня социальных взаимоотношений и ранжирования в традиционном обществе тюрков.

Большой научный интерес представляют наборы атрибутов, изображенные на скульптурах, сосуд, предметы украшения и вооружения, служащие в качестве источников по различным аспектам комплексных археологических и этнологических исследований, включающих разделы по хронологии бытования предметов до вопросов, касающихся регламента социального ранжирования и мировоззренческих устоев традиционного тюркского общества.

Историческое значение памятников культурного комплекса Кумай заключается в потенциальной информативности всех видов и типов памятников, изучение которых во взаимной связи будет способствовать решению многих актуальных задач и проблем, стоящих перед исторической наукой Казахстана и Евразии. Перспектива проведения масштабных комплексных исследований на описываемых памятниках оправдана с позиции их новизны, широкой представительности разновременных памятников, их совместной локализации в ландшафте реки Кумай и в контексте исследования глобальной проблемы генезиса этнических культур древности, средневековья и этнографической современности. Компактное расположение памятников в составе групп памятников Карагайлы 2, 3, 4, 8 послужили поводом для одновременного комплексного исследования разнотипных конструкций, относящихся к различным периодам развития культурного наследия на территории Казахстана.

Комплексному изучению памятников культурного комплекса Кумай будет способствовать стремление сохранить

культурное наследие, так как оно проводится в рамках перспективного направления современного общества и является одним из приоритетов развития Республики Казахстан. Все открытые памятники документированы, произведены картографирование, топографическое обследование, составлены планы памятников, изготовлены фотографии, рисунки, схемы и описания. Паспорта памятников, содержащие подробную, исчерпывающую научную информацию о вновь открытых объектах культурного наследия прошли регистрацию в исполнительном органе Ерейментауского района, Акмолинской области и взяты на учет в Управлении по охране и использованию историко-культурного наследия Акмолинской области.

Последовательное проведение работ по комплексному исследованию, консервации и реконструкции изученных памятников в естественном ландшафте степи, позволяет использовать культурное наследие в качестве музея под открытым небом, как лаборатории для обучающейся молодежи, специалистов, для проведения открытых лекций и в качестве объектов республиканского и международного туризма.

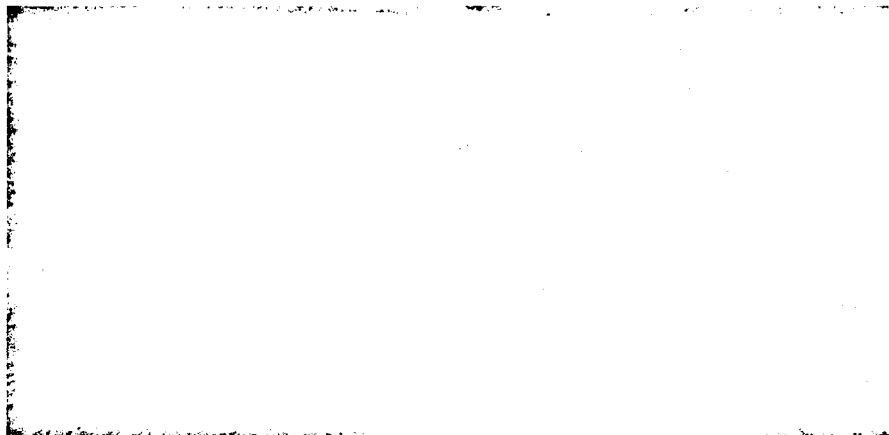
Природная среда, в которой на протяжении нескольких тысячелетий проходил процесс развития и формирования археолого-этнографического комплекса Кумай, широко представлена многочисленными эндемичными видами флоры и фауны, обилием водных источников, родников, рек Кумай и Селеты, озера Балыкты и других небольших озер, что послужило основанием для создания государственного национального парка Буйратау. Исследования, проведенные в районах высокой концентрации культовых, мемориальных памятников также указывают на взаимную связь и обусловленность процесса развития этнических культур древности и средневековья с окружающей природной средой обитания.

Следовательно, расположение уникальных археологических памятников в границах государственного национального парка Буйратау, характеризующегося параметрами уникальных природных свойств, является одним из основных факторов, повлиявших на выбор территории долины реки Кумай в качестве местообитания многих поколений людей на протяжении нескольких тысячелетий.

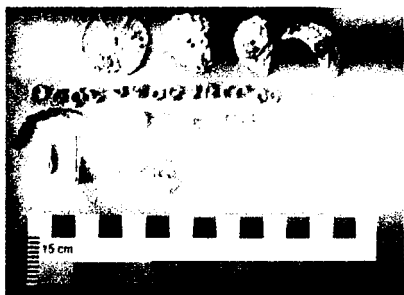
Такие земли маркировали самыми дорогими и священными символами, провожая в последний путь своих предков, создавая им памятники на века. Высекая статуи своих предков и устанавливая их в степи, тюрки приносили клятвы верности их памяти, обещая хранить верность идее святости священной земли отцов. Культурное наследие долины реки Кумай представляет собой один из самых ярких образцов наследия, расположенного на территории не только Казахстана, но и всей Центральной Азии и Евразии.

Использованная литература:

1. Досымбаева А. О казахстанском очаге тюркской культуры / Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Материалы международной научно-теоретической конференции. – Алматы: Гылым, 2001. – С. 496-505.
2. Досымбаева А. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии // Государственность и Великая степь: материалы международной научной конференции. – Астана: Kultegin, 2006. – С 63-74.
3. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – “Service Press”, 2013. – 250 с.
4. Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. – Астана, 2012 – 146 с.

1

2

3

4

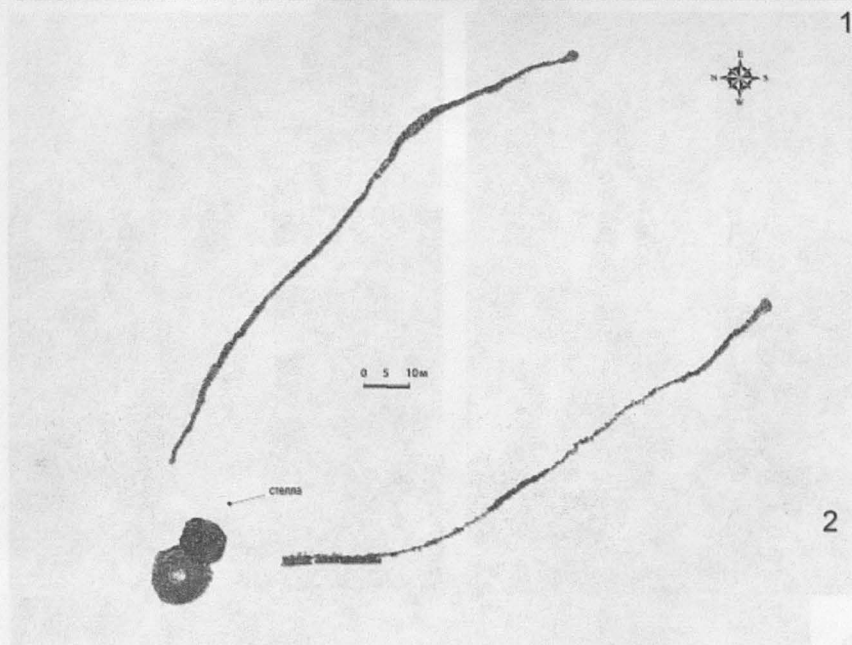

5

Рисунок 1. Карагайлы 3. 1 – Погребальная конструкция;
2 – украшения из бронзы и раковины; 3-5 – сосуды.

1

2

Рисунок 2. Святилище Кумай. Карагайлы 8. Курган с «усами». 1 – Вид на памятник после реконструкции; 2 – Графический план памятника.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

№ 00326307

1

2

3

Рисунок 3. Святилище Кумай. Карагайлы 8. Ритуальные ограды со статуями.

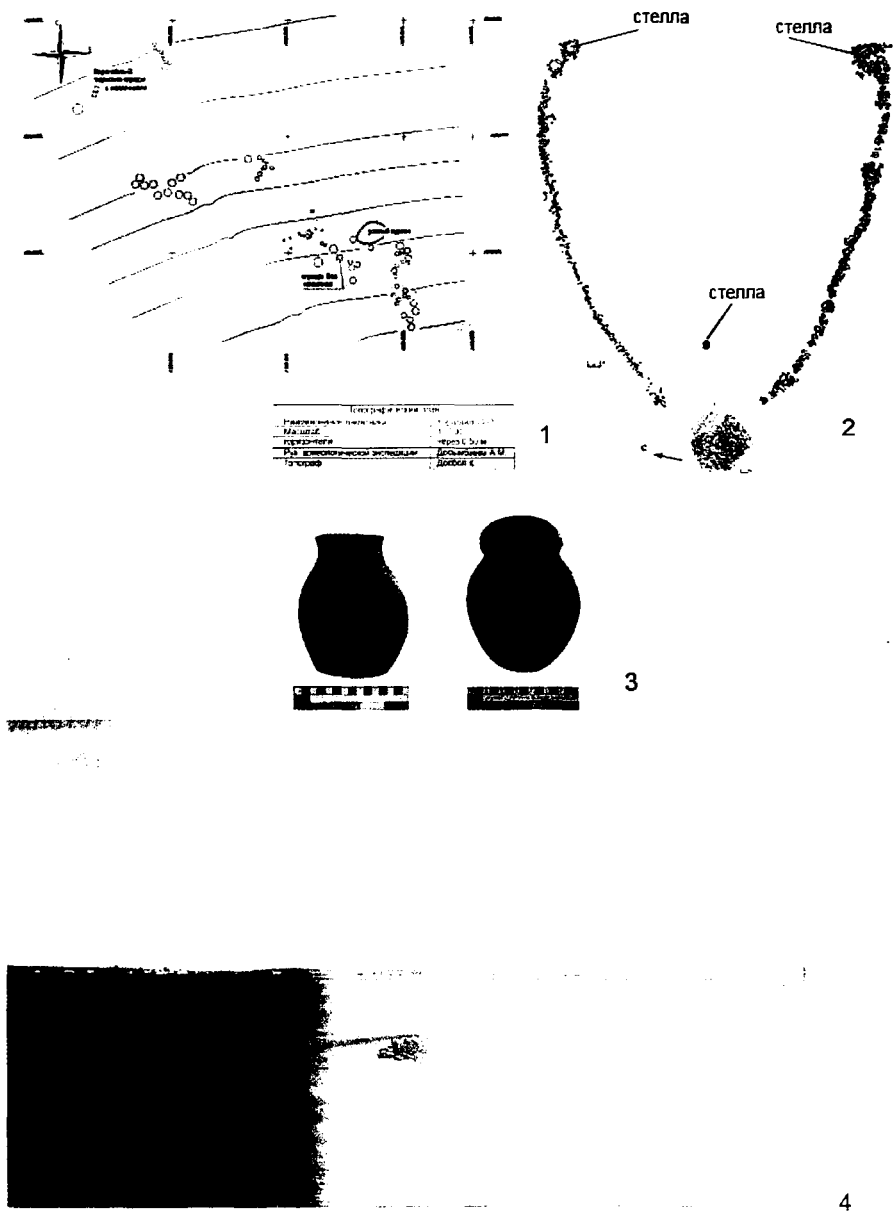

Рисунок 4. Карагайлы 2-3. Курган с усами. План, схема, сосуд и вид после реконструкции

Лекция 3. Применение методов комплексного анализа в археологической тюркологии.

План лекции:

1. Методология комплексного сравнительно-сопоставительного анализа артефактов.
2. Вопросы этнокультурной интерпретации памятников.

За период с 2009 года на территории Акмолинской области были открыты и изучены целые серии новых памятников. Изучение архитектурных особенностей конструкций, погребального обряда, культовых сооружений и артефактов с использованием методов комплексного и сравнительно-сопоставительного анализа принесло свои плоды. Прежде всего, результаты исследования новых материалов были сравнены с ранее изученными артефактами с территории Казахстана, затем с материалами памятников Южного Урала, Восточной Европы.

Среди новых объектов культурного наследия на территории Акмолинской области были изучены погребальные сооружения, расположенные на территории Астраханского района, в округе аула Жамбыл. В 2011 году экспедицией Президентского центра культуры был раскопан разрушающийся в процессе ежегодной распашки курган. Результаты исследования памятника, несмотря на его почти полное разрушение (насыпь повреждена во время пахотных работ, погребальная конструкция подвержена ограблению) дали возможность для анализа оставшихся артефактов. Под насыпью, диаметром 32,4 м, высотой 1 м, на глубине от 3,65 до 6 м была выявлена погребальная конструкция. Конструкция сооружена из деревянных плах, ранее установленных вертикально

и отпечатавшихся на стенах внутри ямы, на глубине более 6 м. На дне самой конструкции были обнаружены железный акинак/кинжал (состоящий из двух сломанных частей), керамический, сероглиняный, круглодонный сосуд, украшенный валиком по шейке сосуда. В верхней части по тулову сосуд украшен вертикальными полосами насечек и округлыми вдавлениями между ними. В конструкции также найдены золотые ребристые пронизки, собранные в разных частях камеры, золотая бусина, украшенная зернью. Анализ всех полученных материалов из памятника позволил произвести реконструкцию обряда и определить хронологическую и культурную принадлежность памятника.

Сравнительный анализ новых археологических материалов в контексте ранее изученных памятников с территории Казахстана и Южного Урала предоставил возможность интерпретации памятника как наследия сунну/хунну/гунну. Наблюдения по конструкции кургана у аула Жамбыл в Астраханском районе, Акмолинской области показали на сходство конструктивных особенностей с сооружениями из Талгарского могильника (Алматинская область, памятник насчитывал всего 444 кургана).

Размеры курганных сооружений Талгарского могильника, достигающие в высоту от 0,5 до 4,5 м, диаметром от 18 до 56 м, свидетельствуют о принадлежности мемориальных сооружений привилегированным членам общества. Весь состав вещевого материала имеет аналогии среди артефактов, найденных в комплексах, входящих в состав инвентаря социальной элиты хунну.

Возможность выделения памятников сунну/хунну стала доступной на основе современного уровня знаний, анализа новых археологических материалов. Одним из наиболее веских аргументов в пользу названной интерпретации

стал повторный анализ архитектурных особенностей погребальных конструкций, обряда и сопроводительного инвентаря могильника Талгарский. В процессе изучения памятника была выявлена однотипность конструкций всех 6 раскопанных курганов, содержавших погребальные сооружения, стены которых внутри ямы были обложены камнем или деревом, перекрыты деревянными плахами. Весь состав вещевого материала имеет аналогии среди артефактов, найденных в комплектах, входящих в состав инвентаря социальной элиты хунну.

Инвентарь, представленный сероглиняным, круглодонным сосудом, украшенный валиком, вертикальными полосами насечек и округлыми вдавлениями между ними, железным кинжалом, золотыми ребристыми пронизками, золотой бусиной украшенной зернью, пастовыми бусинами имеет аналогии в наследии хуннов.

Согласно выводам специалистов, использование дерева или камня для обкладки стен погребальных камер характерны для погребальной обрядности хунну. И тип керамических сосудов с округлым, шарообразным туловом, с валиком в месте перехода от шейки к тулову также являют собой образцы посуды, встречающиеся среди материалов памятников, оставленных названным населением (рисунок 1, 2). Представляют интерес золотые ребристые пронизи из кургана у аула Жамбыл, имеющие прямые аналогии среди вещей из Талгарского могильника. В кургане 42 Чиликского могильника выявлено погребение в каменном ящике. Сосуд из погребения датируется II - IV вв. н.э. Захоронение в яме кургана 46 этого же могильника было перекрыто деревянными плашками, поставленными наклонно. Кувшин из этого погребения, со специфическим валиком-жгутом, с насечками, нанесенными на валик, относится к периоду бытования

таких форм сосудов в I половине I тыс. н.э. и в средневековье. Кувшин, украшенный валиком близок по форме сосуду из гуннского захоронения у а. Жамбыл (рисунок 1, 2).

Оригинальная бусина бочонковидной формы, украшенная зернью, совместно с описанными выше наблюдениями, дает повод для подтверждения высказанных выше выводов о культурных маркерах хуннской эпохи (рисунок 1, 6). Специалисты считают, что «использование орнаментов из зерни является характерной чертой технических и художественных приемов стиля различных предметов украшений гуннской эпохи». Убедительным доказательством принадлежности хунну/гуннам украшений с зернью являются уникальная коллекция золотых полихромных изделий из памятника вблизи Борового (рисунок 2, 1-3,4) и у с. Кара Агач (рисунок 2, 2) (Акмолинская область). Примечательными для памятников описываемой эпохи является присутствие среди артефактов Талгарского могильника золотой миниатюрной бляшки с изображением человеческого лица (рисунок 3, 5), имеющая точный аналог в наследии гуннов Восточной Европы (Запорожская область, погребение у с. Новогригорьевка) (рисунок 3.6, 7).

Амулет в форме головы птицы из Талгарского могильника изготовленный из камня повторяет форму бронзового украшения/амулета, совместно с другими элитарными вещами входившего в комплект уникальных изделий из гуннского погребения около оз. Борового (рисунок 3, 8). По наблюдению автора: «такая же голова изображена на пластине в виде фигуры птицы из погребения у с. Концешты в Румынии».

Часть золотой диадемы из кургана Коктал (Жамбылская область) имеет аналогии в изделиях из Борового и широкого круга других вещей, а стиль наконечника гривны из кургана Кара Агач (рисунок 2, 2) идентичен стилю образа дракона

на таком же предмете из погребения у с. Татарка близ Ставрополя. В дополнение к вопросу о параллелях мира культуры хунну надо вспомнить и о таких предметах как луновидной формы золотые или бронзовые накладки, которые происходят из могильника Берккара (рисунок 3, 3) и памятника в Запорожской области (рисунок 3, 4).

Описанные в работе артефакты, к числу которых относятся многочисленные предметы, изготовленные в полихромном стиле, накладки с изображением человеческого лица, наконечники гривен, серьги, бусы и др. относятся к разряду особого типа инвентаря, маркирующих социальный статус и половую принадлежность погребенных (рисунок 3). В соответствии с принадлежностью их представителям социальной элиты, местонахождение предметов в погребальных конструкциях могло соответствовать требованиям, принятым в соответствии с традиционными правилами общества и служить в качестве индикаторов этнической культуры хунну/гуннов. В контексте особенностей изобразительного стиля, форм предметов и их назначения в качестве атрибутов культа, одной из возможных версий интерпретации является факт принадлежности их людям, при жизни обладавшим статусом служителей культа/жреческой элиты. Богато декорированный, исполненный в полихромном стиле золотой наконечник гривны в форме стилизованного образа дракона из кургана Кара Агач, совместно с золотыми серьгами, изготовленными в том же стиле, свидетельствуют о том, что этот памятник был создан в честь женщины, служительницы культа, обязанностью которой было отправление ритуалов в хуннском обществе.

Сравнительный анализ всех, доступных видов источников служит основанием для выводов о том, что так называемые курганы с «усами» представляют собой ранние типы

культово-мемориальных сооружений тюркского населения на территории Казахстана, Южного Урала и др. регионов Центральной Азии.

С другой стороны результаты сравнительного анализа памятников служат основанием для выводов о взаимной связи культур хунну и усуней, одновременно вышедших на историческую арену в период с конца I тысячелетия до нашей эры и внесших неопределимый вклад в развитие Тюркского каганата в период середины I тысячелетия нашей эры.

Использованная литература:

1. Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012 – 146 с.
2. Максимова А.Г. Курганы близ Талгара //Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.
3. Боталов С. Г. Гунны и Тюрки. Челябинск, 2006. – 672 с.
4. Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. – Л., 1975. – 79 с.
5. Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара Агачь Акмолинского уезда //Известия императорской археологической комиссии. Вып. 16. – СПб, 1905. – 28-36.
6. Кадырбаев М. К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области // Вестник АН КазССР. – 1959, №7. – Алматы. – с. 89-97.

Лекция 4. Особенности методов комплексного сравнительного и сопоставительного анализа археологического артефакта.

План лекции:

1. Методология археолого-этнографического анализа артефактов.
2. Вопросы взаимной связи культовых атрибутов с традиционной идеологией тюркского общества.
3. Роль и место результатов археологического исследования в исторической науке.

В процессе изучения вопросов идеологии тюркских народов необходимо обратиться к ее истокам и произвести реконструкцию мировоззренческих эталонов номадов на основе анализа одного из видов артефактов, повсеместно встречающихся в культовом искусстве номадов Евразии. Комплексный сравнительно-сопоставительный анализ образа дракона, изображаемого на археологических артефактах, происходящих из различных типов памятников, позволяет раскрыть его семантическое содержание в контексте исторических условий тюркской эпохи.

Результаты системного анализа источников, позволяют распознать историческое значение образа дракона в традиционном мировоззрении тюрков и показать его значение в развитии традиционной культуры современных тюркских народов.

Комплексное изучение различных видов археологических материалов, нашедших выражение в формах культовых конструкций с каменными изваяниями, наскальных рисунков, родовых тамг, рунической письменности, сосредоточенных в рамках единых по своему содержанию тюркских святилищ

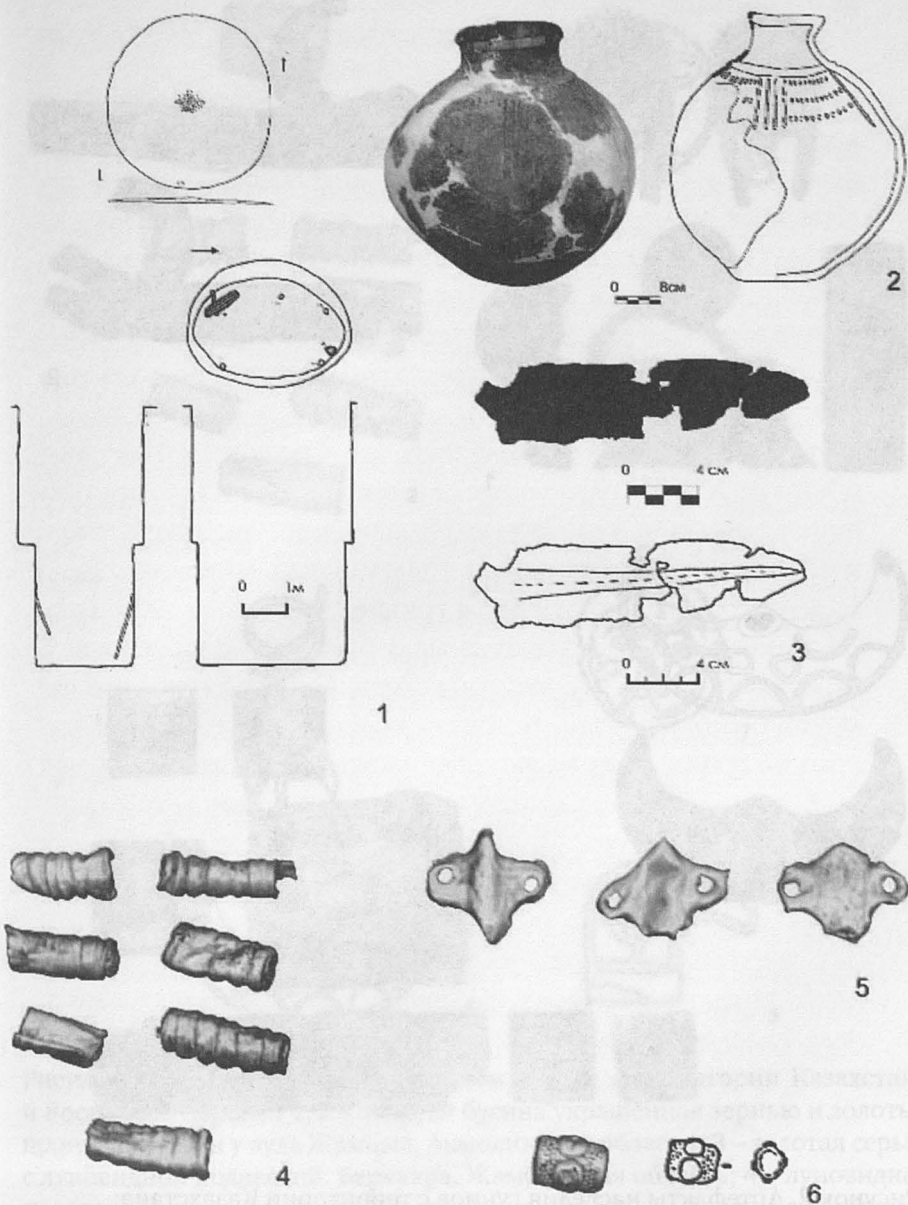

Рисунок 1. Курган у аула Жамбыл, Астраханский район, Акмолинской области.
 План памятника и артефакты из погребальной конструкции

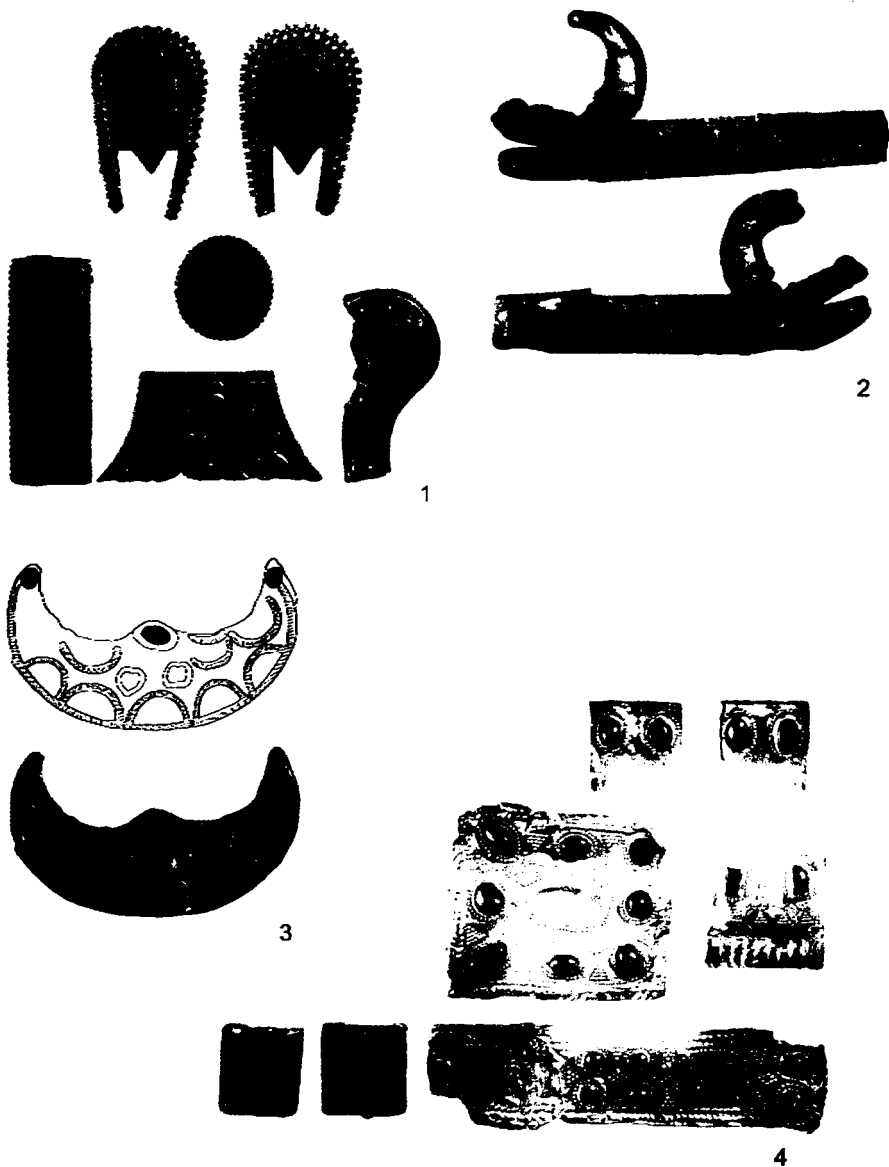

Рисунок 2. Артефакты наследия гуннов с территории Казахстана: 1,3,4 – Украшения. Находки из кургана близ Борового; 2 – изображение в виде дракона из кургана. Курган Караагач, Акмолинский уезд (раскопки горного инженера Козырева в 1902 г)

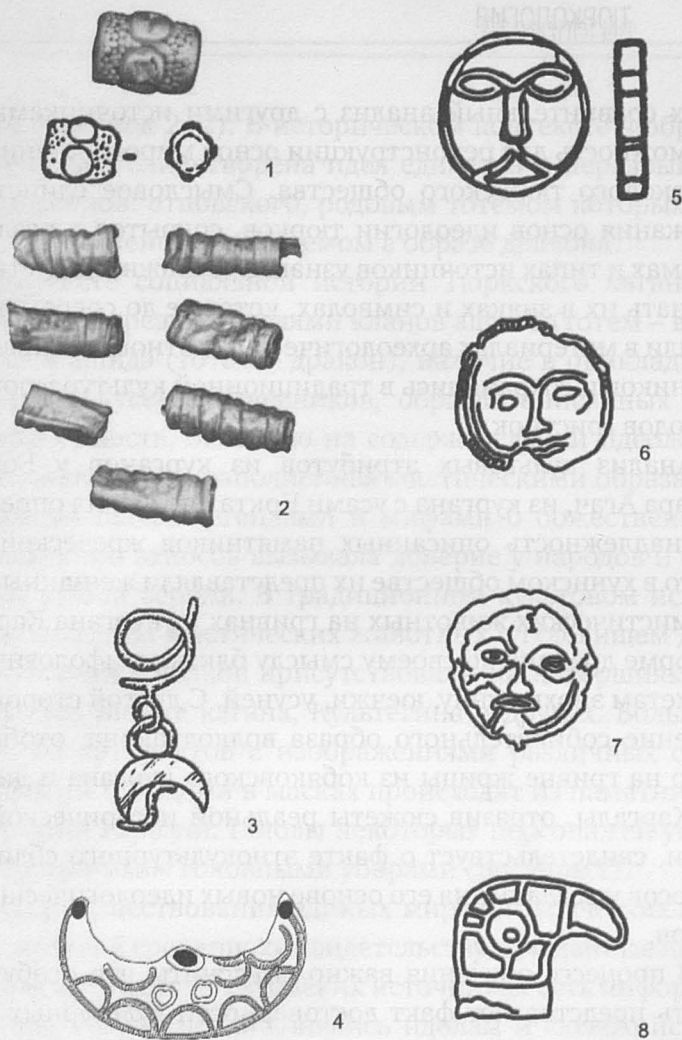

Рисунок 3. Артефакты из памятников гуннов с территории Казахстана и Восточной Европы: 1, 2 – золотая бусина украшенная зернью и золотые пронизи. Курган у аула Жамбыл, Акмолинской области; 3 – золотая серьга с луновидной подвеской. Берккара, Жамбылская область; 4 – луновидная подвеска. Новогригорьевка, Запорожская область; 5 – бляшка с изображением лица. Талгар, Алматинская область; 6,7 – Новогригорьевка, Запорожская область; 8 – амулет в форме головы птицы. Новогригорьевка, Запорожская область

и их сравнительный анализ с другими источниками дают возможность для реконструкции основ мировоззрения средневекового тюркского общества. Смысловое единство содержания основ идеологии тюрков, сокрытое в различных формах и типах источников узнаваемо. Важно увидеть и распознать их в знаках и символах, которые до современности дошли в материалах археологических и этнографических источников и сохранились в традиционной культуре тюркских народов (рисунок 1).

Анализ культовых атрибутов из курганов у Борового и Кара Агач, из кургана с усами Коктал позволил определить принадлежность описанных памятников жреческой элите и что в хуннском обществе их представляли женщины. Образы мистических животных на гривнах из кургана Кара Агач в форме дракона по своему смыслу близки мифологическим сюжетам эпохи хунну, юечжи, усуней. С другой стороны, появление собирательного образа волкодракона, отображенного на гривне жрицы из кобяковского кургана и диадемы из Каргалы, отразив сюжеты реальной исторической ситуации, свидетельствует о факте этнокультурного сближения этносов и создание на его основе новых идеологических маркеров.

В процессе обучения важно объяснить, что особую ценность представляет факт достоверности культурных параллелей между усуньским, хуннским и сарматским мирами, нашедшие отражение в близких по содержанию атрибутах культа. Сюжеты сходного по содержанию мифа, выраженные в образах мифического животного – волкодракона, присутствующих на каргалинской диадеме (рисунок 2, 1) и кобяковской гривне, так и в образе центрального персонажа гривны, показанного сидящим, с сосудом в обеих руках и др., были понятны и имели хождение в кочевой среде степей

Евразии (рисунок 2, 2). В историческом контексте в образе волкодраконов олицетворена идея единства и неразрывности двух кланов: отцовского, родовым тотемом которых являлись волк и женского с тотемом в образе дракона.

В контексте социальной истории Тюркского каганата, управляемого представителями кланов ашина (тотем – волк и птица) и ашидэ (тотем – дракон), наличие в прикладном культовом искусстве кочевников, образов описанных мистических существ, основано на содержательной идеологической основе. Вера, наполненная мистическими образами, сопровождающаяся легендами и мифами о божественном происхождении этносов вызывала доверие у народов и служителям культа верили. В традиционном культовом искусстве изображения мистических животных с туловищем дракона и головами волков присутствовали на навершиях каменных стел Бильге кагана, Культегина и других. Большое количество артефактов с изображениями различных сцен с животными и людьми в масках происходят из памятников с территории Евразии. Головы некоторых персонажей увенчаны «трехрогими» головными уборами (рисунок 1).

В пользу существования единых мировоззренческих эталонов в кочевой среде эпохи свидетельствуют и данные письменных источников. В китайских источниках есть информация о том, что усунь поклонялись идолам и «юэчжийский князь Сюту совершал жертвоприношения Небу перед изображением Золотого человека». Жертвоприношения перед образом сарматской богини Си-ван-му, вырезанной из черного камня совершались и другими представителями племен. Традиция создания культовых памятников подтверждается материалами сарматских святилищ с каменными статуями, которые устанавливались на каменных курганах на западе Казахстана. Культурная взаимосвязь между ценностями

сарматского и тюркского кочевых миров нашла отражение в топографии, планиметрии, конструктивных особенностях культовых сооружений, составляющих элементах ритуальных построек и сходстве стиля памятников монументального искусства.

В таком контексте существование общих канонов в мировоззренческих представлениях населения степей Евразии на рубеже эры находит свое объяснение и может способствовать реконструкции картины мира в целом

В ареале обитания тюрков, на территории правобережной Волги, в районе Самарской Луки были изучены Шиловские курганы, в одном из которых обнаружены костяные пластины с изображениями противостоящих драконов, интерпретируемых учеными как символы верховной власти у тюрков (рисунок 3, 2). Почти аналогичные изображения обнаружены на ажурных бронзовых предметах от поясного набора с территории Восточной Болгарии близ города Разград (рисунок 3, 1). В Конье, центре Анатолии (Турция) стены средневековой крепости были украшены красочными рельефными изображениями драконов с двумя волчьими головами. В изобразительном стиле волкодраконов из Коньи, в отличие от шиловских, разградских присутствует особенность, выраженная в форме двух голов, расположенных на обоих концах единого перевитого туловища мистического животного (рисунок 3, 3-4). В верхней части всех трех изображений только с одной стороны, выше передней лапы изображено крыло. Стиль изображения крыла сходен с такими у драконов на шиловских пластинах. В оригинальном стиле изображен дракон на третьем рельефе из Коньи. Являясь центральной фигурой, на котором сделан акцент, двуглавый волкодракон показан в богатом ореоле растительных побегов, перлов, которыми украшена верхняя часть лапы.

Возможно, что в описываемом стиле кроется истинный смысл образа, в содержании которого отражены представления связанные с культом плодородия.

Согласно этимологии слова в средневековых источниках казахское айдахар звучало как ашидэ, аждахак или аштак, реконструкция которого производится из двух основ аз/ас и дах/тух. А древние племена асов и дахов и тухов/тухси населяли земли в пределах между Иртышом и морем Даукара/Тохарским как два тысячелетия назад называли Аральское море. Другой географический топоним, связанный с местожительством мифического дракона также именовался Айдархан денизи/Каспийское море. Слово айдахар могло произойти из лексических основ ай и дахар/тохар, в которых первое слово значившее - луна, совместно с этнонимом тохар могло передавать их как лунных тохаров. По источникам тохары были одним из племен тюрков теле. По сведениям древнерусских летописей среди племен кыпчаков царствующим родом являлись представители токсоба/шарукан/дракон, генетически связанные с тухси/тюргешами. Тюргеша же своими корнями связаны с родом усуней - дулы, а их современными потомками являются представители племенного объединения дулатов, по-прежнему проживающие на территории Жетысу. Токсоба, вместе с другими кыпчакскими племенами населяли земли между Волгой и Днепром. Из этого рода происходил знаменитый половецкий князь Кончак. Источники сообщают о существовании шаруканева града/города, который называли также змиев или чешуев. Шаруканев род продолжал занимать ведущие позиции в кыпчакском мире и после монгольского нашествия, в государстве мамлюков. Представителями племени дулы/дуло была династия болгарских ханов, вначале населявших просторы степей Приазовья

и Северного Причерноморья, а затем, во главе с Аспарухом создавших Болгарское ханство на Дунае.

Первые ханы дунайских болгар жили в местности Апоба (впоследствии г. Плиска, Болгария). Значение термина апоба распознается из двусоставного ап/аб – вода (с иранс. яз.) и оба – род, племя (с тюрк. яз.). Предводителей болгар именовали субеги, дословный перевод которого, вероятно, мог быть обозначением - хозяев воды (су – вода, бег – хозяин). Первая столица Западного Тюркского каганата расположенная в долине реки Чу/Су носила название Суяб, перевод которой этимологизируется из одного и того же тюрко-персидского смыслового обозначения воды: су/вода (тюрк.), аб/вода (иранс.). Альма-матер представителей рода дулу/дуло/дулатов - долина реки Су/Чу. Вода – основной символ божества Жер-Су, который оберегает айдахар/дракон.

В социальном контексте совместное правление двух знатных родов ашина и ашидэ нашло свое выражение в том, что каган мог заключить брак только с представительницами из рода ашидэ, игравшего важную роль в Тюркском каганате. Законными женами тюркских каганов считались жены из рода ашидэ и только сыновья от женщин из этого рода становились наследниками престола. Факту узаконенного совместного правления двух ведущих кланов ашина и ашидэ в структуре тюркского государства соответствуют наблюдения о диалектных особенностях языка памятников письменности. Надпись в честь Куль тегина составлена на диалекте господствующего племени ашина, а надпись Тоньюкука – на диалекте, второго по статусу клана ашидэ. Надо заметить, что согласно легендарным преданиям родовым тоtemом ашина являлись ворона и волк, покровителем рода ашидэ был дракон. Идея совместного правления двух тюркских кланов нашла свое отражение в культовом искусстве

и наиболее ярко выражена в изобразительном стиле памятников кагана Бильге и Культегина. Вершины посмертных монументов тюркской элиты завершают извивающиеся туловища драконов с волчьими головами. Мемориальную стелу Тоньюкука венчает тамга в форме треугольника, свидетельствующая о родовой принадлежности женскому, катунскому клану ашидэ.

Содержание информации из различных источников, дошедших в символах, в действительности способствует распознаванию основной мысли, составляющей стержень тюркского миропонимания. Это – идея неизбежности основ мироздания, концепция единства Неба и Земли-Воды тюрков. Водой закрепляли клятву - ант суын ішү/выпить клятвенную воду. Присягание в процессе заключения клятвенного договора в форме закрепления его выпиванием воды – исконно тюркская традиция, о которой в древнерусских летописях сказано, «что они роту пили по своей вере». Символом земли западных тюрков являлась священная вода, святыня именовалась Мынбулак/Тысяча источников (современное село Мерке, расположено в долине реки Чу). Дракон, знаками которого являлись стрелы, стоял на защите отечества, а народ обладающий стрелами назывался боз оқ, уч оқ, қос оқ, он оқ. Сооружая святилища с каменными изваяниями, в руках которых изображались сосуды, символически наполненные водой, изображая драконов на скалах, в присутствии бақысы в трехрогих головных уборах, тюрки проводили ритуалы поклонения Тенгри, с мыслями о благоденствии и стабильности в обществе. Так создавался на протяжении тысячелетий этногеографический феномен Туркестана, колыбели тюркских народов, границы которого были неизбежны, потому что на страже находился дракон, хозяин земли и воды тюрков, вооруженный стрелами. Стрелами являлся народ.

Следовательно, в созданном тюрками календаре с изображениями 12 животных, место мистического персонажа в образе дракона является одним из самых значимых и почетных.

Представления о змее/драконе, как символе родовой территории, коренного юрта отложились и сохранились в этнографии казахов. Представляет интерес, что основу боевого клича казахских племен, составляет понятие *уран* (в переводе с монг. яз. - змея/дракон), в значении родового тотема, символизирующего конкретную землю. Названия уранов/ключей отдельных племен и родов казахов, содержат имена старейших предводителей племен и родоначальников. Следовательно, содержание понятия *уран* может быть объяснено с позиции идеальных представлений о родовом тотеме. Сохранившаяся до современности, в традиционной лексике казахов, в форме выкрикивания урана/клича с именем выдающегося предводителя племени могло символизировать призыв духа главного *урана/змея/дракона*, иными словами хозяина конкретной земли.

Использованная литература:

1. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 365 с.
2. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы, 1995. – «Гылым». – 294 с.
3. Дәулетхан Әлімғазы. Түргеш қағанаты. - Алматы, 2005. – 185 б.
4. Досымбаева А. Уникальное наследие тюрков из коллекции Бекета //ж. Мәдени мұра. Культурное наследие. - Астана, 2008. - №5-6 (20-21). – С. 44-49.

5. Досымбаева А. Дракон - символ земли тюркской // Вестник Казну. Серия историческая. 2012, №1.
6. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. – Донецк, 2001. – Изд-во. ДонНУ. – 454 с.
7. Peter B. Golden. Polovci Dikii // Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs. – Ashgate. Variorum, 2003. – С. 296-309.
8. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.1, часть 1. – СПб, 1893. – Изд. дом. Типография Академии наук. – 968 с.
9. Тотев Б., Пелевина О. Борба между животни в Коллона-та металоластика от езическия период на Дунавските Българи // Изследования по Българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – България, 2007. – Фабер. – С. 11-123.

Лекция 5. Смысловое значение археологических памятников в контексте истории происхождения тюркских народов.

План лекции:

1. Вопросы генезиса культур тюркского населения в материалах памятников Центральной Азии и Казахстана.
2. Сравнительный анализ археологических и этнографических источников.
3. Значение археолого-этнографических источников в изучении вопросов истории становления государства тюркских народов.

В результате анализа исходных материалов необходимо обратиться к истокам формирования культурного наследия тюркских народов. В процедуре анализа артефактов из памятников необходимо показать, что формирующей основой тюркского культурного комплекса явилась культура населения предшествующего периода, т.е. эпохи, охватывающей период с первых веков до нашей эры до середины первого тысячелетия нашей эры. Последовательное развитие культур населения Центральной Азии, на территории каждого из ареалов привело к формированию комплексов с определенным набором признаков, характеризующих особенности тюркского культурного комплекса в целом.

Наряду с исследованиями по изучению погребального обряда населения в хронологический период, предшествовавший формированию культуры тюркских племен раннего средневековья, с целью объективной реконструкции картины культурной преемственности этносов, населявших земли в долинах рек Или, Чу, Талас необходимо провести наглядный анализ сведений древних письменных источников.

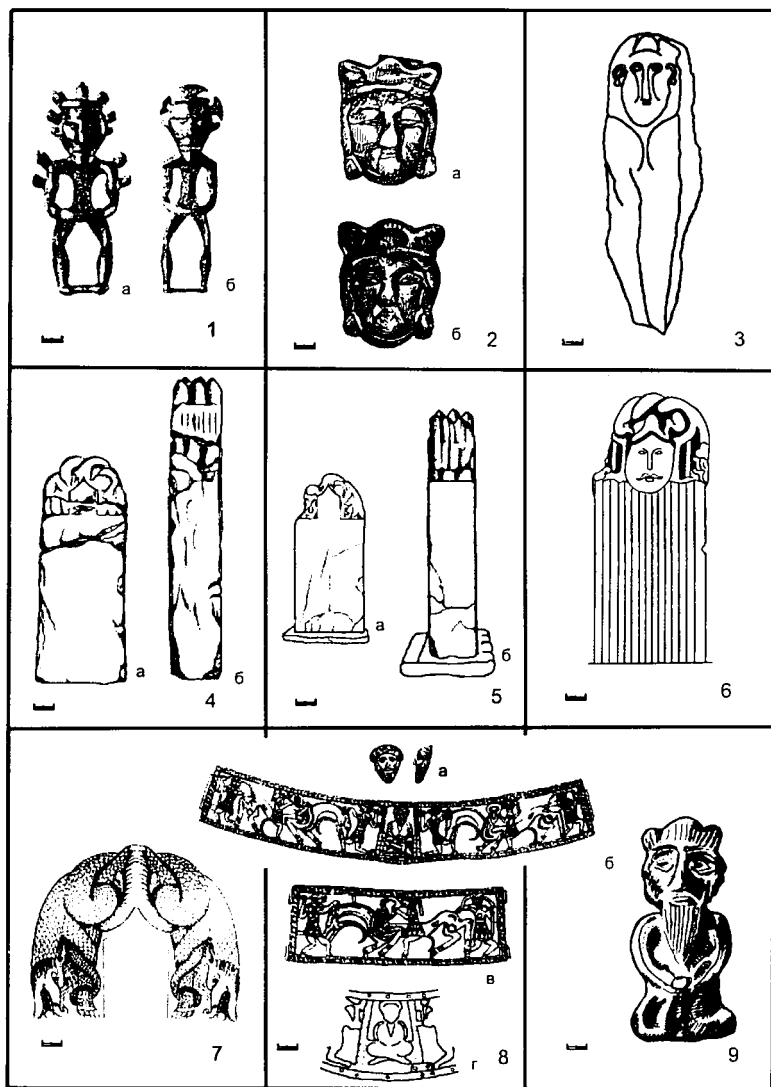
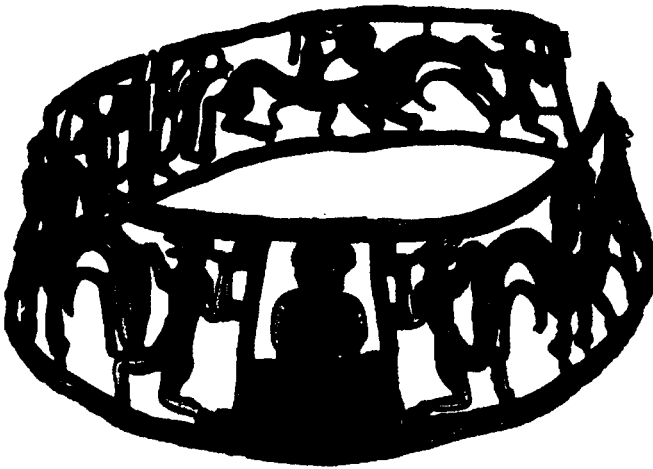

Рисунок 1. 1 – Галичские идолы (а,б); 2 – Бляшки (а,б). Краснореченское городище. 3 – Жайсан 26. Статуя жреца; 4 – Стела Бильге кагана: а – вторая сторона; б – вид с боку. 5 – Стела Культегина: а – вторая сторона; б – вид с боку; 6 – Стела на р. Боро; 7 – Реконструкция навершия стелы Культегина; 8 – Кобяковская гривна: а – портрет персонажа; б – разверстка; в – сцена борьбы с драконом; г – поза центрального персонажа. 9 – статуэтка с изображением служителя культа.

1

2

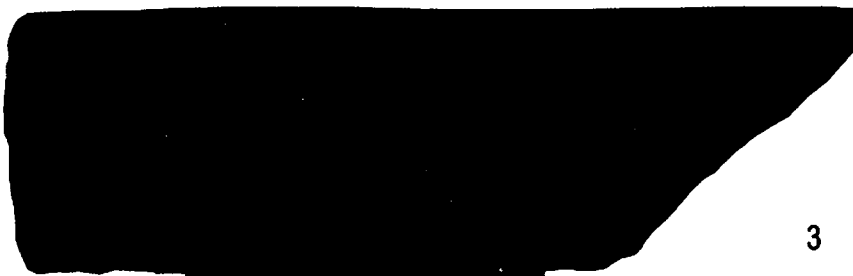
Рисунок 2. 1 – Каргалинская диадема. Казахстан, Алматинская область
2 – Кобяковская гривна. Россия, Ростов-на-Дону.

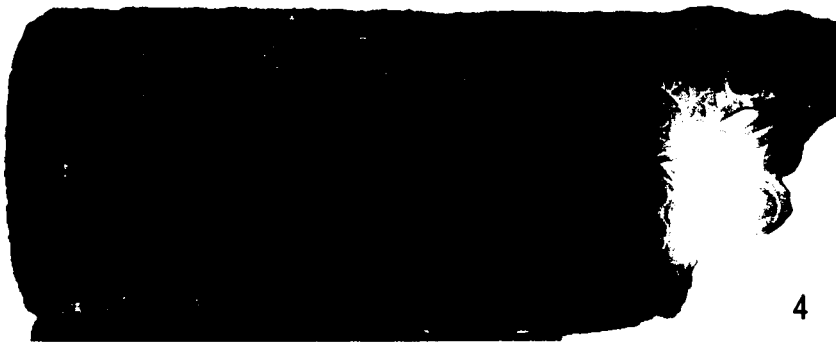
1

2

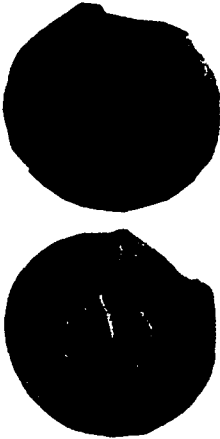

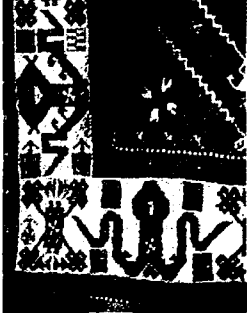

3

4

Рисунок 3. 1 – Наконечник ремня с изображением драконов. Разград, Болгария; 2 – Противостоящие драконы на костяной пластине из Шиловки, Россия; 3, 4 – Изображения перевитого туловища дракона с двумя волчьими головами. Конья, Турция.

Каменное изваяние	Стелла из музея Аланьи	Монета	Ковер	Ковер
<p data-bbox="169 267 266 288">Казахстан</p> 	<p data-bbox="427 267 500 288">Турция</p> 	<p data-bbox="669 267 783 288">Узбекистон</p> 	<p data-bbox="943 267 1016 288">Турция</p> 	<p data-bbox="1206 267 1279 288">Турция</p>

Символы дракона на различных типах артефактов

Представляется важным формирование знаний о том, что исторический процесс развития идеологического комплекса населения описываемой эпохи, нашедший отражение в древних письменных источниках, в неизменном виде продолжает свое существование в тюркскую эпоху. Будущий ученый должен осознанно понимать, что легендарные предания о происхождении усуней, хунну и тюрков, персонажи этногонических мифов кочевников, переданные в легендах, в письменной форме повторяются в сюжетах наскального искусства и в пластике культового прикладного искусства, в этнографических материалах.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа материалов памятников периода первого тысячелетия нашей эры, хронологически, предшествующих периоду создания Тюркского каганата необходимо дать оценку реальному содержанию исторического процесса генезиса культуры тюркских племен Казахстана и Евразии. Документальным подтверждением распространения культуры усуней и хунну на территории Жетысу в первой половине первого тысячелетия новой эры являются типы могильных сооружений, представленные грунтовыми, овальными по форме, погребениями могильников Сарытогай 1, 2, 3, Джуантобе 1, 2, Дехкан, Актерек, Бетагач, Кенсай, Берккара, Кызылауыз, Тоспа, Каракыстак 1.

Систематизация всего объема археологических источников, сравнение полученных данных с материалами памятников усуней Восточного Туркестана и Казахстана стали основанием для выделения из общего числа памятников погребальные комплексы усуней и на основании анализа погребального инвентаря установить их периодизацию. География распространения погребально-поминальных комплексов на территории Жетысу показала ландшафтную

приуроченность памятников к горной системе Тянь-Шаня, Джунгарии. Изучения в области топографического расположения памятников описываемого периода в конкретном типе ландшафтной зоны, совместно с данными, характеризующими погребальный обряд в целом, стали основанием для реконструкции процесса становления и развития культуры усуней.

Наряду с анализом материалов описанных выше памятников, на основе накопления новых источников и перекрестного сравнительного анализа типов погребальных конструкций, обряда, сопроводительного инвентаря получены результаты, позволяющие внести значительные дополнения в схему развития этнических культур населения в период предшествующий созданию Западного Тюркского каганата (рисунок 1).

Согласно результатам исследования серии краниологических материалов, исследователи приходят к таким выводам что, несмотря на неоднородность антропологического состава тюрков Семиречья, среди которых наблюдаются представители как европеоидной, так и монголоидной рас «тюрки Семиречья обнаруживают антропологическую преемственность с населением предшествующей эпохи на той же территории».

Необходимо произвести анализ письменных источников о локализации племен и сравнить их с данными картографии определенных типов памятников, артефактов. Сведения о местонахождении племени усуней в древних китайских письменных источниках, описанные в связи с военными акциями против сунну/хунну, в которых они участвовали на стороне китайцев служат источниками, которые отразили характер экономических и политических взаимоотношений этносов в рассматриваемую эпоху. Сравнение

информации о локализации усуней вдоль караванных путей, северной и южной дорогах позволяют определить географию расселения в пределах Туркестана и проследить этапы формирования культуры названных этносов.

Сравнение данных китайских хроник и критический анализ политических событий, в которых принимают участие усунь и хунну в различные периоды своей жизни на территории Восточного Туркестана служат основанием для выводов об этапах формирования и становления государства названных этносов. Представляют значительный интерес и легендарные предания о происхождении этносов, соседствовавших на одной территории. Легенда о происхождении древних усуней, записанная со слов Чжан Цяня, описана в “Исторических записках” и повторена в “Истории старшей династии Хань”: “В мое пребывание у хуннов слышал я, что усуньский владетель титулуется Гуньмо, отец сего Гуньмо имел небольшое владение на западных Хуннуских пределах. Хунны убили отца его на сражении, а Гуньмо, только что родившийся, был брошен в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй изумился и счел его духом; почему взял его к себе и воспитал; когда же Гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска..., возвратил владения отца его... По смерти шаньюя, Гуньмо со своим народом отделился и отказался от наездов в орду хуннов”. Легенда о происхождении усуней, описанная в китайских хрониках повторяется в связи с происхождением тюркского племени ашина/ассейна.

В связи с очевидными культурными параллелями между усунями и хунну информативными по содержанию являются мифологические сюжеты о происхождении этносов, сопровождаемые образами тотемных животных. Согласно сведениям из китайских письменных источников шаньюй

(правитель) хунну, своих двух дочерей, из-за их невиданной красоты решил посвятить Небу/Тенгри и поселил во дворце, построенном на вершине горы. Младшую дочь ночами посещал волк, живший в пещере у подножья горы. Дочь шаньюя решила, что это знак свыше (знак Тенгри) и вышла замуж за волка. Относительно происхождения народа тюрк, в указываемых сведениях сообщается, что согласно традиционным установлениям в Тюркском каганате престол мог занять только сын, рожденный от дочери гуннского шаньюя из рода ашидэ/рода дракона.

Легендарные предания, используемые в курсе лекции как один из видов исторических источников, по истории усуней и хунну дополняют информацию о раннем этапе этногенеза тюрков. Локальная приуроченность событий, описываемых в сюжетах легенд, к территории Центральной Азии и Тянь-Шаня является указанием на территорию, явившуюся прародиной тюркских народов.

Результаты анализа доступных видов источников позволяют прийти к заключению о том, что в I-й половине I тысячелетия (II–V вв. н.э.) территория Казахстана становится одним из ареалов, где проходил процесс развития и становления культуры тюркских этносов, нашедший свое яркое выражение в период формирования и расцвета Западного Тюркского каганата.

В результате исследования погребального обряда, типов погребений, инвентаря, установлено, что в период II в. до н.э. – I в. н.э. идет процесс становления культуры тюркских народов. В памятниках второго периода, во II–V вв. н.э., в погребальном обряде и составе инвентаря наблюдаются значительные изменения. Наряду с погребальными памятниками первого периода, продолжающими свое бытование, появляются иные типы захоронений. Новые погребальные

комплексы, представленные под курганными грунтовыми погребениями с перекрытиями из дерева, жердей, с сосудами, близкими по типу керамике из памятников оседло-земледельческого круга и сосудам из средневековых тюркских курганов, свидетельствуют о культуре населения, носителями которых был племенной союз а-сманов (у-суней) и ашидэ (хунну), исконно населявших земли разных регионов Туркестана.

Ранний этап этногенеза племенного объединения а-сманов/ашина и ашидэ, становление от небольшого владения до государственности, как по сведениям письменных источников, так и по археологическим данным проходит на территории Восточного Туркестана и средневекового Казахстана. Локализация государства усуней и хунну во II–V вв. н.э. устанавливается в результате сопоставления комплекса фактов (письменные источники, археологический материал). В целом, процесс становления культуры тюркских народов регионально проходит на территории собственно Туркестана (в широком, геопространственном понимании данного термина) и хронологически охватывает период с конца I тыс. н.э. – I пол. I тыс. н.э.

Описанное подтверждается и материалами памятника Кулбабас, исследованного археологической экспедицией под руководством А. Толеубаева на территории предгорий Тарбагатай. Среди типичных погребальных сооружений, близких по своим конструктивным особенностям подкурганым грунтовыми захоронениям в кургане 2 могильника Кулбабас было открыто двойное погребение, одно из которых было совершено в катакомбе. В катакомбе кургана 2, погребенный находился в деревянном ящике, сходном по своему устройству с известными кенкольскими конструкциями, а второе захоронение совершено в обычной

яме. Особенности конструкции, погребального обряда и инвентаря позволили автору провести параллели с культурным комплексом как сунну так и усуней и определить время функционирования памятника в период II-I вв. до н.э.

С другой стороны, памятники предшествующего периода продолжают свое существование на новом этапе, сохраняя отдельные элементы традиционной культуры. Особенностью этнокультурного процесса I половины I тысячелетия нашей эры является фактор взаимодействия и взаимовлияния культур в условиях единой центрально-азиатско-казахстанской историко-культурной области. Следствием «консолидации пестрой этнической номенклатуры, нивелировки культуры и взаимодействия языков и диалектов, сложения единого языка и антропогенеза, происходивших в рамках первых государственных образований хунну, усуней, юечжи, ... явилось начало сложения тюркоязычного народа и формирование одного из первых тюркских государств на территории Казахстана».

Использованная литература:

1. Акишев К. Государства тюркоязычных народов // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. – М.-Л., 1950, ч. II, с. 155.
3. Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006.
4. Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу II в. до н.э. – V в.н.э. – Алматы, 2007. – 216 с.

5. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960, с. 123.
6. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука, 1970. - 239 с.
7. Крюков М.В. Исторические сочинения эпохи Хань // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1988, с. 232–233.
8. Толеубаев Ә.Т. Ертедегі үйсіндердің Тарбағатайдың терскейіндегі ескерткіштері. Казму хабаршысы. Тарих сериясы. 1999. – №12 – С. 23-35.

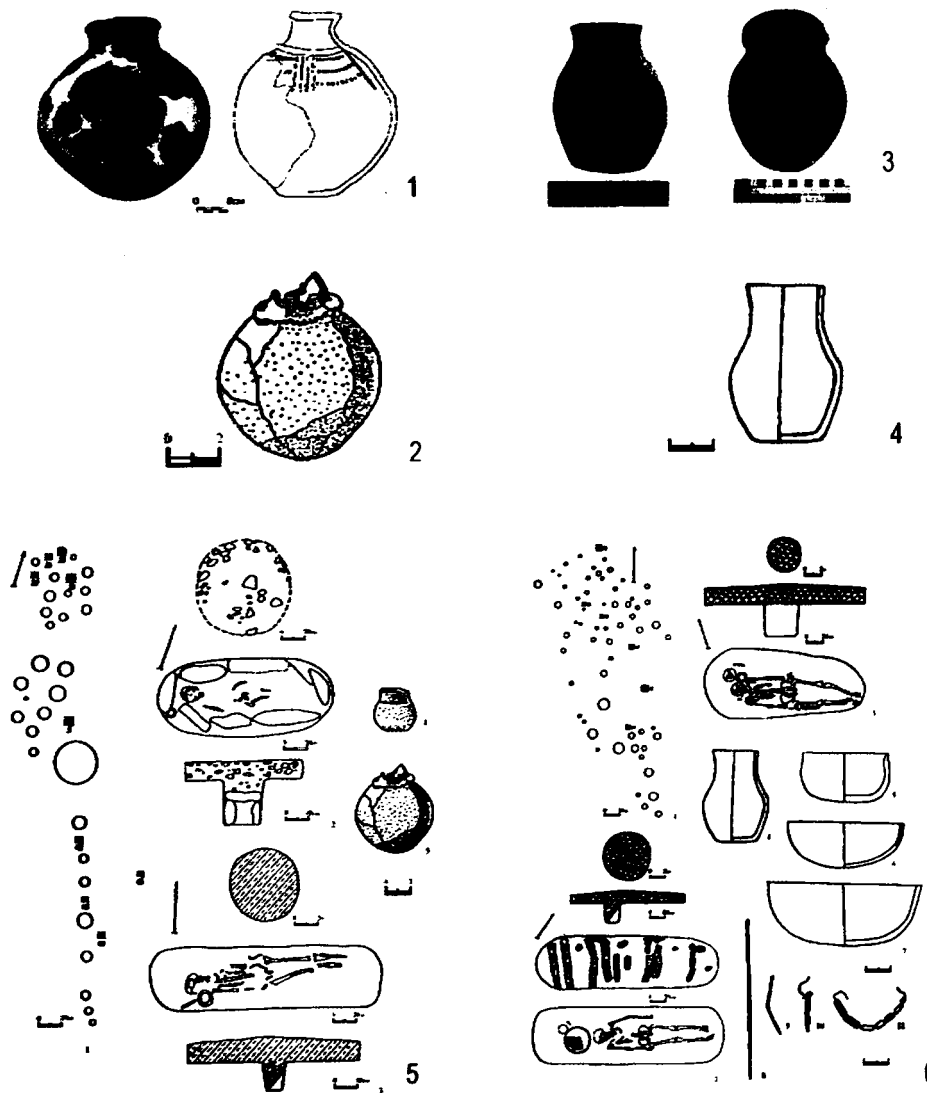

Рисунок 1. 1 – Акмолинская обл. Астраханский р-он. а. Жамбыл. Сосуд;
 2,5 – Алматинская обл. Чиликский р-он. Чиликский, курган 20, сосуд;
 3 – Акмолинская обл. Ерейментауский р-он. Карагайлы 3, сосуд;
 4, 6 – Алматинская обл. Чиликский р-он. Джуантобе 2, курган 4, сосу́ды.

Лекция 6. Тюркские каменные изваяния как археолого-этнографический источник.

План лекции:

1. Культовые памятники тюрков как источники реконструкции мировоззренческих основ традиционного общества.
2. Вопросы взаимной связи мемориальных объектов с традиционной идеологией общества.
3. Отражение основ идеологии общества в топонимической номенклатуре тюркских народов.

Чтобы содержание лекции было доступным для адекватного усвоения излагаемого материала необходимо, прежде всего разъяснить почему сакральный объект в форме ритуальной конструкции с каменными скульптурами возвышенных личностей был создан. Важно показать исторические условия создания монументальных памятников тюрков и разъяснить цель создания таких монументов. Лектор должен объяснить связь локализации памятников в пространстве с основными идеологическими, мировоззренческими понятиями социума. Представляется важным показать связь между отражением представлений тюрков о сакральном пространстве с топонимикой местности.

Опыт исследования культовых памятников, монументальных скульптур, установленных на ритуальных сооружениях, отразивших те или иные стороны обрядов, связанных с ритуалами захоронения и поминовения показывает, что характерной чертой традиционного культового искусства является отсутствие факта случайности какой-либо детали, отображенной на мемориальном объекте. Скульптура, установленная на ритуальном, поминальном сооружении,

после совершения обрядов захоронения и поминовения, в функциональном отношении должна была находиться в пространстве степи и стоять/существовать/быть/жить в сознании людей, потомков создавших этот памятник. В соответствии с идеальными представлениями номадов, образ величественного прародителя, воплощенный в каменной статуе продолжал участвовать в жизни тюркского социума и одной из функций его посмертной деятельности, являлось покровительство своим потомкам. Именно поэтому, конкретизации деталей всех черт образа великой личности, переданных в индивидуальных особенностях портрета, позы статуи, предметах, изображенных на нем и передающих весь объем информации о личности, уделялось особое внимание и значение.

Важными, информативно насыщенными, являлись и такие элементы как поза статуй, которые отображались посредством манеры передачи положения ног и рук персон, в честь и в память о которых высекались каменные монументы.

Факт семантической связи описанных памятников с культурным, мемориальным искусством тюрков может указывать на сходство идеи, нашедшей отражение в манерах исполнения статуарных образцов кочевников разных эпох. Анализ, проведенный выше, может также свидетельствовать о преемственности традиционных культур тюркских народов на территории казахской степи. В связи с вопросами генезиса культур номадов Центральной Азии, на протяжении различных периодов истории, особого внимания заслуживает мнение В. С. Ольховского, о том, что прототипами байтинских (святилище Байте, Западный Казахстан) антропоморфных статуй, внезапно появившихся в уже сформировавшемся виде в сарматскую эпоху, могли быть бегазы-дандыбаевские стелы и оленные камни (эпоха бронзы).

Комплексный сравнительно-сопоставительный анализ материалов памятников позволяет произвести оценку содержания исторического процесса генезиса культур тюркских народов. Очевидно, что ареал распространения этнической культуры восточных тюрков имеет свои отличия от особенностей развития культуры западных тюрков, первоначальная территория развития которых связана с территорией Казахстана и Кыргызстана. Вместе с тем анализ типов ритуальных сооружений святилища Кумай, расположенных на территории Сары Арки представлен набором признаков, характеризующих культуру восточных тюрков. Все изученные культовые сооружения совместно с типами статуй, в иконографии которых переданы черты героических личностей с оружием в левой руке и с сосудами в правой, полусогнутой на уровне груди руке близки статуям, изученным на территории восточного ареала Центральной Азии. Анализ форм оружия, отсутствие изображений поясов свидетельствуют о том, что они являются одними из наиболее ранних типов статуарных образцов. Топографическое расположение нового комплекса памятников Карагайлы 8 с парными ритуальными оградами с двумя мужскими статуями с восточной стороны, в непосредственной близости от культовой постройки – кургана с «усами» может свидетельствовать о хронологической и этнокультурной близости памятников. Конструктивные различия памятников, вероятно, являются свидетельством их различного смыслового содержания и функционального назначения.

Сравнительный анализ культурных ценностей восточных и западных тюркских этносов в рамках Центральной Азии, Казахстана в период становления, формирования и последующего развития во времени и в пространстве степей Евразии позволяет выделить отличительные особенности.

Наряду с этим, на примере комплексного анализа форм и типов ритуальных конструкций и статуарных образцов, установленных на культовых объектах святилищ Кумай, Жайсан и Мерке есть возможность документальной аргументации высказанных тезисов.

Памятники святилища Жайсан, также представленные четырехугольными оградами, с восточной стороны которых установлены статуи тюркской, социальной элиты демонстрируют культуру восточных тюрков на новом этапе развития (рисунок 1). На ритуальных оградах появляется традиция установки женских изваяний, внутри оград кладут по одному наконечнику стрелы – символы представителей народа десяти стрел/он ок, с которыми породнились пришедшие с Иртыша племена карлуков (рисунок 1, 3). Набор черт характеризующих особенности развития новых образцов скульптуры, находит свое выражение в появлении новых типов вооружения в руках скульптур, орнаментированных поясов с подвесками. Во второй половине VIII века, после крушения Восточного Тюркского каганата в 744 году карлуки, поселившись на земле народа он ок, привносят новые элементы в стиль изображения культовой монументальной скульптуры.

Длительное проживание на территории Жетысу и Южном Казахстане, представителей восточных тюрков (карлуки) совместно с западными (народ десяти стрел), установление кровно-родственных отношений между ними, послужит толчком для создания новых образцов культовой монументальной скульптуры. Сравнительный анализ сотен мемориальных конструкций позволяет прийти к выводу, что именно на территории Казахстана и Кыргызстана проходит процесс формирования новых, синкретических по содержанию, эталонов культовой скульптуры, нашедших свое выражение в кыпчакско-половецких монументах (рисунок 2, 5-6).

Результаты анализа показывают, что нашедшие отражение в кыпчакско-половецкой скульптуре сочетание двух основных священных символов – сосуда, изображаемого на уровне живота и придерживаемого двумя руками и предметов вооружения характеризуют символические атрибуты западных и восточных тюрков, нашедших отражение в новой этно-культурной среде, в иной исторической обстановке.

Тюрки поклонялись богам и духам, верили баксы/шаманам, мужчинам и женщинам. На вершине горы, именуемой Буд-Тенгри/Гора счастья, проводились ритуалы, направленные на «установление сакральной связи мира тюрков с миром божественных предков». В сакральных местах сооружались святилища с множественными каменными изваяниями великих личностей, с сосудами в руках, которые символически соучаствовали в священнодействии (рисунок 4, рисунок 5). Тюрки верили, что души ушедших прародителей были близки к Тенгри и могли с небес «видеть» действия своих потомков, направленные на обеспечение стабильности в тюркском обществе.

Социальная структура тюркского государства, основанная на двухстороннем принципе, выраженная в присутствии восточного и западного правителей, в действительности отражает идею следования основам мировоззренческой модели, стержнем которой являлось представление о единстве и взаимосвязанности верховных божеств тюркского пантеона Тенгри и Жер-Су. Идея единства и незыблемости Неба и Земли тюрков, пронизывающая все сферы социальной и политической жизни, отчетливо выражена в широко известных мемориальных эпитафиях социальной элиты тюркского общества. Достоверность описанной реконструкции основ идеологических ценностей характеризуют собственные письменные памятники тюрков, содержащие тексты

с призывами к соблюдению установленных норм социального права. В строках 10-11 большой надписи памятника Культегину написано: «Тогда вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков сказали так: «Пусть не погибнет тюркский народ, пусть будет народом!». Олицетворением ментальной идеи в реальной жизни тюрков было представление о священном, неразрывном союзе пары правителей в лице кагана и катын, совместно управлявших тюркским государством. О действительности акта совместного управления тюркским государством свидетельствуют средневековые письменные источники, памятники тюркской рунической письменности. По представлениям тюрков каган являлся олицетворением космоса, высокого синего неба, именуемого Тенгри, которое даровало ему свое благословение в форме кут. Символом второго верховного божества Жер-Су, земная ипостась которой именовалась Умай ана, была катын, соправительница кагана из рода ашидэ/дракона. Большое количество скульптурных образцов, созданных в честь женщин, является отражением ментальной идеи о месте и роли божества Жер-Су в жизни общества (рисунок 2, 1-4; рисунок 3; рисунок 4). Отражение этой идеи отчетливо выражено в созданных статуарных образцах, среди которых есть скульптуры, показанные в оригинальных головных уборах в форме трех рогов или трезубцев (рисунок 5.1, 2). В монетном чекане Западного Тюркского каганата отражение идеи о священной паре правителей также как и в культовом мемориальном искусстве отчетливо выражено в их портретном изображении. Примечательно, что портрет кагана сходен с портретами правителей в монументальном искусстве, а портрет его соправительницы в «трехрогом» головном уборе идентичен с образцами, отображенными в камнерезном искусстве (рисунок 5, 4-5).

Проникновению в суть ментального мира тюрков способствуют и тюркские топонимы. Топонимы несут в себе информацию об особенностях развития языка, мировоззрения, материальной и духовной культуры народов, населявших те или иные территории. Топоним реки Катунь, притока реки Обь на Алтае является одним из наиболее содержательных наименований. В разных тюркских языках слово катун в форме гадын, катын означает «женщина». В алтайском языке кадын имеет значение «женщина, госпожа». В монгольском же языке наблюдается смысловой сдвиг: «княгиня, повелительница, ханша, госпожа». В эвенкийском языке катун – «сказочная героиня, жена богатыря, дама». Обычно, именно так (повелительница, госпожа) объясняется название алтайской реки Катунь – одной из составляющих р. Обь. Тем более что другая составляющая, представленная в названии реки Бия, осмысливается как «господин, знатный, начальник». Тувинская река Бий-Хем, в верховье Енисея переводится как «река-господин». В топонимии Азии обнаруживается немало аналогичных географических названий: Хатан-Булак в Монголии, Хатунхэ – левый приток р. Тумыньцзян в Северо-Восточном Китае, р. Катанца – левый приток р. Казыра в Западных Саянах. Реку Иртыш ханты называют Катанас» и Катон-Карагай именуется район на Алтае в Восточно-Казахстанской области. Второе значение тюркского слова катын, хатан ныне утерянное «река». В таком значении оно употребляется в енисейских рунических наскальных надписях и Хатынь на Украине отражает тот же, описанный смысл, указывая на географические районы распространения этнической идеологии тюркских народов.

Анализ топонима наталкивает на мысль что наименование реки Катунь, совместно с названием реки Бия содержит информацию об основах мировоззрения тюрков, важным

элементом которого являлись идеологические представления о единстве божеств тюркского пантеона Тенгри и Жер-Су, одним из символов которых являлась вода, река. Вероятно, неизменное присутствие в большинстве случаев в наименованиях рек основы форманта су/вода – Чу/Шу/Су, Карасу, Аксу, Коксу, Сарысу и др. могло соответствовать обозначению имени божества Жер-Су как его основного маркера. В контексте содержания лекции представляют интерес и данные письменных источников, сообщающих, что первый тюркский каган Бумынь, принявший тронное имя Иль каган, свою супругу назвал Катун/Катын и спустя два столетия, источники сообщают, что Хазарским каганатом совместно управляют хаган и хатун.

Использованная литература:

1. Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. – М., 1974. – «Мысль». – 382 с. – С. 190-191.
2. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1259. – Изд-во АН Киргизской ССР. – 218 с. – С. 179.
3. Бичурин Н. Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.- Л., 1950. – Т. I. – 380 с. – С. 228.
4. Мокрынин В. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. – Бишкек, 2010. – 298 с. – С. 162-163.
5. Зуев Ю. А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – Дайк-Пресс. – 332 с. – С. 141.
6. Досымбаева А. М. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии // Государственность

и Великая Степь. Материалы международной научной конференции. – Астана, 2006. – Kultegin. – С. 63-74.

7. Досымбаева А. Образ женщины в монументальном искусстве тюрков Казахстана //Известия МОН РК. Серия общ. Наук. – 2002. – №1. – с. 75-91.

1

2

3

4

Рисунок 1. Святилище Жайсан, образцы монументальной скульптуры:
1 – Жайсан 1; 2 – Теректы 1; 3 – Аламан; 4 – Жайсан 16.

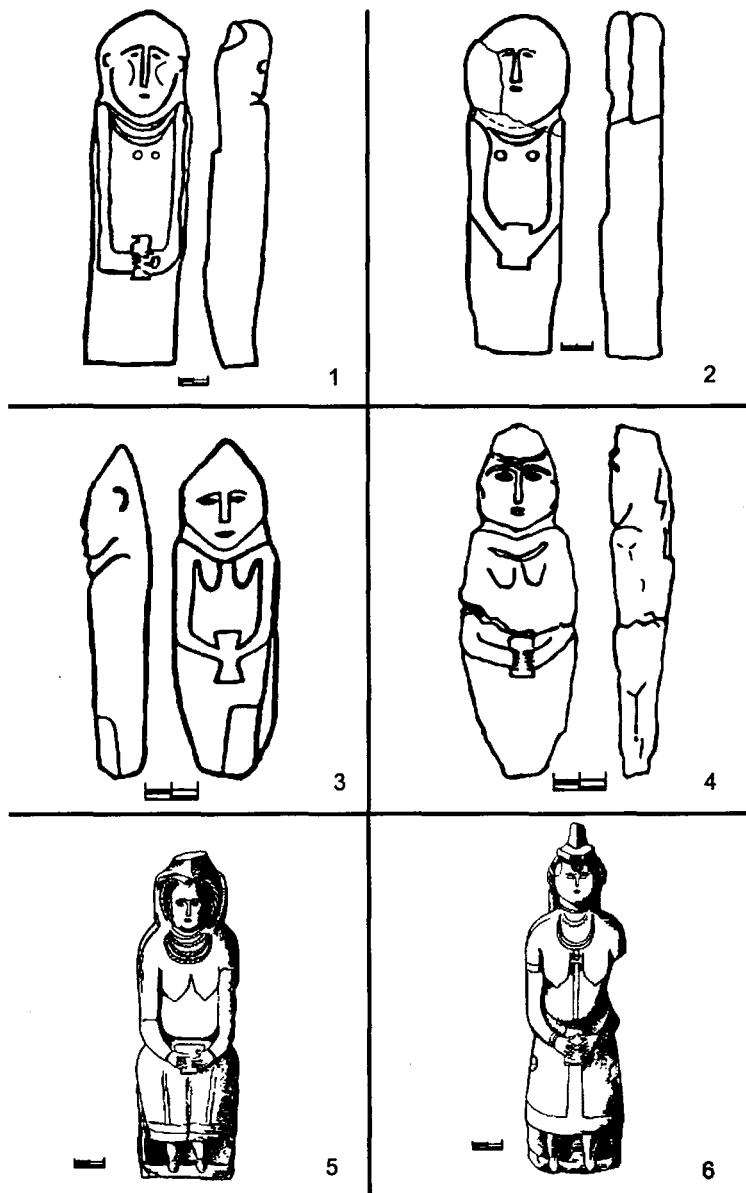

Рисунок 2. Образцы женской культовой скульптуры:
 1-4. – Святилище Мерке; 5 – Киевский исторический музей;
 6 – Днепропетровский исторический музей

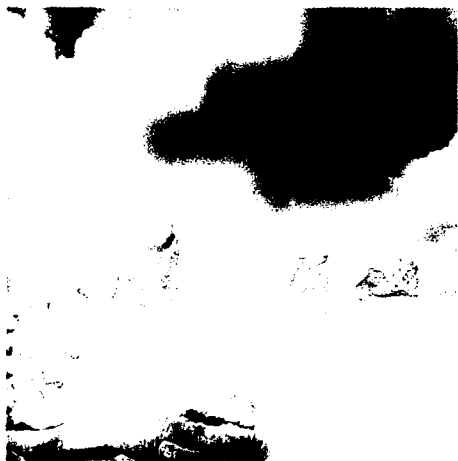
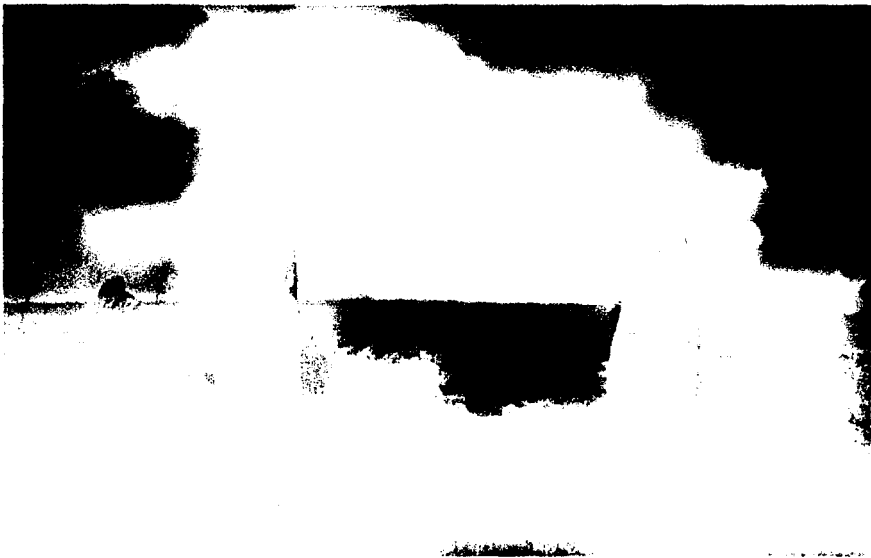

Рисунок 3. Статуарные образцы святилища Мерке.
1 – Сулысай 7; 2 – Бельсаз 2; 3 – Жаланаштын жартасы 1; 4 – Шольсай 2.

1

2

Рисунок 4. Парные женские изваяния. Святилище Мерке.
1 – Суюндык; 2 – Сандык.

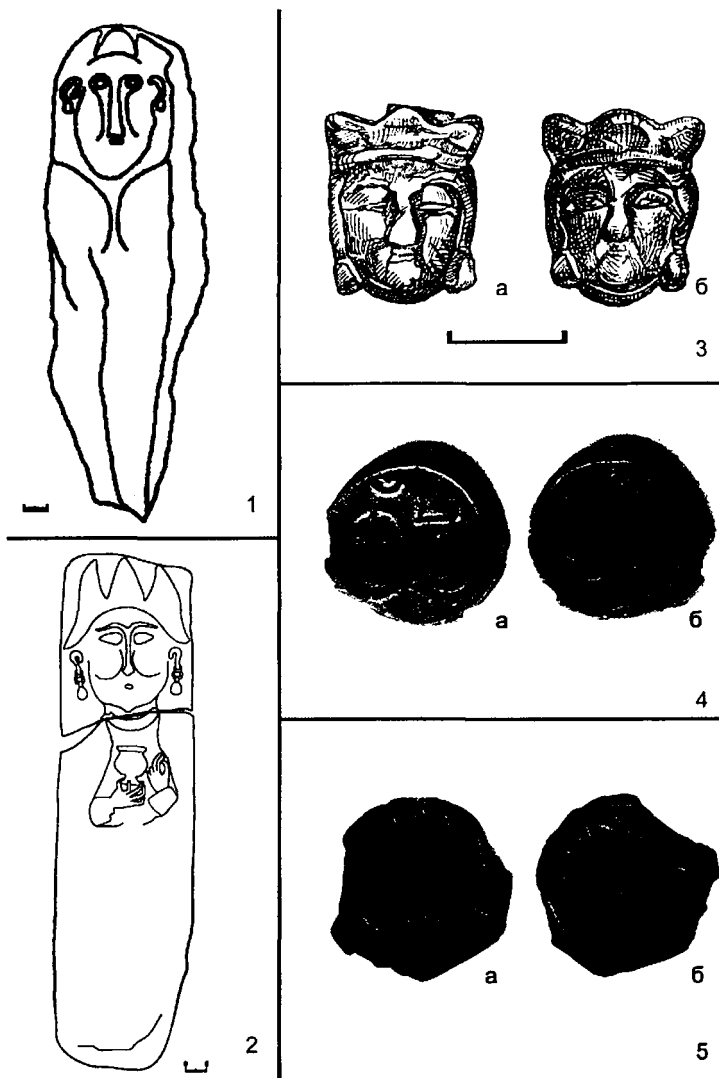

Рисунок 5. Образы служителей культа и социальной элиты на статуях и монетах:

1 – Жайсан 26. Мужская статуя

2 – Каратау. Женская статуя

3 – Металлические бляшки. Кыргызстан

4, 5 – Монеты с изображением кагана и катун. Шаш, Узбекистан

Лекция 7. Методы изучения тюркской культовой скульптуры как источника по социальной структуре государства.

План лекции:

1. Способы комплексного анализа иконографии тюркской монументальной скульптуры.
2. Вопросы взаимной связи, особенностей изобразительного стиля тюркских каменных статуй с социальным статусом изображенной личности.
3. Семантическое значение атрибутов, изображенных на каменных скульптурах и артефактов, происходящих из ритуальных конструкций.

Опыт исследования культовых памятников, монументальных скульптур, установленных на ритуальных сооружениях, отразивших те или иные стороны обрядов, связанных с ритуалами захоронения и поминовения показывает, что характерной чертой традиционного культового искусства, является отсутствие факта случайности какой-либо детали, отображенной на мемориальном объекте. В соответствии с идеальными представлениями номадов, образ величественной личности, воплощенный в каменной статуе, продолжал участвовать в жизни тюркского социума и одной из функций его посмертной деятельности, являлось покровительство своим потомкам. Именно поэтому конкретизации деталей всех черт образа, переданных в индивидуальных особенностях портрета, позе статуи, предметах, изображенных на нем и передающих весь объем информации о личности, уделялось особое внимание и значение.

Спектр мемориальных, ритуальных конструкций со статуарными образами обожествленных личностей, отразивший различные уровни критериев ранжирования общества тюрков, совместно с элементами, которые позволяют охарактеризовать формальные стороны символических маркеров, служивших эталонами мировоззренческих представлений степного мира, в материалах культовых памятников святилища Жайсан представлен во всем многообразии.

Наиболее ярким и примечательным мемориалом святилища, структурные элементы которого позволяют отнести его к разряду сооружений высшей тюркской социальной элиты, является культово-мемориальный комплекс Жайсан 14. Памятник представлен тремя прямоугольными оградками, которые расположены по линии север – юг. С восточной стороны всех, пристроенных друг к другу ритуальных конструкций установлены каменные статуи. Статуя 1 представляет собой наиболее выразительную скульптуру. Стилистические приемы, использованные при ваении портрета человека, выдержаны в строгом соответствии с требованиями изобразительного канона монументальной скульптуры тюркских кочевников (рисунок 1, 1). Прическа персоны в форме ниспадающих по спине волос разделена на прямой пробор (рисунок 1, 2 а). Черты широкого, овального по форме лица со слегка заостренным подбородком, изогнутыми бровями, переходящими плавно в линию прямого, с разлетающимися крыльями носа и кончиками усов, достигающих краев лица, совместно с изящной, каплевидной формы бородкой передают образ героической личности. В обоих ушах статуи изображены округлые по форме, крупные серьги (рисунок 1, 2-а). Этнографические особенности показаны в таких элементах как верхняя одежда с широким отложным воротником и в таких символах, как кубковидной формы

сосуд, показанный на уровне груди в правой руке статуи (рисунок 1, 2-б). На скульптуре изображен орнаментированный пояс, пряжки и наконечник ремня. Орнаментацией выделены и ножны кинжала. Подвесные обоймы оружия содержат имитацию заклепок (рисунок 1, 2-в). В нижней части скульптуры, рельефной линией изображены полы верхней одежды и остроносые сапоги. С правой стороны темени изображена тамга в форме круга.

Описываемый тип мужской каменной статуи, выполненный в сходном стиле, широко известен по материалам памятников тюркской монументальной скульптуры и является одним из наиболее ярких и характерных типов изваяний, получивших распространение в ареале обитания тюркских народов Центральной Азии.

На многих памятниках изобразительного искусства, изображающих тюрков, показаны разные типы мужских причесок. В письменных источниках, сохранилось значительное количество информации о формах причесок тюрков, регламентации норм ношения и взаимной связи типа прически от социального положения личности. Манерное оформление прически тюрков, обычно отмечалось представителями иных этносов и культур, когда-либо имевших контакты с номадами. В китайских письменных источниках сохранились известия, посвященные описанию облика тюркской социальной элиты. От внимания китайского путешественника, паломника Сюань-цзяна не ускользнуло, что *распущенные* волосы тюркского кагана были перехвачены на лбу лентой, а волосы сопровождавшей его свиты были заплетены в косы.

Одним из ранних, документированных археологически находками изображений тюрков, показанных с распущенными волосами, являются картины на стенках саркофага из захоронения 579 года, изученного на территории

Восточного Туркестана. В отличие от главы согдийской колонии и его торговой свиты, все сюжеты, на которых показаны тюрки, изображают их с ниспадающими на плечи волосами. Не менее важным является и такой элемент прически, как центральный пробор, разделяющий волосы кагана и отсутствие такового на голове других персонажей, изображающих тюрков.

Тюрки из свиты царя на фресках Афрасиаба показаны с косами. Заслуживает внимания и другой исторический документ, указ, одного из владетелей княжеств Турфанского оазиса (Восточный Туркестан), датируемый 612 годом, согласно которому, было велено всем жителям княжества отказаться от следования тюкуеским обычаям и "... расплести косы и уничтожить левую полу". Нормирование способов ношения прически, подтверждаемое законодательными актами однозначно свидетельствует, что факт ношения кос указывал на характер зависимого положения человека.

В другом, не менее красноречивом сюжете из храма средневекового Пянджикента, на сцене, отображающей ритуал оплакивания покойника, "мужчины с явно выраженными тюркскими чертами лица" изображены с распущенными волосами. В такой же манере показаны волосы самого умершего. Вероятно, распущенные волосы мужчин, принимающих участие в скорбной церемонии, свидетельствуют о социальном статусе участников ритуала. В связи с семантикой извращения 1, не заплетенные волосы, разделенные на прямой пробор, совместно со всем набором атрибутов, изображенных на статуе, позволяют интерпретировать их в качестве этнографической характеристики тюркской социальной элиты. Подтверждением того, что описываемой формой прически, разделяя ниспадающие на плечи волосы на прямой пробор, тюркская элита выделяла свою этническую особенность,

являются портреты тюркских каганов, ябгу и тегинов на монетах из нумизматической коллекции средневекового Чача.

Важными являлись и такие элементы, как поза статуй, которые отображались посредством манеры передачи положения ног и рук персон. На позе, выраженной в положении рук скульптуры 1 на мемориалах Жайсан 14 и Теректы 2, древним мастером уделено особое внимание.

Анализ истоков изобразительной традиции, воплощенной в стиле и иконографии изваяний уводит к статуарным образцам культового искусства племен сарматского круга, известным по памятникам родовых святилищ Байте III, Байте IV, Карамунке и Терен, получивших распространение на территории Западного Казахстана. Характерной особенностью стиля «сарматских» статуй, является изображение повторяющейся позы, полусогнутых на уровне пояса левых рук, с отчетливо выраженными пальцами и ладонями, которые приложены к животу (рисунок 2, 1-3). В аналогичном стиле изображены мужские тюркские скульптуры с территории Восточного Туркестана, Сары Арки и одна из скульптур, которая также вывезена с территории Шуского района (рисунок 2, 4-6).

Заслуживающей внимания является поза левой руки мужской статуи 1 памятника Теректы 2, которая идентична с позой изваяния 1 на ритуальной конструкции Жайсан 14. Описываемое положение левой руки на статуе, дополняется стилем изображения ног, показанных в позе сидя, скрестив их по-восточному. В составе памятников святилища Жайсан, на юго-восточной границе сакральной территории было обнаружено еще две скульптуры, головы которых отбиты, но иконографической особенностью каменных статуй, была описанная выше деталь, переданная в стиле изображения ног. В руках обеих скульптур изображены сосуды,

придерживаемые обеими руками на уровне живота, но ноги на обеих статуях изображены в восточной позе. Женское изваяние высечено с особым изяществом. Статуя изображена с полными, удлинённой формой грудями, которые оканчиваются сосками. На шее показан двойной ряд, округлых по форме, гривен. На ногах изображены высокие сапоги с зауженными носками и вычурной формы голенищами.

В контексте анализа стиля изображения, несомненный интерес представляет аналог, отображенный в позе центрального персонажа гривны из захоронения жрицы, в кургане 10 Кобяковского могильника. Есть мнение, что «медитирующая» поза *центрального персонажа гривны, показанного сидящим*, скрестив ноги по-восточному, может свидетельствовать о сакральном содержании и персонаж мог быть при жизни посредником, соединяющим сферы мироздания». Учитывая все данные по сцене, которая изображена на сюжете гривны с участием мистических персонажей в образе волкодраконов, людей в масках, то позу центральной персоны, действительно можно интерпретировать как позу медитатора.

Традиция изображения правителя в позе, со скрещенными по-восточному ногами характерна и для монетного чекана Западного Тюркского каганата. В свете анализа вопросов о специфической особенности стиля изображения каганов, показанных на монетах сидящими, скрестив ноги и их аналогов в культовом, камнерезном и прикладном искусстве очевидно, что анализируемые, повторяющиеся сюжеты являются источниками информации о деятельности первого лица тюркского государства, обязанности которого не ограничивались только политическими функциями. Вероятно в период, когда была произведена чеканка описываемых монет, в ведении тюркского кагана находились и функции,

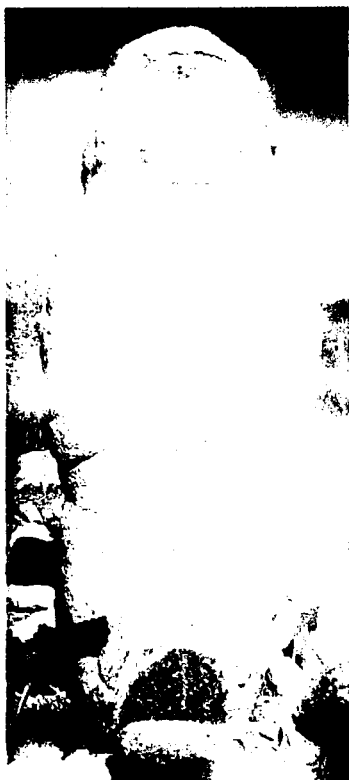
связанные с областью идеологии, направленной на обеспечение стабильности в тюркском социуме.

Вторая, оригинальная мужская скульптура мемориала Жайсан 14 установлена с восточной стороны северной ограды. Портрет изваяния 2 высечен на стыке двух граней мощного гранитного монолита высотой 2,3 м. Традиционный тюркский стиль, в котором исполнены индивидуальные черты образа персоны, усилен за счет применения специального технического приема, использованного в процессе изготовления портрета фигуры. Черты лица статуи, расположенные на обеих гранях монолита и выбитые в технике глубокого рельефа переданы более чем отчетливо: формы больших, выпученных миндалин глаз, широкий нос с выпирающими ноздрями и крупные усы с закрученными вверх концами (рисунок 1.1; 3,2 в). Суровое, эмоционально насыщенное выражение портрета, “пристальный взгляд” скульптуры вызывает ощущение страха, возникающее при его осмотре. По средством использования специфического приема высекания портрета на двух гранях монолита, ваятелю удалось достигнуть передачи эмоционального состояния образа, изваянного в камне человека. Ряд ранее изученных статуй, высеченных в описываемом стиле, пополнился еще одним экземпляром, открытым и изученном в 2010 году на памятнике Карагайлы 2 в составе нового археолого – этнографического комплекса Кумай в Ерейментауском районе Акмолинской области. Мужская статуя установлена в паре с другим изваянием на двух ритуальных оградах. Существование особого стиля изображения и способа ваяния, нашедшего отражение в камнерезном искусстве тюркских народов тесно взаимосвязано с их идеологическими ценностями.

Третье, женское изваяние из ритуального сооружения Жайсан 14, расположено с восточной стороны центральной

1

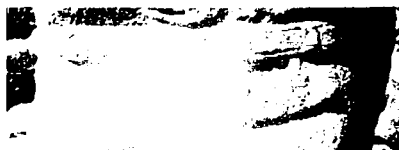
2

а

б

в

Рисунок 1. 1 – Жайсан 14, ритуальная ограда с изваяниями; 2 – изваяние 1; а, б, в – портрет статуи 1 и атрибуты, изображенные на ней

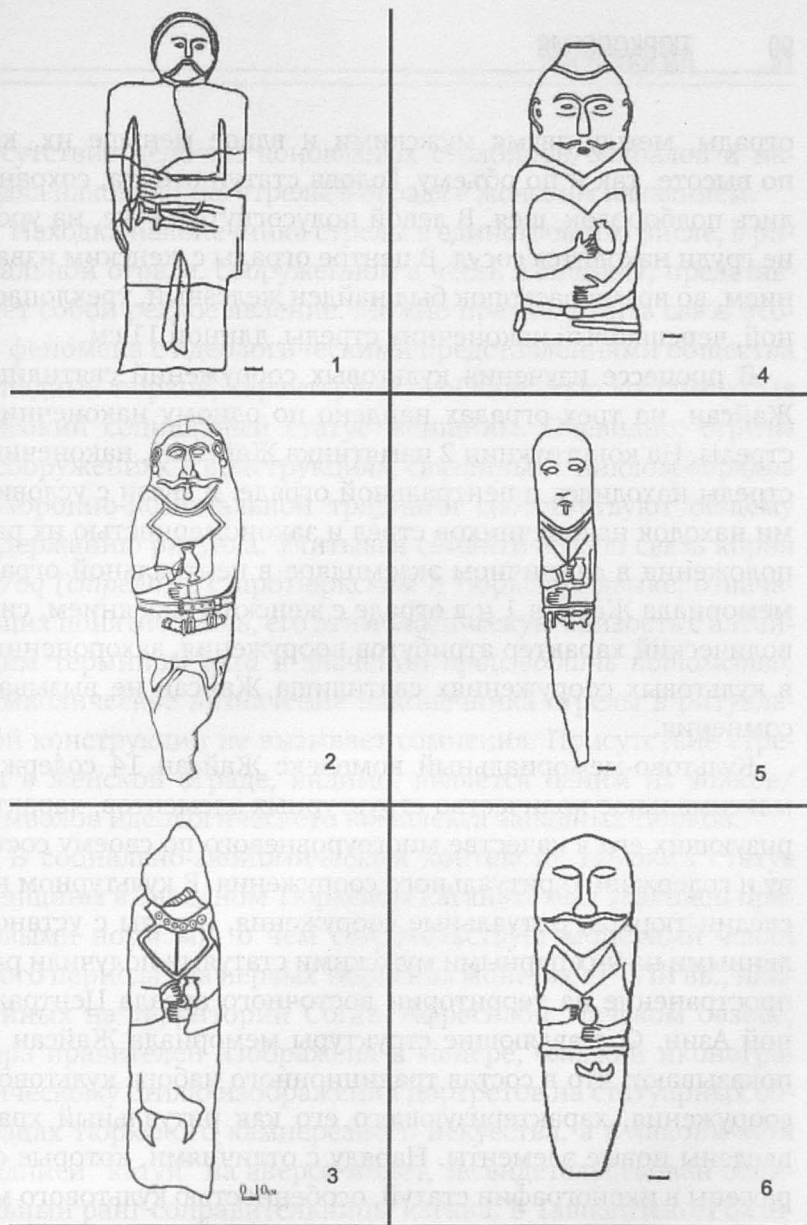

Рисунок 2. 1 – сарматская статуя из святилища Байте в Западном Казахстане; 2,3 – статуи святилища Жайсан; 4 – статуя из Восточного Туркестана; 5 – статуя из Сары Арки; 6 – статуя из областного музея г. Тараз.

ограды, между двумя мужскими и вдвое меньше их, как по высоте, так и по объему. Голова статуи отбита, сохранились подбородок, шея. В левой полусогнутой руке, на уровне груди находится сосуд. В центре ограды с женским изваянием, во время раскопок был найден железный, трехлопастной, черешковый наконечник стрелы, длиной 11 см.

В процессе изучения культовых сооружений святилища Жайсан, на трех оградах найдено по одному наконечнику стрелы. На конструкции 2 памятника Жайсан 1, наконечник стрелы находился в центральной ограде. В связи с условиями находок наконечников стрел и закономерностью их расположения в единичном экземпляре в центральной ограде мемориала Жайсан 1 и в ограде с женским изваянием, символический характер атрибутов вооружения, захороненных в культовых сооружениях святилища Жайсан не вызывает сомнения.

Культово-мемориальный комплекс Жайсан 14 содержит максимальное количество структурных элементов, характеризующих его в качестве многоуровневого по своему составу и содержанию ритуального сооружения. В культурном наследии тюрков, ритуальные сооружения, ограды с установленными на них парными мужскими статуями получили распространение на территории восточного ареала Центральной Азии. Составляющие структуры мемориала Жайсан 14 показывают, что в состав традиционного набора культового сооружения, характеризующего его как ритуальный храм, введены новые элементы. Наряду с отличиями, которые отражены в иконографии статуй, особенностью культового мемориала Жайсан 14 от широко известных ритуальных сооружений восточного ареала является присутствие женской статуи, установленной между двумя мужскими скульптурами,

отсутствие цепочки коновязных столбиков/балбалов и находка наконечника стрелы в ограде с женским изваянием.

Находка наконечника стрелы в единственном числе, в ритуальной ограде, сооруженной в честь женщины, представляет собой редкое явление. Можно предположить связь этого феномена с идеологическими представлениями общества западных тюрков, характерной особенностью которого был высокий социальный статус женщины. Очевидно, стрелы в сооружениях и конструкциях, связанных с циклом обрядов похоронно-поминальной традиции соответствуют общему содержанию ритуала. Учитывая семантическую связь корня *ok/oq* (стрела) в старотюркском и тюркском языке, означающих понятие *мать*, его этимологическую близость с алтайским термином *ukta* в значении *производит потомство*, символическое назначение наконечника стрелы в ритуальной конструкции не вызывает сомнения. Присутствие стрелы в женской ограде, видимо, является одним из знаков/символов идеологического комплекса западных тюрков.

В социально-экономическом контексте, высокий статус женщины в Западном Тюркском каганате был узаконен правовыми нормами, о чем свидетельствует монетный чекан этого периода. На первых тюркских монетах VI - VIII вв., найденных на территории Согда, Афрасиаба, Чачском оазисе, пара правителей изображена в манере, близкой иконографическому стилю изображения портретов на статуарных образцах тюркского камнерезного искусства, а в лаконичной надписи “катун” на аверсе монет, засвидетельствован социальный ранг соправительницы кагана. В Ташкентском оазисе, территория которого в VII веке служила в качестве одного из центров по чекану монет, широкое распространение получили денежные номиналы с парными изображениями супружеской четы – правителя кагана с длинными, разделенными

на прямой пробор волосами и царицы, катун в трехрогом головном уборе. Монеты сопровождаются надписями «джабгу-каган» и «Тун джабгу-каган» (рисунок 3, 3-5).

Традиция парного изображения катун рядом с каганом, в нумизматических материалах основано на мифологеме единства двух начал, характерной для многих народов мира. Но в социальной структуре тюркского общества, идея дуального устройства мира была возведена в ранг закона и образ катун, символизирующий соправительницу кагана, по мнению исследователей, являлся олицетворением тюркской земли.

Использованная литература:

1. Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012. – 146 с.
2. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Астана, 2013. – 250 с.
3. Атлас. Западный Тюркский каганат. Астана, 2013. – 848 с.

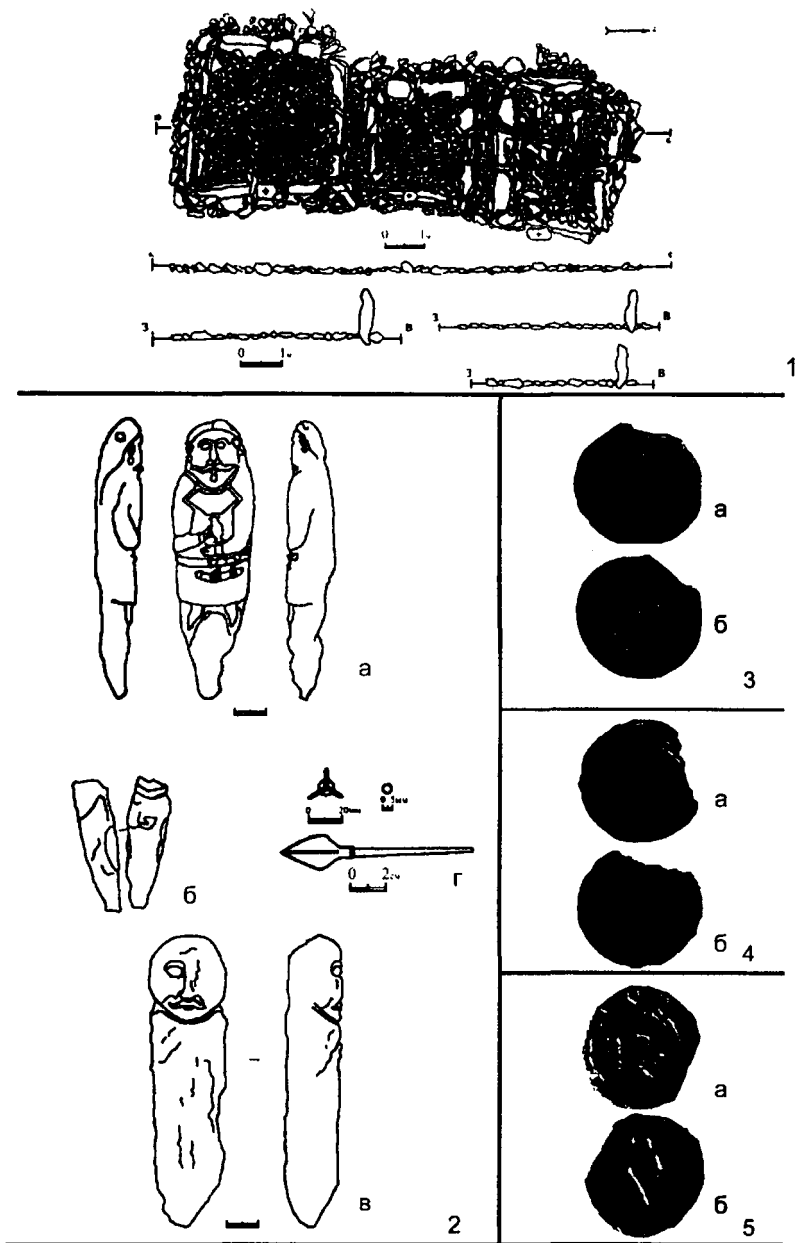

Рисунок 3. 1 – Жайсан 14, ритуальные ограды, план; 2 а, б, в – каменные изваяния из Жайсан 14; 2 г – наконечник стрелы из ограды 2, Жайсан 14; 3 – 5 – древнетюркские монеты из Шаша (Ташкентский оазис).

Лекция 8. Образ служителя культа в тюркской культовой скульптуре

План лекции:

1. Особенности стиля изображения образа служителя культа в каменной скульптуре, различных артефактах и тюркских монетах.
2. Вопросы взаимной связи образа служителя культа с идеологией традиционного тюркского общества.
3. Вопросы отражения основ идеологических ценностей тюркского социума в социальной структуре тюркского государства.

На культовом комплексе Жайсан 26 открыта разновидность каменной скульптуры, нашедшая отражение в фигуре, изображенной в «трехрогой» тиаре. Иконографические особенности изваяния, высеченного в так называемом «трехрогом» головном уборе: широкие скулы, крупный нос, округлой формы серьги, идентичные с аналогичными украшениями, на других, мужских статуях Жайсана позволяют распознать черты мужского образа.

Картографирование описанного типа монументальных статуй, показывает на совпадение ареалов распространения женского, и мужского статуарного образа и персонажей в «трехрогих» головных уборах с территорией казахской степи, Прииссыккуля, т.е. в целом с регионом первоначальной локализации Западного Тюркского каганата. Предметы изобразительного искусства с изображениями людей в «трехрогих» головных уборах на территории Кыргызстана, среди которых уже известная костяная пластина из могильника Сутту-булак, расположенного в Центральном Тянь-Шане

(VII-VIII вв.), две бронзовые бляшки из Краснореченского городища и другие культовые атрибуты (рисунок 1, 1-2).

Среди монет с портретом правителя, изображенного сидящим скрестив ноги в позе по-восточному, есть и монеты с парным изображением царя/кагана и царицы/катун, один из персонажей которых показан в «трехрогом» головном уборе. «Трехрогий» убор изображен на голове женского персонажа которая, по мнению специалистов, является изображением *катун* – соправительницы кагана. Наблюдения за особенностями изображений черт лица, изваяния из Жайсан 26 и портретов некоторых статуй с территории Прииссыкулья показывают, что наряду с женскими изваяниями в «трехрогих» головных уборах, в традиционной скульптуре тюрков, показаны и мужские фигуры. По мнению специалистов, персонажи, изображенные на валуне из могильника Кудырге и показанные в характерном типе головного убора, при жизни являлись служителями культа (рисунок 1, 4).

Интерпретации изваяний в «трехрогих» головных уборах как памятников, изображающих жрецов не противоречит и мысль С. М. Ахинжанова полагавшего, «что такие статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображение шаманок». Существование культа предка по женской линии подтверждается образцами женских статуй, установленных на оградах самого святилища Жайсан, многочисленными изваяниями, изображающих женщин на святилище Мерке и других районов Жетысу/Семиречья, Кыргызстана. Большое количество женских скульптур, получивших распространение на территории Сары-арки и Восточной Европы, являются памятниками единого и сходного по своему содержанию семантического ряда.

Различного рода предметы культового искусства с изображениями лиц в «трехрогих» головных уборах, дублируемые портретами правителей на монетах, чекан которых связан с династией каганов Западного Тюркского каганата, приводят к мысли о тесной взаимосвязи смыслового содержания, описываемой категории предметов с мировоззренческими представлениями традиционного общества западных тюркских племен.

В источниках сохранились данные о религии тюрков, которые «поклонялись богам и духам и верили шаманам, мужчинам и женщинам». По данным, которые приводит П. Голден, в тюркском пантеоне божеств отмечено присутствие имени Итога. Термин *Итога (Етукен)*, возможно означает с монгольского *“etuqeni-etukeni”* – “мать-земля” или “шаманское божество земли”, тесно взаимосвязанное с понятием о священной тюркской земле Отукен или же это слово – “*idugan-идуган*”, означающее женщину, шамана.

Возвращаясь к анализу головного убора, получившего наименование “трехрогих”, по количеству характерных выступов на нем, можно предположить что “три рога” на головных уборах могли быть символом дракона. Источники отмечают, что верхняя часть тамги племени ашидэ увенчана тремя стрелами, символизирующими “три или четыре головы мифологического Змея/Дракона”, ассоциируемого с Луной, плодородием и являвшегося символом катунской фракции в правящей династийной коалиции каганата. Изображения мифических персонажей на навершиях каменных статуй из Карагола (рисунок 2, 2), стел с надписями в мемориалах Культегина и Бильге кагана показаны в форме извивающихся туловищ дракона с волчьими головами (рисунок 2, 3-4). Способ изображения витых туловищ драконов, венчающих верхнюю часть стел сходен со стилем, в котором выполнены

“три рога” головного убора изваяния Жайсан 26 (рисунок 2, 1, 5). В профиль, вид монументов каганов сходен с формой трех стрел на древке, символа дракона на тамге тюркского племени ашидэ (рисунок 2, 3-б, 4-б). Сходный комплекс идей передан в форме так называемых «вилообразных» тамг на реверсах многих монет из Шаша, с портретами правителей, стиль изображения которых сходен со стилем изображения образов тюрков на каменных статуях (рисунок 2, 6 а, 7 а). Так называемые «вилообразные» тамги, вероятно, символизируют три стрелы на древке и как знаки являются аналогами трех рогов на головных уборах персон, изображаемых на различных культовых предметах. Повторяющиеся в разных источниках, одни те же знаковые символы, в виде тамг, портретов правителей на памятниках культового искусства, нумизматических материалах усиливают потенциальную информативность анализируемых материалов и в целом, позволяют произвести реконструкцию особенностей принципа политического устройства тюркского государства, в котором важное место отводилось клановому ранжированию между представителями каганского и катунского родов.

Вопрос об истоках развития образа служителя культа в традиционном искусстве непосредственно связан с историей формирования тюркской религиозной системы, как идеологического направления, сфера функционирования которого диктовалась представлениями о трехчастной структуре вселенной. Личность служителя культа представляла деятельного посредника между тремя мирами: верхним, средним и нижним. В качестве служителя культа, жрец должен был действовать обеспечению равновесия, и стабильности между людьми и окружающим его миром. Исторические корни, описываемой изобразительной традиции, в хронологическом отношении уводят в эпоху бронзы, а территориальное

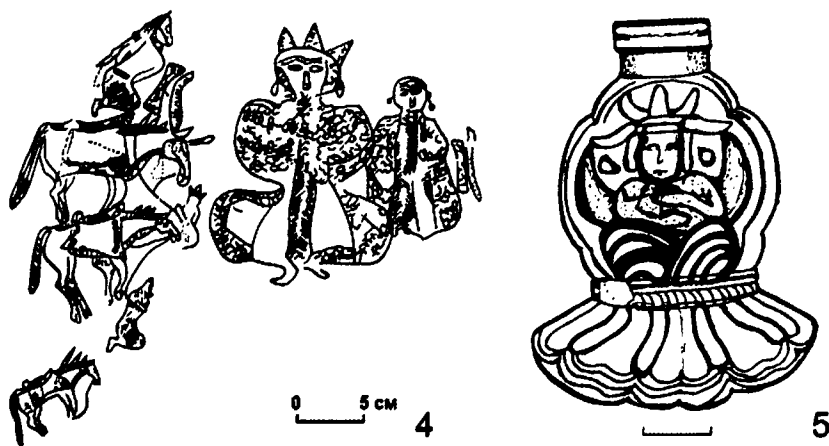

Рисунок 1. 1, 2 – Антропоморфный сосуд и статуэтка. Долина реки Чу (Кыргызстан); 3 – Изображение жреца с сосудом на гривне. Кобяково, курган 10. Ростов-на-Дону; 4 – Культовая сцена на валуне. Могильник Кудыргэ. Алтай, Россия; 5 – Металлический предмет с изображением служительницы культа. Случайная находка у деревни Аешка, Западная Сибирь.

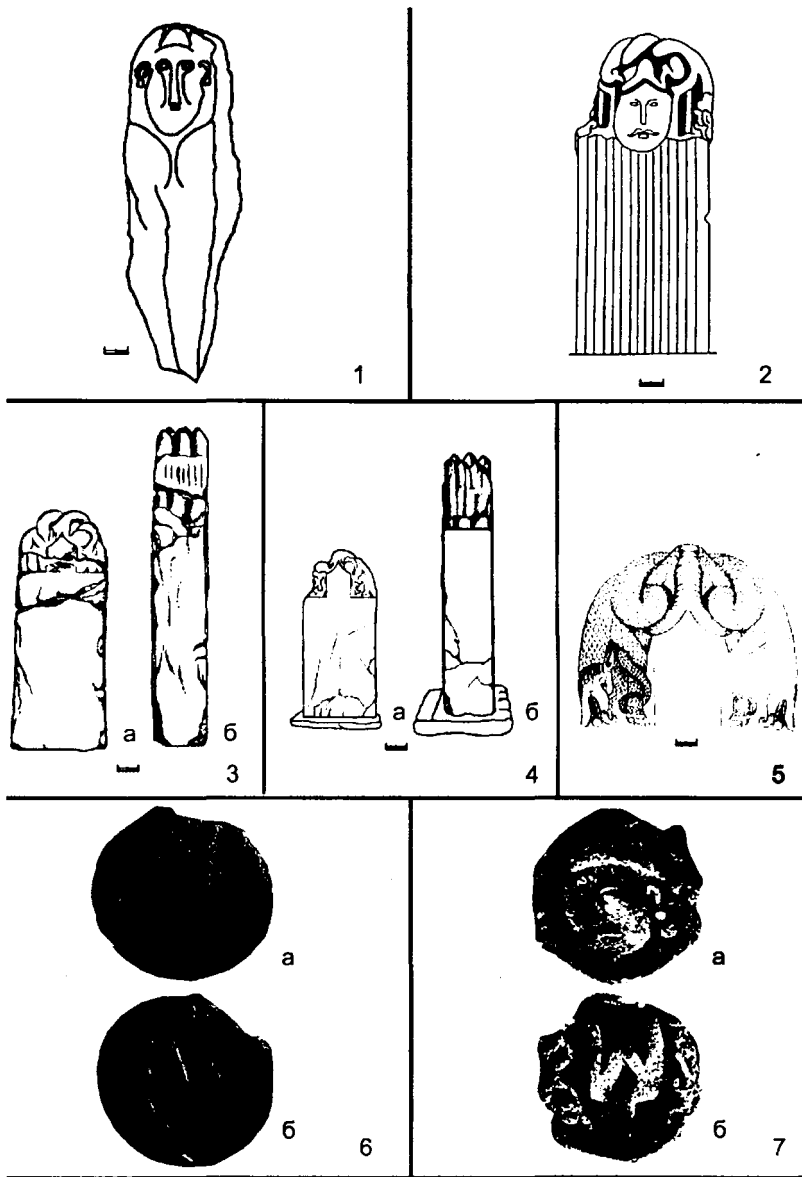

Рисунок 2. 1 – Жайсан 26, изваяние; 2 – изваяние из Карагола (Монголия); 3-4 – каменные стелы Бильге кагана и Куль тегина (Монголия); 6-7 – тюркские монеты из Шаша (Ташкентский оазис)

распространение указывает на ареал бронзолитейного производства и связь с Алтае-Тянь-Шаньским регионом.

Следует также отметить, что анализ исходного источника, статуи жреца в «трехрогом» головном уборе из комплекса Жайсан 26 позволяет проследить истоки традиции развития жреческого культа на мировоззренческом уровне и установить его взаимную связь с образами родовых тотемных животных, олицетворяющих центральный персонаж тюркского пантеона божеств – божество Жер-Су. В символике «трехрогих» изваяний, в мемориале посвященном верховному жрецу, на памятнике Жайсан 26 отражен описанный выше комплекс идеологических представлений. Очевидно, в традиционном тюркском культовом искусстве, три рога, изображенные на головных уборах служителей культа, являлись символами трех сфер мироздания, посредническую функцию между которыми осуществляли личности, наделенные статусом жреца.

Результаты анализа комплекса источников свидетельствуют, что в традиционной структуре тюркского социума, преимущественные социальные приоритеты описываемой категории лиц принадлежали представителям материнского клана. Таковыми могли являться, как лица женского, так и мужского пола, что нашло отражение в иконографии статуй в «трехрогих» головных уборах. В строгой социальной иерархии тюркского общества, представители *Катунской* (материнской) фратрии, «местожительство которой находилось на территориях, прилегающих к Таласу, включая правобережье Сырдарьи» вероятно, олицетворяли тюркскую землю.

Комплексный анализ источников, позволяет также прийти к выводу, что культовые памятники с большим количеством женских статуй, различных культовых атрибутов в форме бляшек, статуэток и монет с «вилообразными

тамгами»/трех стрел на древке, получивших распространение на территории локализации Западного Тюркского каганата и статуй в трехрогих головных уборах не являются случайными. Анализируемые памятники являются отражением тюркской мировоззренческой концепции, составляющей основу структуры государства. Памятники с характерными тремя выступами, переданные в форме трех рогов на статуях, статуэтках, бляшках, трех стрел на древке являются свидетельствами факта создания их в честь людей, в функции которых, при жизни входила и обязанность юрисдикции за правовым статусом исконных тюркских земель.

Использованная литература:

1. Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья. Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. «Наука», 1978. – С. 65-79.
2. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв.н.э.) – Ташкент. Изд-во. Национальной библиотеки им. Алишера Навои. 2007 г. – 119 с.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. – 110 с.
4. Досымбаева А. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии // Государственность и Великая степь: материалы международной научной конференции.- Астана: Kultegin, 2006. – с. 63-74.
5. Golden Peter. D. Religion among the Qipchaqs of the medieval Eurasia // *Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia*. – Newark, 42(1998) 2. – P. 180-237.

Лекция 9. Памятники тюркских народов как источники формирования основ духовной культуры казахов.

План лекции:

1. Вопросы типологии памятников духовной культуры и взаимная связь их содержания.
2. Этапы развития памятников рунической письменности. Связь рунических текстов с эпическими произведениями и памятниками монументального изобразительного искусства.
3. Роль и место памятников духовной культуры в истории формирования и развития тюркского государства.

Памятники тюркских народов, представленные в различных типах и формах источников, прежде всего, необходимо классифицировать по их содержанию. Содержательная часть источника должна отражать ее ценность как памятника духовной культуры народа. В процессе типологического анализа источников необходимо выделить их особенности, представленные в формальных критериях и признаках, позволяющих выявить их ценностные характеристики, служащие в качестве идеологических маркеров духовной культуры тюркских народов.

Комплексный анализ памятников духовной культуры тюркских народов должен быть нацелен на обучение и приобретение умения осмысленно познать ценность того или иного источника. Типологический анализ памятников рунической письменности необходимо проводить совместно со сравнительно-сопоставительным анализом с данными различных древних письменных источников, сфрагистики, нумизматики, петроглифики, памятников

монументального искусства. В источниковедческом познании представляется важным обучение логически выведенному анализу источника на фоне широкого временного и пространственного распространения различных типов памятников в ареале обитания тюркского мира.

Культурологическая ценность знаний, приобретенных в процессе познания методов и методологии исследования комплекса источников, нацеленных на познание истории зарождения, формирования и развития артефакта, представляют собой основные способы определения исторической значимости, памятников культуры тюркских народов и способности выделения его особенностей в системе мировых ценностей.

В процессе обучения предмета необходимо включение базовых исторических и археологических источников, содержащих аутентичные информационные сведения о культуре народа в ту или иную эпоху. Наряду с источниками рунической письменности важно использование сведений древних, средневековых письменных источников, эпического материала, данные памятников традиционного прикладного и монументального искусств, устного народного творчества, музыкальные произведения, способные адекватно отразить содержание мировоззренческих ценностей тюркских народов.

При изучении предмета представляется необходимым целенаправленное обучение посредством применения комплекса методов исследования, для формирования умений аналитического осмысления источников. Процесс анализа источника должен включать системный подход к изучению материалов, сведений, содержащихся в исходном, изучаемом памятнике. Аналитическое осмысление материалов необходимо проводить на фоне сравнительно-сопоставительного анализа с другими источниками, памятниками,

которые имели распространение в ту или иную эпоху в сходной культурной среде тюркских народов.

В процессе сравнительно-сопоставительного анализа различных форм памятников культуры тюркских народов важно обучение умению самостоятельно производить анализ источников с точки зрения общности и особенностей изучаемого материала и главных черт, характеризующих источник в качестве основного маркера того или иного народа. Для примера важно обратиться к истории культуры тюркских народов в контексте содержания памятников рунической письменности

Памятники рунической письменности, характерные для тюркских народов, преимущественно мемориального характера выбивались на скалах, валунах, монетах и других предметах. Руническая письменность высекалась совместно с тамгами родов, рядом с наскальными рисунками. Одним из наиболее ярких и содержательных памятников рунической письменности являются эпитафии, высеченные в честь великих предводителей народов. Содержание текстов отражает историческую ситуацию и переживания народа, его чаяния, призывы к единению.

Ранние формы рунического письма, представленные знаковым письмом, характерные для кочевников Жетысу изучены в междуречье Или и Шу-Таласского региона. В районах локализации памятников рунической письменности на одном пространстве, включая территорию Прииссыкуля, расположены памятники тюркского монументального искусства, петроглифы и родовые тамги. Описанные типы памятников расположены на землях народа он-ок-будун, которые создали государство Западный Тюркский каганат. Западный Тюркский каганат, функционировавший в период VI-VIII вв. изначально на территории Казахстана и Кыргызстана в пределах

от реки Или до реки Талас, с самого начала своего существования расширяет свои пределы на востоке от Иртыша, включая земли Приаралья до Каспийского моря, именуемого в эпоху средневековья морем Айдархана (Айдархан Денизи).

Наличие письменности у народов является одним из признаков развитой государственной системы. Вечные письмена являют собой примеры исторической памяти народа и обращенные к тюркскому элю в форме назиданий они являют собой яркие образцы памятников духовной и материальной культуры тюркских народов.

Этапы развития тюркологии как науки начинаются с начала изучения тюркских рунических текстов в XVII – XVIII вв, в котором I – этап представляет собой начало изучения памятников, и связан с их открытием и накоплением источников. В 1692 г. Амстердамский бургомистр Николай Видзен сообщил о первых находках изображений и надписей недалеко от Верхотурья. В 1697 г. Семен Ремезов писал о надписях по верхнему течению реки Талас, где в 1896-1897 гг В. Каллаур и Г. Гейкель открыли камни с руническим надписями. В 1719 – 1722 экспедиция Д. Мессершмидта сообщает о рунических письменах вдоль р. Енисей.

II – этап по дешифровке тюркских рун связан с именем Абея Ремюзы, написавшего рецензию на работу Г. Спасского «Записки о сибирских древностях» (1818 г.). Стал вопрос о теории происхождения рунического алфавита, появилась работа А. Шифнера о его происхождении из тамг (1859).

III – этап. В 1889 начинается работа по дешифровке рунических текстов. Н. Ядринцевым открыты памятники Культегина и Бильге кагана в 400 км западнее Улан-Баатора, в долине реки Орхон. 15 декабря 1893 г на заседании Датской королевской академии наук В. Томсен представил свой перевод рунических текстов. 19 января 1894 г. на заседании

российской Академии наук В. Радловым был доложен перевод надписи Культегина, а в 1899 г. появился перевод текста осуществленный П. Мелиоранским. Наряду с названными авторами в расшифровку рунических надписей внесли свой вклад также В. Банг, Г. Рамстед, А. Лекок, Наджиб Асим, Ф. Хирт, В. Бартольд, И. Маркварт, Е. Броше.

IV этап исследования начинается с 1909 г. с опубликования текстов религиозного и юридического содержания на бумаге, обнаруженные в результате экспедиций Лекока, Грюнведеля, Штейна, Ольденбурга. В. Радловым была расшифрована надпись на камне с территории урочища Айртам – ой, на берегу р. Талас.

В 1912 г. В. Котвич открыл памятник Кули Чору (создан в 731 г.) в местности Ихе-Хуштоу Улан-Баторского аймака. Надпись состоит из 29 строк. В 1913 г. изданы тексты из Суджи и Селенгинский камень, высеченные и посвященные первому хану уйгурской династии Моюн-чуру.

V этап ознаменован деятельностью таких исследователей рунической письменности как С. Малов, автора работ «Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна реки Талас» и «Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление 6-7 вв». В. Томсен заново транскрибировал 29 строк текста Тоньюкука. Анализу текстов посвящены работы С. Киселева, Б. Владимирцова, В. Бартольда, Н. Козьмина, А. Бернштама, С. Толстова.

VI этап изучения рунических письменностей был продолжен после второй мировой войны и связан с именами исследователей В. Лившица, Э. Чадамбы, Д. Васильева, С. Кляшторного, И. Кызласова. Среди казахстанских ученых исследования памятников письменности проведены Г. Мусабеевым, А. Аманжоловым М. Жолдасбековым. С. Каржаубаем.

Сравнительно-сопоставительный комплексный анализ источников позволяет произвести их оценку в качестве формирующих основ духовной культуры тюркских народов. Одновременное распространение различных типов памятников на определенной территории является свидетельством их использования в качестве критериев мировоззренческих ценностей используемых в определенных целях.

К примеру, анализ всех данных мемориального памятника, созданного в честь тюркского кагана Нири (579 г, Монгол-кюре, Восточный Туркестан), потомка Мукан кагана должен способствовать пониманию, что в стиле изображения образа яркого представителя тюркского общества и в содержании текста заложен основной смысл - назидание тюркскому народу. Истории известны аналогичные памятники на территории Монголии (Бильге, Культегину, Тоньюкуку, созданные в VIII в.). Результаты анализа содержания текстов свидетельствуют, что эпитафии представляют собой обращение к народу, к потомкам с призывами к единению и соблюдению норм традиционного права. Следовательно, такая форма наследия может быть отнесена к категории памятников духовной культуры, характеризующих общие мировоззренческие ценности тюркских народов средневековой эпохи.

Для понимания исторической значимости того или иного рунического текста как памятника духовной культуры в процессе преподавания важно акцентировать внимание на содержательной оценке письменности и цели с которой тот или иной текст был создан. Приступая к анализу текстов, высеченных в честь выдающихся предводителей тюркских народов Бильге кагана, Культегина и Тоньюкука прежде всего, необходимо обрисовать историческую картину эпохи, в которой жили и творили названные личности. Последовательно разъяснить, кем они были для своего народа и почему в их

честь созданы памятники. В процессе сравнительного анализа текстов письменности как источников духовной культуры тюркских народов важно обратить внимание на личностный фактор, выраженный в текстах как обращение к народу. Назидательный характер содержания текста, высеченного в честь Тоньюкука, обращение к народу, совместно с призывами к единению позволяет оценить этот памятник как один из наиболее ценных источников духовной культуры тюркских народов. Исторические события, описанные на всех трех памятниках важно увидеть в ретроспективе боли, которую переживал тюркский народ. Эпитафийные тексты представляют собой мемориалы в честь великих личностей, для которых важным являлся фактор государства, который они создавали для своего народа. Рунические надписи в честь Культегина и Бильге кагана наполнены описанием неспокойного периода жизни, борьбы во имя создания тюркского государства и переживаниями о своем народе. В процессе обучения важен акцент на чувстве патриотических переживаний, характеризующих героев эпохи, на созидательном содержании их действий во имя тюркской государственности, на благо своего народа.

Социальная структура тюркского общества, основанная на двухстороннем принципе, выраженная в присутствии восточного и западного правителей, в действительности отражает идею следования основам мировоззренческой модели, стержнем которой являлось представление о единстве и взаимосвязанности верховных божеств тюркского пантеона Тенгри и Жер-Су. Идея единства и незыблемости Неба и Земли тюрков, пронизывающая все сферы социальной и политической жизни отчетливо выражена в содержании мемориальных эпитафий социальной элиты тюркского общества, вызывающих к соблюдению установленных норм социального

права. В строках 10-11 большой надписи памятника Культегину написано: «Тогда вверху небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков сказали так: «Пусть не погибнет тюркский народ, пусть будет народом!». Олицетворением ментальной идеи, в реальной жизни тюрков было представление о священной, неразрывном союзе пары правителей в лице кагана и катун, совместно управлявших тюркским государством. О действенности акта совместного управления тюркским государством свидетельствуют средневековые письменные источники, памятники тюркской рунической письменности. По представлениям тюрков каган являлся олицетворением космоса, высокого синего неба, именуемого Тенгри, которое даровало свое благословение в форме кут. Символом второго верховного божества Жер-Су, земная ипостась которой именовалась Умай ана была катун/қатын, соправительница кагана. В социальном контексте совместное правление двух знатных родов ашина и ашидэ нашло свое выражение в том, что каган мог заключить брак только с представительницами из рода ашидэ. Исследования показывают, что «род ашидэ играл важную роль в Тюркском каганате. Законными женами тюркских каганов считались жены из рода ашидэ и только сыновья от женщин из этого рода становились наследниками престола». О значении роли рода в жизни тюркского общества можно судить по результатам восстания в Шаньюевом наместничестве, возглавленном представителями клана ашидэ. Итогом антикитайского движения, длившегося около 10 лет стало создание Второго Восточного Тюркского каганата. В связи с глобальными событиями, произошедшими в Центральной Азии, истории стали известны имена предводителей тюркского государства, отвоевавших себе право на независимость и выбравших для своего народа землю Отюкен. Представитель рода ашидэ, мудрый Тоньюкук,

служивший советником при трех тюркских каганах Елтери-се (679-691), Капагане (691-716) и Бильге (716-741), согласно тексту эпитафии, высеченной на его мемориале «сам избрал местом жительства для народа землю Отыюкен, чтобы он не голодал и был всегда сыт».

Изложенному выше, факту узаконенного дуального со-правления двух ведущих кланов ашина и ашидэ в структуре тюркского государства соответствуют наблюдения о диалектных особенностях языка, упомянутых выше памятников письменности. Согласно анализу надписей в честь Куль теги-на установлено, что она «составлена на диалекте господствующего племени ашина, а надпись Тоньюкука – на диалекте племени ашидэ».

Другим примером, представляющем назидание потомкам являются многочисленные краткие надписи высеченные в Койтубеке (Иртыш), Мерке и других местах, основное значение которых значит «Моя великая земля», «Мои величественные горы», «Мое Отечество».

Исторический контекст памятников рунической письменности – слова назидания потомкам и гордость за свое отечество. В вопросе реконструкции целостной концепции основ идеологии тюркского социума, генезис которой длился на протяжении тысячелетий и сохранил свои корни в идеологии современных тюркских народов и в традиционной культуре казахов, важно также обозначить место культа и ритуала в контексте развития духовной культуры тюркских народов и казахов.

Эпическое наследие тюркских народов, нашедшее отражение в памятниках письменности, в прикладном искусстве в ранние периоды истории становления и развития государственности характеризуется общностью черт, выраженных в их структуре и содержании. Важным элементом процесса

познания и обучения является анализ смыслового содержания текста, направленного на вычленение главных черт эпического материала, отражающих настроение целого поколения той или иной эпохи. Характерной особенностью эпического наследия всех тюркских народов является общность, нашедшая выражение в том, что содержание героических эпических произведений вобрала в себя основную мысль, отражающую чаяния народов, направленные на созидание, на борьбу с иноземными врагами во имя сохранения государственности. Мысли, выраженные в идее о целостности своей страны, воспеты в песенной и стихотворной форме, посвященные деятельности героев, в концентрированном виде отражают жизненные ценности всего народа.

В процессе познания важно показать, что эпическое наследие тюркских народов нашло свое отражение в культурном наследии в целом. Ярким воплощением культурного наследия являются все формы памятников прикладного искусства, среди которых наиболее отчетливо выделяется монументальное наскальное искусство и статуарные образцы. Темы и сюжеты наскального искусства, живописи содержащие сцены борьбы тюркских воинов с врагами получили распространение на всей территории тюркской ойкумены. Изображения тюркских всадников, изображаемых в воинской амуниции, со знаменами в руках, сопровождают все сакральные земли тюркских народов. Такая тема является одной из излюбленных сюжетов на парадных сценах залов, изученных в древних городах Афрасиабе, Тохаристане, Пенджикенте. Тема борьбы присутствует на парадной посуде из Венгрии, Ирана, Болгарии и Украины.

Источником содержания алтайского героического эпоса «Маадай кара» и «Огузнаме» является одна и та же идея о целостности государства тюрков, достигаемая в процессе

борьбы с иноземцами. Народная мысль, воплощенная в беззаветной вере своим батырам, сопровождаемых боевыми конями, проходит основным рефреном через все содержание эпических произведений.

Мудрость, заложенная в эпике произведений, в концентрированном виде выражена в образе Деде Қорқыта, главного персонажа огузского героического эпоса, характерна для всех тюркских народов. «Книга моего деде Коркыта» создана в IX-X вв и впервые изложена в письменной версии в XV в. (хранится в Дрезденской библиотеке и Ватикане). Образ пронизательного мудрого наставника тюркских правителей и народа Коркыта являет собой героическую личность, все мысли которого направлены на благополучие государства. Изложенные в стихотворной форме наставления деде Коркыта содержат поучительные наставления, целью которых является нравственное состояние общества. Описания из жизни самого Коркыта свидетельствуют о существовании самой личности и его личных переживаниях, актуальных еще при его реальной жизни. Историческая ценность духовного наследия Коркыта заключается в том, что оно представляет собой эпическое наследие всех тюркских народов.

Сравнительный анализ текстов позволяет проследить последовательное историческое развитие наследия и общность ранних средневековых поэтических произведений с эпическим наследием казахов, нашедших свое продолжение в таких произведениях как «Алпамыс», «Қобыланды».

Использованная литература:

1. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы. «Мектеп», 2003. – 368 с.

2. Жолдасбеков М., Сарткожа К. Атлас орхонских памятников. – Астана. – Күлтегін, 2006. – 356 с.
3. Кляшторный С. Г. Эпоха рунических памятников //История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003. – Изд-во. Филол. фак-т. СПбГУ. – 560 с.
4. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л., 1980.
5. Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Типография Комплекс, 2006. – 166 с.
6. Жодасбеков М. Асыл арналар. I том. Астана, 2012. – «Күлтегін» – С. 9-142.
7. Короглы Х. Огузский героический эпос. – М., 1976. – «Наука». – 239 с.
8. Мокрынин В. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. – Бишкек. «Илим», 2010. – 298 с.
9. Қорқыт Ата. – Алматы, 1993 – «Қазақстан» – 64 б.
10. Сабыр М. Б. Көне түркі және орта түркі тілдері арасындағы сабақтастық //Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. – Алматы, «Ғылым», 2001. – С. 337-341.

Тогансай. Алтарь 1. Руническая надпись.

Святылище Мерке. Руническая надпись.

Лекция 10. Памятники письменно-литературного языка и языковая культура тюркских народов средневековья.

План лекции:

1. Особенности кыпчакского языка в средневековом произведении «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни.
2. Бейты «Кутадгу Билиг» на стенках сосуда из средневекового города Сарайчик и костяной лопатке из Нового Сарая.
3. Историческое значение произведения Махмуда Кашгари «Диван Луғат ат Турк».

Свидетельством высокого уровня экономического развития западных тюркских племен, на период формирования Западного Тюркского каганата, является всесторонне развитая государственная система. Характерными показателями уровня развития государственности западных тюрков являлась письменность, широко распространенная в этнокультурной среде раннесредневекового населения. По мнению профессора И. Л. Кызласова, фактор наличия развитой системы алфавитного письма и материалов письменных памятников, «имеют первостепенное значение..., т. к. являются ... культурно-политическим, государственным признаком».

Находки памятников рунической письменности, в пределах локализации Западного Тюркского каганата, в Мерке и в большом количестве на территории Прииссыкуля, свидетельствуют об использовании письма в различных сферах жизненной деятельности, в процедуре управления государством, в ритуальных целях и в области обычного традиционного права. Легенды на тюркском, руническом и согдийском языках, на монетах VI-VIII вв из городов Жетысу, Восточного

Туркестана, Южного Казахстана и Шаша, являются показателями уровня грамотности населения, вовлеченного в товарно-денежные отношения эпохи. По мнению А. Аманжолова «тюркская руника ... широко употреблялась в древнетюркских государствах VI – X вв. В них была распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный язык, иначе именуемый “древнетюркским языком”. По отношению к территории Казахстана, это прежде всего Первый Тюркский каганат, Западнотюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты».

Формированию тюркского письменного литературного языка предшествовал период расцвета карлукско-кыпчакского языков, известных как язык литературного произведения XI века «Кутадгу билиг» («Наука делать счастливым») выдающегося автора Юсуфа Баласагуни (1069 г). Произведение представляет собой наиболее старый литературный памятник на тюркском языке. Язык произведения принадлежит к д - з – группе тюркских языков. Памятник дошел до нас в трех списках, которые хранятся в Вене, Каире и Ташкенте. Венский список написан уйгурским (венский), каирский и ташкентский – арабским письмом; подлинник видимо был написан арабским письмом. По своему содержанию поэма представляет собой дидактическое произведение – «панднаме».

В культурно-историческом отношении поэма чрезвычайно ценна. Она является первым крупным оригинальным произведением на тюркском языке, основанном на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию. Поэма является образцом тюркского литературного языка XI века. С появлением произведения завершается формирование нового письменного языка. Это тюркский язык или карлукско-уйгурский письменный язык восточной части

Караханидского государства. «Кутадгу Билик» является общим достоянием ряда современных тюркоязычных народов.

Автор приступил к созданию поэмы в Баласагуне, расположенном на берегу р. Чу и завершил ее в Кашгаре – одном из культурных центров тюркского мира того времени. Она получила широкое распространение за пределами тюркского мира и стала одним из источников распространения тюркской литературной традиции, а влияние поэмы на литературу тюркоязычных народов прослеживается до XIV – XV вв. Во время археологических раскопок в Сарайчике, расположенном в устье реки Урал и являвшемся одним из административных центров Золотой Орды, был найден кувшин с текстом/бейтами из «Кутадгу Билик»:

Кіші көр'кі жүз ол, бу жүз көр'кі көз
Боуз көр'кі тіл ол, бу тіл көр'кі сөз;

Красота человека – это лицо, красота этого лица – глаза
Красота глотки – это язык, красота этого языка – слово.

Такы көрк кішігә билік һәм һүнәр
Јулуқ кылқу панны билікліккә әр

Еще красота для человека – знание и искусство,
В жертву должен принести душу за знание человек!

бу күпнүн ічинда
јаш кујар болур

внутри этого кувшина
можно слезы сливать

Йема бу китап
ол ези-өк әзиз,
Билигликкә болғай
билигдин теңиз

Эта книга
очень дорогая,
Знающему это будет
морем знания.

Бу Мәшрик элиндә, қамуг түрк ичин (дә)	В этой стране Востока, среди всех тюрков.
Муның тег тилинчә китап йоқ ажунда адын	В мире нет иной такой книги.

Другим бесценным памятником тюркской письменности является произведение Махмуда Кашгари «Диван Луғат ат Турк» (1072 г), основанное на сравнительном анализе материалов, используемых в среде тюркоязычных племен, населявших территорию Туркестана, большую часть которых составляла территория современного Казахстана от Иртыша до Сырдарьи включительно. Заслугой Махмуда Кашгари является упоминание о том, что тюркские племена ягма, чигиль, тухси пользовались письменно-литературным языком эпохи, который он называет языком «хакания». Языком «хакания» говорила тюркская социальная элита в своей этнической среде. Примечательно, что названные мыслителем племена, еще в период расцвета Западного Тюркского каганата входили в его состав.

Последовательный расцвет языка хакания послужил формированию письменного литературного языка кыпчаков и карлукско-кыпчакского языков. Единственный экземпляр рукописи словаря «Диван Луғат ат Турк» хранится в Стамбуле и состоит из 1 тома (319 с.). Дошедший до нас список словаря является первой копией арабписьменного оригинала, выполненного Мухаммадом бин Абу-Бекр ад-Дамашки, иранцем по происхождению. Она была снята с оригинала через 200 лет после его написания. Словарь на арабском языке впервые был опубликован в 1915 – 1917 гг в Турции (в трех томах). Впоследствии словарь был переведен Б. Аталаем на турецкий язык и опубликован: т. 1 – в 1939 г, т. 2 – в 1940

г., т. 3 – в 1941. В словаре содержится много грамматических и диалектологических замечаний по языкам тюркских племен; в нем приводится 291 пословица и поговорка и около 300 отрывков песен различного содержания, а также четверостишия. Словарь впервые был исследован К. Броккельманом, который в 1928 г. опубликовал том тюркских слов, избранных из него.

В словаре отражена лексика 31 тюркского диалекта, которые были распространены в XI в. в тех районах, где Махмуд Кашгари собирал материалы для словаря. Всего имеется 414 помет, из них лишь 21 помета указывает на один диалект. В словаре зафиксировано 10 слов с пометой «уйгур». По утверждению Махмуда Кашгари, хотя уйгуры и говорили по тюркски, они имели также язык, на котором общались между собой и пользовались особым письмом, состоящим из 24 знаков. По утверждению Махмуда Кашгари самым легким языком является язык огузских племен, а самыми правильными – языки тохсы и ягма: лишь при 12 словах стоит помета «ягма» и при пяти – «тохсы». Это свидетельствует, что представители этих племен уже имели сложившийся язык. Правящая верхушка, придворные круги всегда и везде предпочитали разговаривать или на иностранном языке или на родном, но пользуясь высоким стилем, далеким от разговорного языка. Таким представляется язык хакания, о котором часто упоминает автор. По всей вероятности этот смешанный язык лег в основу литературного языка государства караханидов. В этом языке было мало арабских и персидских элементов, сложных арабско-персидских оборотов и сочетаний, но он изобиловал архаизмами. Многие из них были достоянием лишь литературного языка.

Период формирования огузского языка произошел в карлукско-караханидскую эпоху. В огузский письменный язык

вошли как полноценные компоненты диалекты кыпчаков, йемеков, печенегов и болгар. Огузский письменный язык также был смешанным. Пометы, сделанные Махмудом Кашгари к тюркским словам свидетельствуют, что автор жил и собирал свои материалы там, где преобладали огузские племена, в соседстве с которыми были компактно расселены чигили, аргу, кыпчаки. Истолкование остальных помет показывает, что такие роды и племена как ягма, ябаку, йемек, тохсы, кай, на территории где путешествовал Махмуд Кашгари, не составляли компактной массы населения и были в значительной степени смешаны с основным населением и ... их говоры почти слились с огузскими, кыпчакскими, чигильскими, аргу диалектами.

Основная часть огузских племен населяла территории от низовьев Сырдарьи до Аральского моря и далее, охватывая Хорезм, низовья реки Амударьи, вплоть до Каспийского моря. Соседями огузов были кыпчакские племена, которые часто смешивались с огузами. Материалы по огузским диалектам М. Кашгари собирал среди огузских племен... в основном от низовьев Сырдарьи до Аральского моря. Кыпчакские племена в этот период населяли территорию от реки Иртыш на востоке до низовьев Сырдарьи. Чигили занимали территорию севернее оз. Иссык-Куль до р. Или и далее на запад до реки Чу. Их соседями на юге были карлукские племена, территория которых распространялась до Тараза-Таласа, а на севере до Чу. К примеру, «Многие из слов приводимых М. Кашгари не сохранились, но сохранившиеся: кум – песок; оң – правый; сіз – вы в словаре помечены «чигиль».

Культурный центр описываемого периода – Баласагун, находился в центре расселения племен аргу, чигиль, карлук. Сам факт обитания этих племен на той территории, где формировался смешанный литературный язык, отличный не только

от староуйгурского, но и от новоуйгурского, дает основание предполагать, что языки чигильских и курлукских племен внесли заметный вклад в этот литературный язык. Большое количество помет «аргу» свидетельствует, что М. Кашгари, по видимому, жил и собирал материалы среди племени аргу. По его словам аргу жили на территории между Испиджабом и Баласагуном, по среднему течению р. Талас и р. Чу. Города Баласагун, Мерке, Талас до некоторой степени были населены аргу и ... можно предполагать, что территория, занятая племенами аргу простиралась до среднего течения Сырдарьи, где жили огузские племена.

В связи с темой родства огузов и кыпчаков следует обратиться и к легендарным преданиям, эпическим произведениям о происхождении кыпчаков, сохранившихся в целом ряде источников. По версии, записанной историком монголов лейб-врачом Фазлаллах рашид ад-Дином в труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), генеалогическая история кыпчаков непосредственно связана с огузами и эпоним «кыпчак» явился следствием имянаречения самим легендарным Огуз каганом. Рождение мальчика на острове, образуемом течением двух рек, в дупле дерева, именуемом на тюркском «кыпчак» и послужившее поводом для его имянаречения ханом описывается и у другого автора, Абульгази хана Хивинского. О связи имени кыпчаков с историей их участия в событиях жизни огузов и Огуз хана, а также самого онима кыпчак с деревом описывается и в уйгурской рукописи «Огузнаме».

Информация об идеологическом комплексе кыпчаков, содержащая ценные сведения об этнонимах, тамгах и уранах кыпчаков содержится в этнографических источниках. В китайских источниках и в тюркской рунической Онгинской надписи семь племен се-яньто названы *jetü eren* “семь мужей

предводителей”. Этим племенам покровительствовало семизвездное скопление Плеяд. В труде Махмуда Кашгарского и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина племя с тем же названием указано в одном и том же списке огузских племен. Анализируя тамгу этого племени, Г. Н. Потанин отмечал, что ее «рисунок представляет собой три наклонно расположенные линии, оканчивающиеся вверху стилизованным изображением звезд. Слева от них имеется изображение лука. Этот рисунок совпадает с рядом наскальных изображений». Название племени соответствовало, переданному у М. Кашгари уркер, значившего «лось». Ураном кыпчаков был «байтерек», являющийся символом дерева, в котором был рожден предок кыпчаков.

На основе теоретико-методологического анализа возможно установить особенности развития памятников письменности кыпчаков во взаимной связи с процессом формирования этнической культуры тюркских народов.

Использованная литература:

1. Баскаков. Тюркские языки. М. – 1960. – С. 45-61; 142-146. Приложение 2.
2. Короглы Х. Огузский героический эпос. – М. «Наука», 1976. – 239 с.
3. Махмут Қашқари. Түрік сөздігі. VIII томдық. Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктер жазған А. Егеубай. – Алматы: «Сөздік-Словарь», 2006. – 376 бет.
4. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. – М. – «Наука», 1989. – 283 с. – С. 32-45.

5. Сауранбаев Т.Н. Некоторые черты древнекипчакского языка //Проблемы казахского языкознания. Избранные труды. – Алматы. – «Наука». – 1982. – 251 с. – С. 241-251.
6. Самойлович А.Н. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика //Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М. – «Восточная литература», 2005. – С. 184-190.
7. Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984. – С. 13-34.

Лекция 11. Методы и методология исследования памятников материальной культуры как источников идеологии традиционного общества.

План лекции:

1. Определение памятника/артефакта как источника духовной культуры.
2. Изучение содержания и назначения памятника культуры.
3. Формирование знаний о взаимной связи содержания памятников материальной и духовной культуры.

Понятие памятник культуры, являющийся основным предметом дисциплины, вбирает в себя весь спектр достижений каждого этноса в любой сфере деятельности. Объектом изучения памятник культуры становится в том случае, когда он несет в себе информацию по истории развития материальной и духовной культуры народа.

История духовной культуры, представленная в памятниках и артефактах, насчитывает за собой многотысячелетнюю историю, в которой переплетаются судьбы различных тюркских народов до формирования этногеографических границ каждого из них. Памятники духовной и материальной культуры в пределах их локализации позволяют очертить регионы формирования и отчетливо очертить ареалы их распространения.

Комплексный анализ источников, выявление особенностей развития памятников и определение их значения, в познании истории формирования культуры тюркских народов играет ведущую роль. Следовательно, важно обратить особое внимание на изучение источников, формирующих культурное наследие тюркских народов, выявление

характеризующих черт, влиявших на развитие традиционных форм творчества и нашедших свое выражение в особенностях культуры народа.

Прежде всего, важно понять взаимную связь между содержанием понятий культ и ритуал. С другой стороны, необходимо определить место культа и ритуала в традиционном мировоззрении тюркских народов и казахов. Характерной чертой традиционного мировоззрения тюркских народов является присутствие в нем, в качестве его неотъемлемой части, культа и ритуала. Культ – идеологическое понятие, вбирающее в себя основные представления об устройстве мироздания тюркского мира. Исторические условия формирования представлений о культе непосредственно связаны со средой обитания человека и определением его места в нем. Процесс познания окружающего мира, космоса привел к осознанию тесной связи мира природы и человека. Характерной особенностью миропонимания тюрков стало обожествление сил природы, космических явлений и стремление объяснить его целостность и взаимную связь с миром людей. Ритуал – действия людей, направленные на обеспечение стабильности в обществе.

Взаимная неразрывная и тесная связь понятий культ и ритуал обусловлена идеологическими представлениями о необходимости проведения определенных общественных действий (поклонения, жертвоприношения, молений и др.) объектам культа. Такими объектами были силы космоса в образе Тенгри и силы земные в образе божества Жер-Су. Между двумя основными силами Космоса и Земли-Воды находился мир земной, мир природы, в котором обитали люди и животные. Характерной чертой тюркской мифологии является наделение окружающего его мира духовностью. Потому родовыми тотемами тюрков были птицы, олени, кони, волки,

зайцы и др. К примеру, Тон ябгу каган (618 – 630 гг) издал Указ о запрете убивать оленей. В прикладном искусстве всюду присутствуют образы реальных и мистических собирательных образов животных, а воинская гвардия тюрков именовалась волками. В процессе проведения ритуалов аруахам великих личностей тюркского социума, служивших на благо отечества, приносились жертвоприношения с целью обеспечения стабильности в обществе, клятвенные присяги приносили водой, выпивая ее, в качестве символа божества Жер-Су, которое было единым и неделимым.

Традиционный ритуал поклонения живой природе сохранился в топонимической номенклатуре степей, гор, водных источников в форме их наименований: аулиеколь, аулие жер, кіндіктас, аулиеқора, аулие тал и др. Традиционные пословицы и поговорки тюркских народов и казахов до современности сохранили имена животных и птиц, обозначенных в легендах и мифах как родовые тотемы. Персонафицированные персонажи – животные, в эпических произведениях действуют наряду с эпическими героями. Описанные факты свидетельствуют о преемственности идеологических ценностей тюркских народов и казахов на протяжении тысячелетий.

Характерной особенностью традиционного мировоззрения тюркских народов, легших в основу духовной культуры казахов, является объективное отношение через субъективное восприятие окружающей среды обитания человека. В процессе обучения представляется важным распознавание изучаемых материалов, в качестве источников духовной культуры казахского и тюркских народов. Распознавание включает в себя аналитический подход к изучению различных типов и видов источников, их значения в контексте места и роли памятников духовной культуры как основ

идеологии, мировоззренческих представлений народов Центральной Азии и Евразии.

Обратимся к материалам могильника Каракыстак 1 расположенного на территории Меркенского района Жамбылской области. Могильник состоит из 15 курганов расположенных на левом берегу реки Каракыстак. В пространстве террасы реки курганы организованы несколькими рядами, которые сгруппированы между собой (рисунок 1, 1). В центре площадки находился один из самых крупных курганов, занимающий центральное положение и стоявший одиночно. Диаметр кургана 23 м, высота 2,2. В процессе раскопок центрального погребального сооружения была установлена структура наземной конструкции. Вся поверхность земляной насыпи снаружи была обложена речным окатанным галечником средней величины (рисунок 1, 2). Нижняя часть насыпи укреплена более крупными камнями, которые положены несколькими слоями на глиняный раствор. Под насыпью, на уровне древней дневной поверхности выявлено кольцо, выложенное из крупного, окатанного речного валуна и опоясывающее могильную яму по всему периметру. Могильная яма размером 2,97 м x 1,7 м, глубиной 2,2 м, ориентированная длинными сторонами с востока на запад, была перекрыта крупными стволами дерева, хорошо сохранившихся по краям ямы (рисунок 1, 3). В восточной и западной части ямы бревна перекрытий лежали целыми. Часть обвалившихся бревен находились внутри могильной ямы. В разграбленной погребальной камере, в процессе раскопок обнаружены частично сохранившиеся кости скелета погребенного, нижняя челюсть и череп, лежавшие в западной части могильной камеры, отдельные кости туловища, фрагменты сосудов (рисунок 1, 4, 7). Отсутствовали кости ребер, фаланги пальцев и ног, что наводило на мысль, что грабители

вынесли погребенного вместе с одеждой и украшениями которые находились на пальцах, возможно и на обуви.

Среди находок были выявлены кости жертвенных животных, среди которых представлены кости лошади, крупного рогатого скота и овцы. Погребальный инвентарь состоял из семи однотипных по форме лепных керамических чашек, фрагменты от которых обнаружены по всей могильной яме.

Анализ погребального обряда свидетельствует, что захороненный в кургане человек был ориентирован по длинной оси погребальной камеры с востока на запад. Ориентация погребенного головой на запад устанавливается по местоположению черепа умершего, находившегося в западной части ямы и костей ног, которые находились в восточной части погребения. По результатам антропологического анализа в кургане был похоронен мужчина в возрасте около 40 лет и с помощью расчетных формул и таблиц, основанных на вычислении длинных костей ног, прижизненный рост индивидуума определен около 172 см. Расовые особенности индивидуума характеризуются смешанным еропеоидно-монголоидным антропологическим типом, с преобладанием европеоидных особенностей (рисунок 1, б).

Фрагменты сосудов из описываемого погребения кургана 1 могильника Каракыстак 1 после их камерального изучения и реставрации позволяют сделать следующие выводы. Удалось установить, что в могильную яму было положено семь чашек, специально изготовленных для захоронения. Все лепные сосуды изготовлены с использованием матерчатого шаблона, следы которого отчетливо отпечатаны на внутренних поверхностях фрагментов и не были в употреблении, так как не несут следов утилизации их в быту. Все сосуды однотипны и различаются только размерами. Размеры круглодонных

чашек, напоминающих кочевнические тостаканы, без поддона в диаметре от 15,6 см до 20,5 см., высотой от 3 см, до 6,5 см.

Золотая нашивная пластина, четырехугольная по форме, размером 3,3 см х 2,5 см лежала в восточной части погребальной камеры, ближе к северо-восточному углу ямы (рисунок 1, 5). Предположение о том, что пластина обронена грабителями, подтверждается условиями ее находки, в одиночном виде, в восточной части погребения, между двумя костями голени. Так как пластина содержит четыре круглых отверстия для крепления, расположенные по углам, очевидно, что они предназначались для пришивания.

Пластина представляет собой прямоугольную ребристую рамку. Ребра рамки оформлены продольными выпуклостями, которые выдавлены изнутри. Общее количество ребристых выпуклостей 38 и если учесть что угловые выпуклости имеют отверстия, то на верхней продольной рамке число ребер равно 7, на нижней продольной полосе находится шесть более крупных выпуклостей. Число выпуклых ребер на правой боковой планке равно 11, их количество на левой планке равно 10.

В центре описанной рамки, изображена птица, в геральдической позе, с поднятыми вверх крыльями. Верхняя часть головки птицы отломлена, но хорошо сохранился ее контур и часть клюва, показанные анфас. При изготовлении всей пластины и фигурки птицы, древним мастером использованы одни и те же приемы. Изобразительным способом выдавливания изнутри пластины, овальных по форме рельефных полос, идущих концами вверх от грудной части птицы к концам опереньев крыльев достигнут эффект позы, близкий стилю изображения пернатых на некоторых образцах геральдики. При такой позе крылья птицы оказываются слегка повернутыми вовнутрь, в сторону туловища. Края оперенья обеих

крыльев выражены рельефными полосами, которые очерчивают верхнюю часть фигуры птицы и плавно переходят в контур хвоста. Изобразительный прием, использованный для передачи формы хвоста птицы, позволяет судить о позе, в которой она стоит. Из полости внутренней стороны пластины выступают два округлых овала, очерченные рельефами контура хвоста и создают эффект опереньев, которые повернуты снаружи вовнутрь. Описанными выше приемами достигнут такой эффект, что созданный образ птицы, показанный внутри четырехугольной рамки, стоит вертикально, опираясь на свой хвост, с поднятыми вверх крыльями, слегка повернув их вовнутрь.

Золотая пластина, с фигурой птицы, изображенной в центре рамки, по особенностям изобразительного стиля, близка образу птицы, которая показана на шапке, изображенной на голове скульптуры Куль тегина (рисунок 2, 5-6). Описываемый стиль изображения птицы имеет сходство и с фигурой пернатого с распростертыми крыльями, изображенного в центре короны Бильге кагана. Примечательными особенностями стиля фигур птиц, на описываемых атрибутах, являются форма изображения крыльев, которые показаны с одной стороны, развернутыми и с другой – слегка обращены в сторону туловища. Создается впечатление, что птица находится в позе готовности к защите своего потомства.

Корни средневекового культового искусства с изображениями птиц, тесно связаны с мировоззрением древнего населения. Не вызывает сомнения, что образы птиц служили в качестве одного из символов тюркской социальной элиты и истоки, описываемой изобразительной традиции уходят в глубокую древность. О связи образа птицы, изображенной с распростертыми крыльями, с манерой исполнения пернатых в культовом искусстве, можно судить и по сюжету

картины на диадеме жрицы из захоронения в кургане 10 могильника Кобяково, на окраине г. Ростов-на-Дону. Сюжет картины мира с диадемы жрицы является целостным, развернутым повествованием о сферах мироздания. В центральной части картины показано изображение мирового дерева, по обе стороны от которого стоят по три оленя, а над ними, с обеих сторон показаны по две фигуры птиц, с распростертыми крыльями, рядом и выше птиц виден небесный свод с солярными символами (рисунок 3, 1). Описанный выше культовый предмет из захоронения жрицы позволяет полнее раскрыть содержание образа птицы, как одного из символов верхнего мира. Выполненные в сходном стиле и нашедшие отражение в памятниках культового искусства тюрков, изображения птиц, совместно с этнографическими параллелями способствуют раскрытию содержания образов-символов идеологического комплекса тюркских народов Евразии.

Письменные источники содержат информацию о символе западных тюркских каганов из племени ашина – Золотой птице, которая была подарена танскому императору. Можно предположить, что золотая, нашивная пластина из кургана 1 могильника Каракыстак 1 с изображением птицы в геральдической позе, стилистически идентичная изображению птицы на головном уборе скульптурного изображения Культегина вероятно, являет собой иллюстрацию к мифу о Золотой птице Дули /Красном Вороне.

Ряд повторяющихся образов из памятников тюркской кочевой элиты, исполненных в одном стиле, среди которых тамги из святилища Жайсан, в форме схематического изображения птицы и похожие по форме тамги на тюркских монетах позволяют предположить, что в прикладном искусстве населения эпохи имел хождение единый символ (рисунок 3, 4, 5). Присутствие такого символа, изображенного

в геральдической позе, являлось указанием на обладателя солнечного фарна/кут, дарованного тюркскому народу высоким Небом, верховным божеством – Тенгри. Функция Тенгри, даровавшего небесную энергию/кут обладателю такого символа могла означать покровительство высокого синего неба. Изобразительный стиль, в котором исполнены портреты каганов на монетах идентичны с портретами высшей элиты на каменных скульптурах, а родовые тамги на аверсах и реверсах монет аналогичны знакам собственности каганов которые высечены на скалах святилища Жайсан (рисунок 2, 7-8).

В процессе сравнительно-сопоставительного анализа различных форм памятников материальной и духовной культуры тюркских народов важно обучение умению самостоятельно производить анализ источников с точки зрения общности и особенностей изучаемого материала и главных черт, характеризующих источник в качестве идеологического репера того или иного народа и использование результатов анализа для дальнейших научных работ.

Использованная литература:

1. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахск й степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
2. Зуев Ю. А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – Дайк-Пресс. – 332 с.
3. Досымбаева А. М. О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства //Казахская цивилизация. – Алматы, 2007. - №2. – С. 55-61.

4. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: Наука, 1971. – 403 с.
5. Golden Peter B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia //Archivum Eurasiae Medii Aevi II. – Wiesbaden, 1982. - P. 37-76.

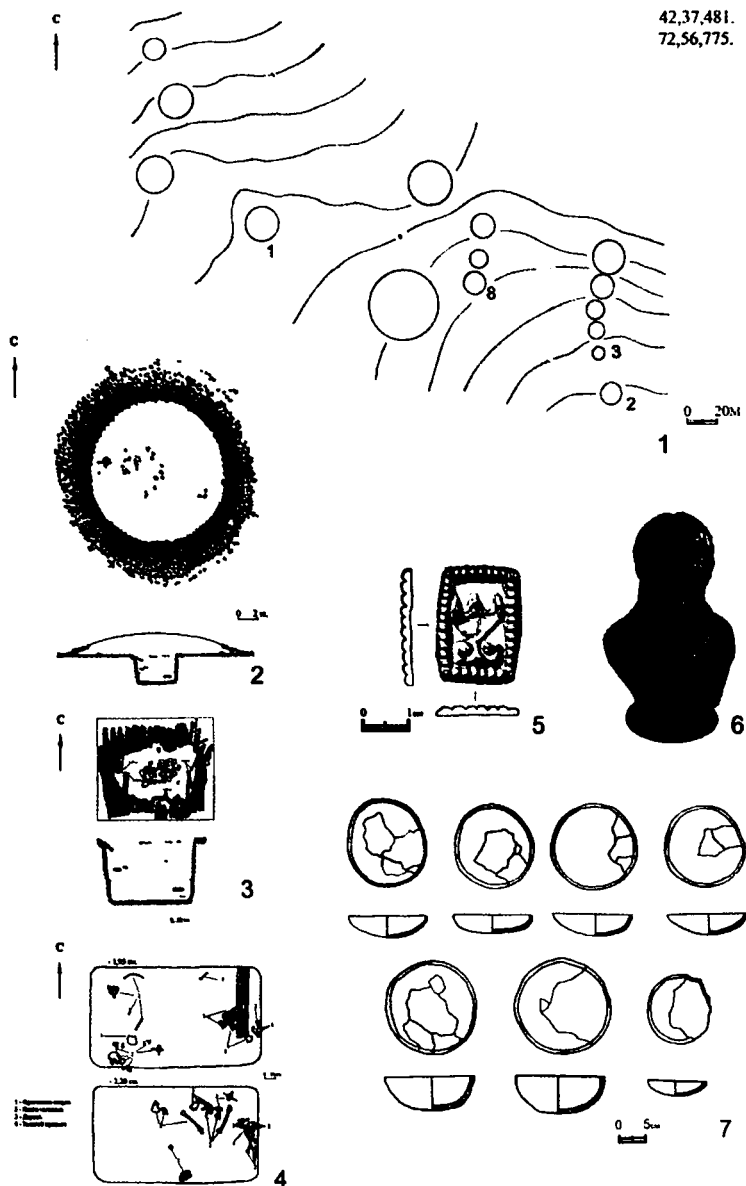

Рисунок 1. Каракыстак 1, могильник. 1 – план могильника; 2, 3, 4 – рисунок кургана 1 и могильной ямы; 5 – золотая пластина из кургана 1; 6 – реконструкция бюста; 7 – керамические сосуды из захоронения

1

4

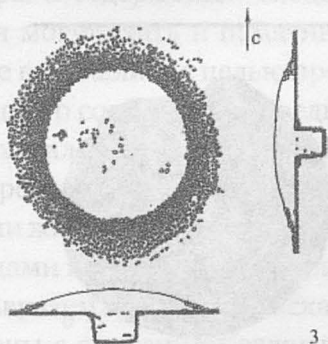
2

5

6

3

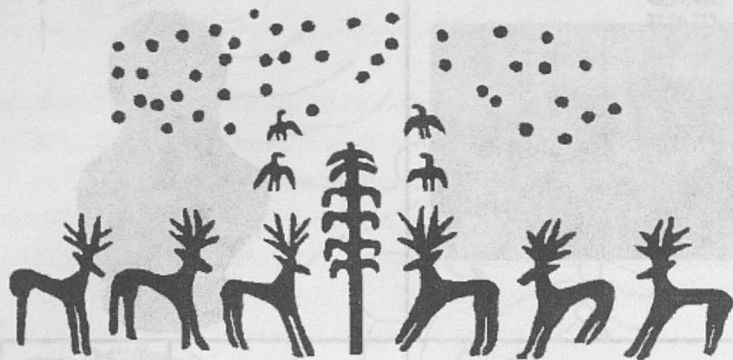

7

8

Рисунок 2. 1 – Долина реки Каракыстак; 2 – Могильник Каракыстак, курган 1; 3 – План и разрез кургана 1; 4 – Реконструкция бюста кагана; 5 – Золотая нашивная пластина с изображением птицы; 6 – Рисунок скульптурного изображения головы Куль тегина; 7 – Жайсан 14, облик тюркского кагана; 8 – портретные изображения правителей на тюркских монетах.

1

2

3

0 10

4

5

Рисунок 3. 1 – Графическое изображение сюжета картины мира на диадеме жрицы. Кобяково, курган 10; 2 – Рисунок золотой пластины с изображением птицы. Каракыстак, курган 1; 3 – Изображение птицы на шапке портрета Куль тегина; 4 – Тамга в форме птицы. Жайсан; 5 – тюркская монета с портретом правителя и тамгой в форме птицы.

Лекция 12. Петроглифы в контексте развития истории культуры тюркских народов.

План лекции:

1. Связь памятников наскального искусства с представлениями о сакральном пространстве.
2. Вопросы взаимной связи содержания образов и тем в наскальном искусстве.
3. Роль и место картинных галерей, образов и сюжетов, высеченных на скалах в идеологии традиционного тюркского общества.

В процессе изучения памятников духовной культуры в археологическом контексте важно усвоить, что понятие духовная культура нашла отражение в артефактах различных форм и содержания. Следовательно, предметом исследования могут стать и памятники наскального искусства, которые высекались с целью проведения обрядов и ритуалов различного содержания. Предназначением природных наскальных галерей с выразительными, живописными сценами из реальной жизни кочевников являлась идея и мысль о соучастии жизни человека с окружающей природой. Все обильные водами и горами территории Центральной Азии, Казахстана и Евразии насыщены наскальными галереями. Живописные сцены с описанием важных событий: баталии, охоты, мирные события, в числе которых ритуальные церемонии являются собой сюжеты наскальных галерей.

В процедуре обучения методам аналитического осмысления памятников наскального искусства, важно акцентировать внимание на конкретном описании рисунков и сюжетов, содержание которых позволяет полнее раскрыть смысл

представлений о сакральном пространстве тюрков. На примере сравнительного и сопоставительного анализа, возможно установить какие рисунки чаще изображались на каменных полотнах святилища Жайсан и те, которые не характерны для наскального искусства святилища Мерке.

В урочище Унгурли, место локализации сцен с петроглифами выделяется в пространстве урочища изгибом небольшой речки, образующей на этом пространстве, ровную, свободную площадку. Самой примечательной и основной по содержанию является центральная сцена, высеченная на большой по площади вертикальной скале. Сцена содержит крупные изображения фигур верблюда, оленя и нескольких, небольших рисунков козлов. Изображения животных выполнены в одном стиле, с использованием сходной техники контурной прорисовки, с дальнейшей шлифовкой внутри контура фигуры животных (рисунок 1,1).

Содержание описываемой композиции объединено общим сюжетом. На полотне картины, изображения туловищ верблюда и оленя показаны в направлении друг к другу, но головы обоих животных обращены в одну, противоположную сторону, на северо-запад. Голова оленя, сидящего напротив верблюда, повернута назад и создается впечатление, что внимание обоих животных направлено на что-то или кого-то, которое находится к северо-западу от них. Фигура двугорбого верблюда на описываемой сцене представляет собой крупное животное, которое в несколько раз превышает размеры оленя и занимает половину большой скальной плиты. Но изящная фигура оленя, уступая по размерам туловищу верблюда, по высоте, устремленных ввысь ветвистых рогов, протянувшихся в длину до 1 м, также занимает значительное пространство на площади описываемой вертикальной скалы, в урочище Унгурли.

Изображения верблюдов в наскальном искусстве Казахстана встречаются повсеместно, почти во всех святилищах с петроглифами и по данным исследований, образ этого животного на протяжении нескольких тысячелетий являлся одним из объектов почитания. Большое количество петроглифов с фигурами описываемых животных расположены в местах скопления наскальных рисунков Центрального Казахстана. В наскальном искусстве Сары Арки фигуры двугорбых верблюдов высекали на протяжении длительного периода. Обратив внимание на «мастерство выполнения и сюжетное богатство гравюр», манеру передачи образов животных наполненных экспрессии, А.Х. Маргулан писал, что «древние мастера могли передать горделивую осанку верблюдов, стройность скакунов, изящество оленей ...».

По результатам исследования наскальных рисунков Каратау отмечено, что «в петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века, верблюд является центральным персонажем многих картин, вокруг которого развиваются все события». Авторы пишут, что «культовый характер многих сцен с участием верблюда подчеркивается огромными размерами этого животного и непропорционально мелкими изображениями других действующих лиц».

Использование образа, описываемого животного в культовом, прикладном искусстве народов Центральной Азии имеет глубокие корни. Предметы с изображениями верблюдов встречаются на металлических пряжках из Сибири, Приуралья, Западного Казахстана. В середине I тысячелетия до н.э. металлические пряжки с изображением верблюда, являлись одним из атрибутов захоронений социальной элиты.

Образ, описываемого животного сопровождает и такие предметы культового назначения, как курильницы, которые использовались в процессе проведения обрядовых действий,

во время ритуальных церемоний. Шествующие друг за другом верблюды изображены по бортикам и в центре двух курильниц, представляющих собой круглые блюда, установленные на конической подставке (рисунок 2, б). В тюркский период, верблюд, по прежнему является одним из излюбленных персонажей наскального искусства и его изображения встречаются на территории Казахстана, повсеместно в горах Ультау, Каратау, Хантау (рисунок 2,1).

К эпохе раннего средневековья относятся новые скопления рисунков открытые в Минусинской котловине, на одной из сцен, зафиксированной в местности Улазы, рядом с рисунками всадников на верблюде и лошади изображены тамги (рисунок 2, 3). Ромбовидная по форме тамга, высеченная на одной плоскости с изображениями всадников на верблюде и лошади на сцене из Улазы, имеет сходство с тамгами, которые зафиксированы на скалах святилища Жайсан в трех случаях (рисунок 2, 2). Описываемый вид тамги, напоминающий по форме ромб, свисающий на овальной подвеске, близок ромбовидным подвескам, которые изображались на груди тюркских каменных статуй. Среди тамг Жайсана зафиксированы парные изображения тамг на подвесках. Форма одной из них показана в виде округлой тамги на подвеске, а вторая - в форме ромба.

Несомненный интерес представляет и факт функционального применения образа верблюда, изображение которого, совместно с ромбовидной тамгой чеканилось на монетах VII-VIII вв и имело хождение в качестве эталонного, денежного мерила тюркского государства. В связи с описываемым видом тамги важно отметить, что они известны и среди нумизматического материала с территории локализации Западного Тюркского каганата. Заслуживает внимания тот факт, что сочетание изображений двугорбого верблюда на аверсе

монеты и ромбовидной тамги на ее реверсе, сопровождаемое надписью на согдийском языке, «Благодатный божественный каган» было характерно и для монетного чекана периода VII-VIII вв (рисунок 2, 4 а, б). С середины 30-х гг. VIII века в Отрарском оазисе имели хождение монеты с тамговым знаком тюргешей. Тамговый знак тюргешей на реверсах монет изображался в форме ромба на подвеске.

Анализ сюжетов памятников монументального наскального и прикладного искусства свидетельствует, что повсеместное присутствие образа верблюда, говорит о почитании этого животного и его тесной связи с мировоззрением населения. Описываемый «образ прошел определенную эволюцию: историческую, смысловую и художественную в мифологическом, династийном и декоративно-зрелищном аспектах». В связи с династийным аспектом, надо упомянуть, что в государстве караханидов, составным элементом официального титула соправителя кагана было слово «богра» (на казахском языке верблюда называли бура), в значении двугорбый верблюд, полный титул звучал – Бограхан. Почитание верблюда в казахской традиции, нашло выражение в том, что «верблюд считался самой дорогой жертвой».

Факт функционального использования тюргешской тамги в виде ромба совместно с изображением верблюда позволяют судить о том, что сфера использования описываемого образа распространялась и на область идеологии. Полученные данные существенно дополняют информативный потенциал, содержащийся в материалах тамги и фигуры верблюда, изображенных на одной и той же монете. Денежные номиналы служили в качестве символов тюркской государственности, что является показателем наличия государственной символики у тюрков населявших территории Туркестана в эпоху раннего средневековья.

Территориальное распространение культа верблюда связано с регионом его доместикиции, т.е. с территорией Средней Азии и Казахстана, которое хронологически, может быть отнесено к началу III тысячелетия до н.э. В традиционной культовой практике населения казахской степи поклонение образу верблюда сохраняется на протяжении нескольких тысячелетий и продолжает свое существование в этнографической среде казахов. Прекрасный знаток этнографии академик А.Х. Маргулан, описывая сюжеты древних гравюр Центрального Казахстана, среди которых большое количество рисунков, с фигурами верблюдов, пишет, что они «перекликаются с древними легендами казахов о Жел-Мая».

Изображения оленей с вертикальными, ветвистыми рогами на скалах святилища Жайсан показаны среди всех скопленных петроглифов, в долинах Унгурли, Каскырсай и Жиделисай. Основная часть изображений оленей показаны по одному и складывается впечатление, что они даны только в общем контексте святилища в целом. Обращает на себя внимание, что все рисунки оленей выполнены в сходном стиле. Особенностью изображений оленей является стиль изображения рогов, которые во всех зафиксированных случаях, показаны в форме параллельных, вертикально направленных ветвистых отростков (рисунок 1, 1-3).

В прикладном и монументальном искусстве, традиция изображать оленей имеет глубокие корни и по мнению исследователей: «олень – один из главнейших персонажей индоиранских и тюрко-монгольских мифологий – часто воплощен в петроглифах в виде солнечного фантастического животного».

Известный сюжет, воплощенный на диадеме жрицы из кургана 10 Кобяковского могильника с мифическими птицами и оленями у мирового дерева, по мнению специалистов

«символизирует идею постоянного возобновления жизненного цикла и связан с моделью мира древнего населения Евразии» (рисунок 1, 4). На каргалинской диадеме, олень, изображенный с ветвистыми, поднятыми вверх рогами присутствует наряду с другими животными, олицетворяющими части живой природы тюркского мироздания. Примечательно, что фигура оленя на диадеме изображена идущей вперед в том же направлении, что и другие животные, а голова оленя повернута назад. На каргалинской диадеме, древним художником достигнут тот же эффект ожидания, что и на сцене, высеченной на скале в урочище Унгурли, на которой изображены верблюд и олень, голова которого обращена в противоположную сторону (рисунок 1, 1). В генеалогических преданиях тюркских народов, образу оленя отводится особая роль. Повсеместное распространение образа оленя, видимо отражает его связь с идеологическими представлениями тюркских племен о родовом тотеме. Отношение к оленю, как к священному родовому предку, могло послужить поводом для декларации факта почитания, на государственном, законодательном уровне. Истории известен Указ Тон ябгу кагана (618-630 гг) о запрете убивать оленей. Согласно указанию кагана, в законодательной форме, в документе предписывалось, чтобы все олени были пересчитаны и каждому из них повесили на шею колокольчики. Формой наказания, за намеренное и ненамеренное убийство оленя являлась смертная казнь. На другой сцене, расположенной в ущелье Каскырсай, изображение оленя находится рядом с изображением всадника и других рисунков. В урочище Жидели сай, зафиксированы изображения скачущих всадников и всадника, расположенного рядом с оленем. Фигура оленя на этой сцене направлена в противоположную от всадников сторону.

На скалах святилища Жайсан частыми являются изображения всадников с предметами, похожими на боевые топоры (рисунок 3, 2-3). Боевой топор или чекан, который изображен в руках одного из всадников, в группе петроглифов, в местности Каскырсай, действительно «редко встречается в петроглифах Алтайских гор» и неизвестен в монументальном искусстве Казахстана. Предметы, сходные по форме с боевыми топориками, изображались на тюркских монетах VII-VIII вв из Отрарского оазиса. Изображения конного всадника, с боевым топором и колчаном со стрелами, высечены на кулпытасе Сейсем Аты (рисунок 3, 6). Боевые топоры являются, одним из типов оружия, которые часто изображались на кулпытасах Западного Казахстана. В казахской этнографической традиции, обладателями и держателями тамги в форме топорика является род *балталы/владеющие топором* (перевод с каз. яз.), племени найман. На рисунках, изображающих средневековых воинов, подчеркнута выделялись формы сложных луков, удлиненной формы копья, штандарты (рисунок 3, 5)

По результатам новейших исследований петроглифов на юго-востоке Алтая установлено, что в тюркскую эпоху появляются некоторые изменения. Рисунки животных, людей, сопровождаемые тамгами и рунической письменностью, выполненные в технике тонкой гравировки «отличаются по особенностям стиля, характеру сюжетов и историческим реалиям, воспроизведенным на скалах». В контексте исследования вопроса, о сопровождении петроглифов с изображениями животных родовыми тамгами, особый интерес представляют тамги, которые выбиты на рисунках фигур лошадей с всадниками

Всадники на конях изображались на аверсах монет, сопровождаемых легендами на согдийском языке и тюркскими

тамгами, на реверсах денежных номиналов, получивших распространение на территории Шашского оазиса в период первой половины VII вв.

Наскальные рисунки Центральной Азии, в плане эволюции сюжетов с образами всадников позволяют исследователям проследить его развитие в монументальном искусстве, начиная с эпохи бронзы. Изображения лошадей в памятниках наскального искусства святилища Жайсан является также частым, как и фигуры, описанных вышей оленей, верблюдов. В тюркскую эпоху на природных галереях присутствует «уже сложившийся прототип центрально-азиатского всадника: «летающего и стреляющего из лука средневекового воина». В традиционном, мемориальном казахском искусстве культ коня и воина нашел свое продолжение на изображениях кулпытасов Западного Казахстана.

В связи с особенностью стиля изображения образа скакуна с длинными тонкими ногами, идущего вправо, привлекают внимание аналогии, которые встречены и на монете из городища Костобе, расположенного в округе древнего г. Тараз. Описанный тип монеты из Костобе имел хождение в пределах локализации земель западных тюрков, в период VII-VIII вв.

В традиционном прикладном монументальном искусстве идентичные образы всадников со знаменами, вооруженные луками, копьями получили распространение во всем ареале обитания тюркских народов (рисунок 4). На Алтае, повсеместно на территории Казахстана, Кыргызстана, Северном Кавказе, в Болгарии, Венгрии тюркские всадники, изображенные на скалах, на различных предметах культового назначения и парадной посуде являют собой образцы маркеров культурного наследия. С другой стороны, описанные сюжеты очерчивают ареалы влияния культуры тюркских народов

и их участие в формировании этнической географии современных государств Центральной Азии и Восточной Европы.

Использованная литература:

1. Атлас. Западный Тюркский каганат. Астана, 2013. – 848 с.
2. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв.н.э.) – Ташкент. Изд-во. Национальной библиотеки им. Алишера Навои. 2007 г. – 119 с.
3. Бурнашева Р.З. , Юсупова С.М. Монетные находки с городища Костобе (Жамбылская область) //Известия НАН РК. Серия обществ. Науку. – Алматы, 1993. №5. - С.75-80.
4. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
5. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы, 2013. – 250 с.
6. Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая //Археология, Этнография и антропология Евразии //Институт археологии и этнографии СОРАН – Новосибирск, 2004, – 3(19). – С. 65-81.
7. Леонтьев Н. В. , Миклашевич Е. А. , Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства на севере Минусинской котловины //Археология Южной Сибири. Кемеровский гос. университет – Кемерово, 2005. – вып. 23. – С.120-132.
8. Табалдиев К.Ш. , Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины //Известия НАН КР. – Бишкек, 2001. №1-2. – С. 73-75.
9. Тасмагамбетов И.Н. Кулпытас. Астана: Берел, 2001. – 392 с.

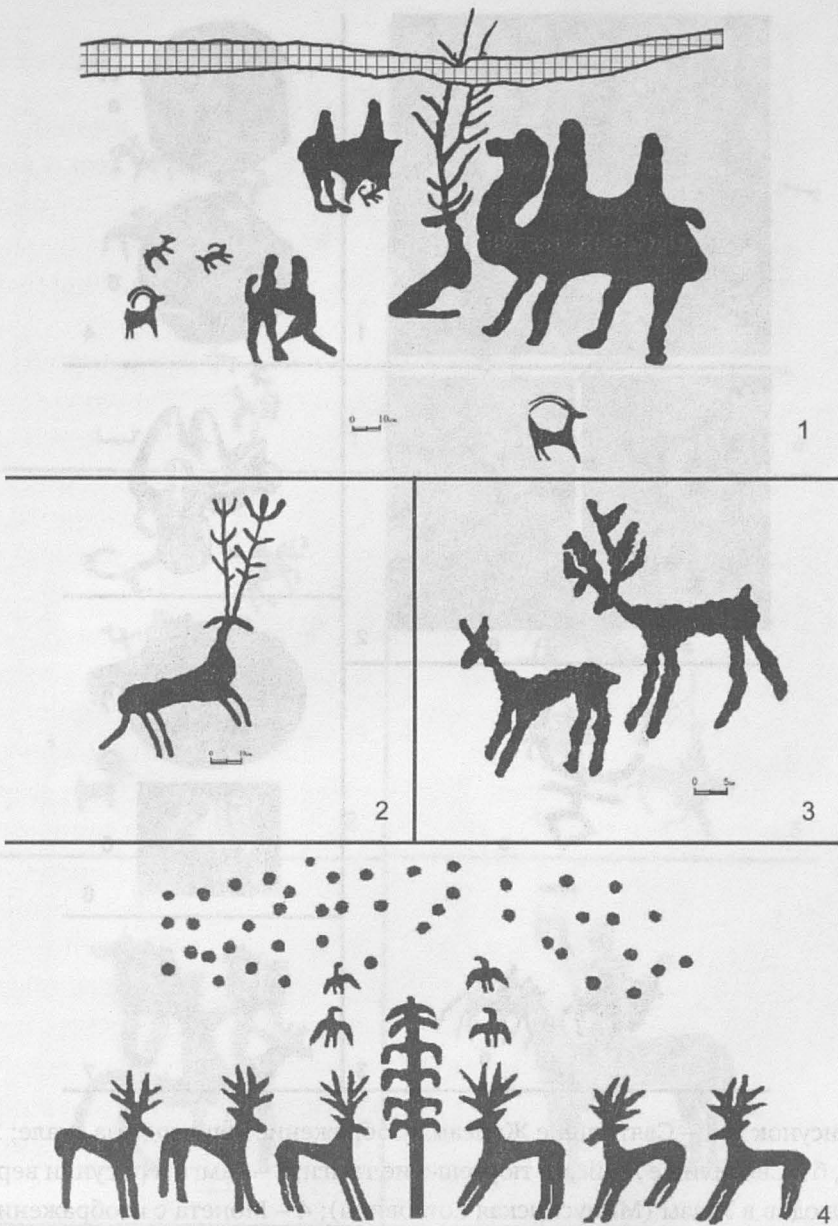

Рисунок 1. 1 – Унгури, сцена с изображениями верблюдов и оленя; 2 – Унгури, олень; 3 – Каскырсай, олени; 4 – Кобяково, курган 10, изображение на диадеме жрицы (Ростов-на-Дону).

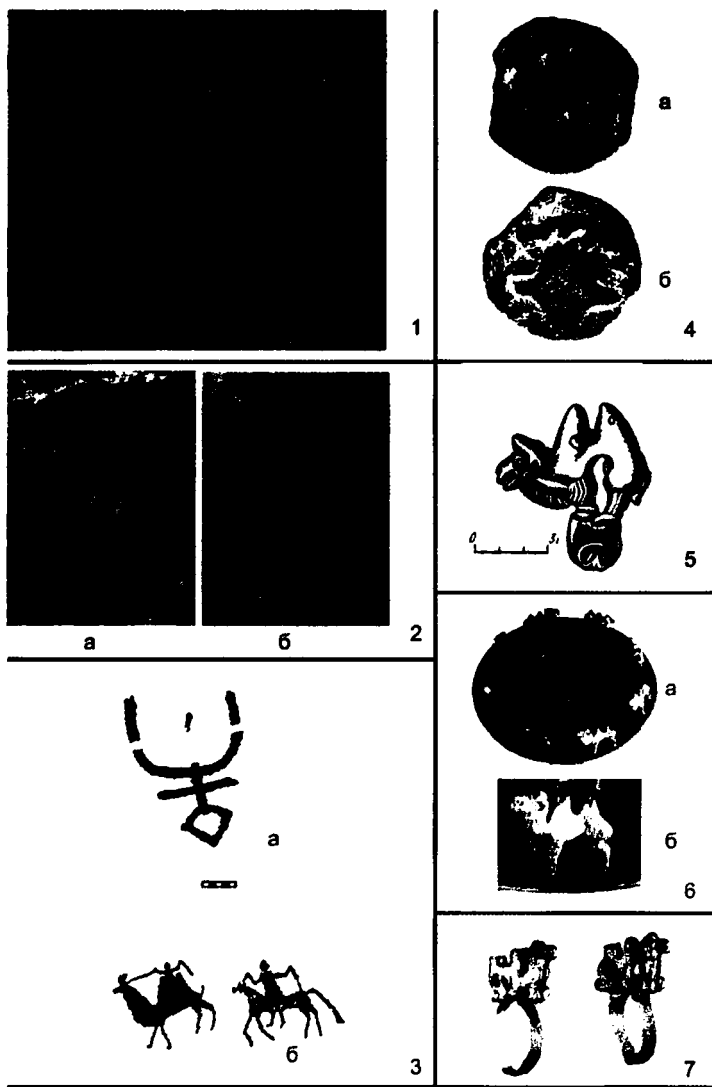

Рисунок 2. 1 – Святылище Жайсан, изображение верблюда на скале; 2 а, б – Святылище Жайсан, тюркешские тамги; 3 – Тамга и рисунки верблюдов в Улазы (Минусинская котловина); 4 – Монета с изображением верблюда и тюркешской тамгой; 5 – Металлическая пряжка (Западный Казахстан); 6 – Блюдо с фигурами верблюдов из Алматы; 7 – Золотые перстни из клада в Каргалы.

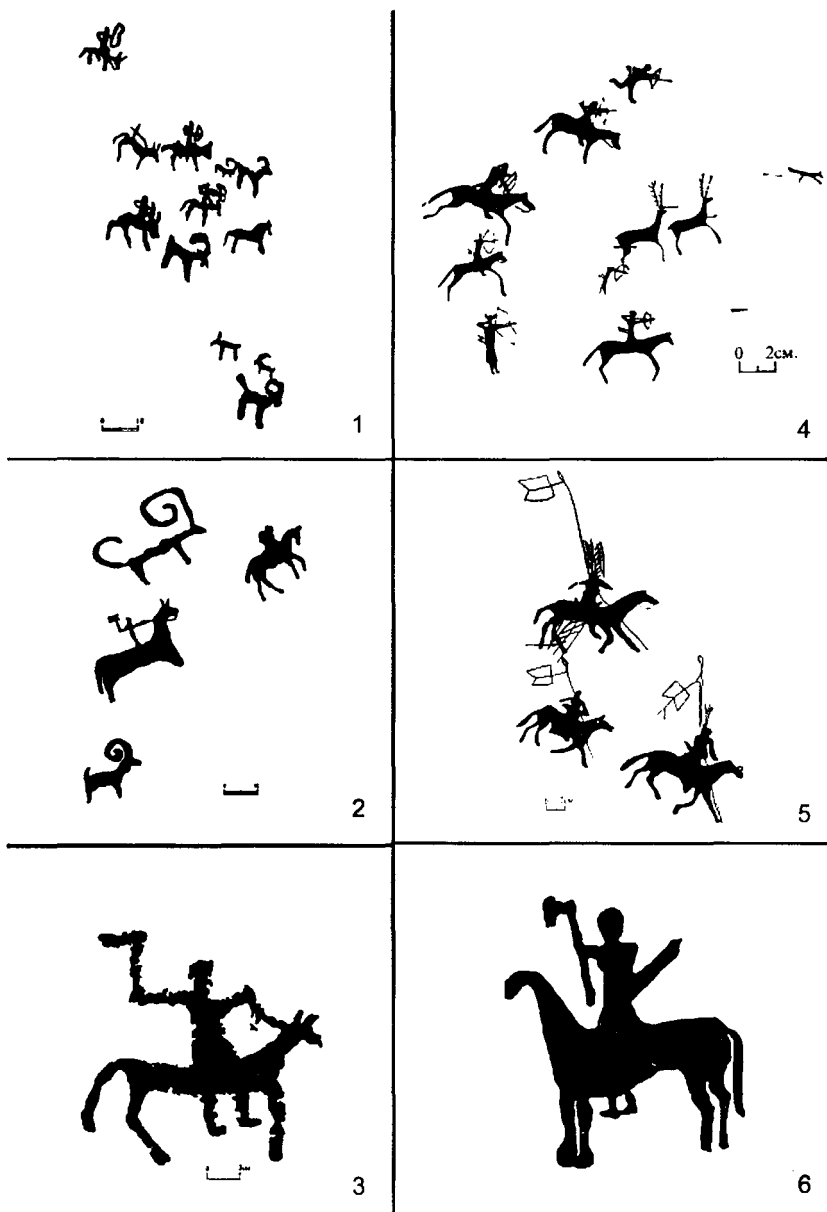
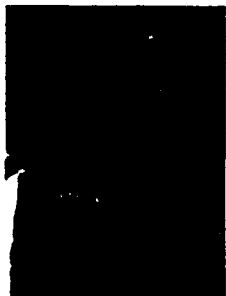

Рисунок 3. 1, 2, 3 – святилище Жайсан, петроглифы с рисунками всадников; 4, 5 – Тамгалы, изображения всадников; 6 – Западный Казахстан, рисунок всадника на кулпытасе Сейсем аты.

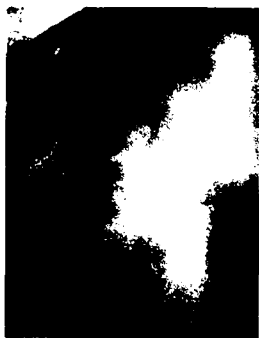

1

3

5

6

7

4

Рисунок 4. Образ всадника в монументальном искусстве Евразии.

1,2 - Святилище Жайсан; 3 – Мадарский конник. Болгария; 4 – Преславль, Болгария; 5-7 - Казахстан; 8 – Всадник и тамга народа он ок. Долина Кочкор, Кыргызстан.

Лекция 13. Традиционное искусство тюркских народов и связь его содержания с основами идеологии общества.

План лекции:

1. Вопросы взаимной связи традиционного культового искусства со средой обитания тюркских народов.
2. Связь культового искусства тюрков с основами идеологии общества.
3. Вопросы влияния основ идеологии общества на развитие и формирование картины тюркского мира.

Обучение методологии исследования с применением комплекса методов гуманитарной науки должно быть нацелено на получение конечного результата – использование данных по памятникам монументального искусства для исторической реконструкции развития идеологии тюркского общества в тот или иной период развития.

Комплексный анализ источников, представленный в многочисленных материалах тюркских святынь Мерке, Жайсан и Кумай расположенных на заповедной земле, занимающей площади в сотни тысяч гектаров свидетельствует о том, что они созданы племенами, основным занятием которых был кочевой образ жизни. Священные обитатели западных тюркских племен расположены не в замкнутых пространствах за стенами городов и поселений, а в ландшафте горной и предгорной степи. Весь спектр основных элементов и черт, характеризующих культурные особенности населения, создавшего и созидавшего на описываемом пространстве культовые объекты, предназначенные для совершения ритуалов поклонения высшим силам мироздания, окружающей

природе и духам обожествленных личностей, празднования общественно значимых событий, являют собой образцы культуры кочевых тюркских племен.

Письменные источники упоминают, что тюркские каганы традиционно владели благодатными кочевьями в долинах рек. Изначально, каган народа он ок будун/десяти стрел Истеми, встречавший иноземные посольства в Таразе и отправлявший своих послов в Иран, Византию, владел пастбищами которые были расположены в долине реки Или. Образ жизни кагана Истеми, описанный в источниках – это жизнь кочевника. Гостей каган принимает в шатре, а драгоценности, демонстрируемые послам, были выставлены на телегах. Структурные единицы культурного комплекса, нашедшие отражение в культовых объектах святилища Мерке подчинены общегосударственной идее единства Космоса и Земли тюрков - Тенгри и Жер-Су. Высокогорное, в высшей степени сакрализованное пространство, на высоте 3000-3500 тыс. м над уровнем моря, окруженное неприступными горами со всех сторон, представляло собой тюркский «Олимп» - местообитание богов. Именно высокогорные жайляу верховий реки Мерке (Мерке с персидского языка означает «Центр»), с множественными родниковыми источниками являлись местом проведения ритуалов поклонения верховным богам тюрков. Мерке – Мын булак. Многочисленные скульптуры обожествленных предков, среди которых большое количество женских статуй с одинаковыми сосудами в обеих руках, мужских и женских изваяний – символически наполненные святой водой - символом священной Жер-Су/Земли-Воды, по представлениям западных тюрков, принимали участие в священнодействии, посвященном обеспечению мира, благоденствия и стабильности в тюркском социуме. Описанной реконструкции способствуют все мельчайшие единицы

ритуала, нашедшие отражение в памятниках высокогорного святилища Мерке. Достижение стабильности в тюркском обществе, обеспечивалось, также, и в процессе ритуала погребения и поминовения первых лиц тюркского государства, которых хоронили в усыпальницах могильника социальной элиты Каракыстак 1.

В отличие от курганных сооружений с множественными скульптурами обожествленных личностей, нашедших отражение в культовых храмах святилища Мерке, каменные ритуальные сооружения святилищ Кумай и Жайсан, представленные прямоугольными оградами со статуями прародителей, облик которых передан другим набором структурных единиц, показывают, что основу содержания мемориалов составляет другая по своему идеологическому содержанию мифологическая концепция.

Обладающие священными символами (солнечными, небесными), восточные тюркские племена, переехавшие ранее с востока на земли Сары Арки (святилище Кумай) или вынужденные после крушения Второго Восточного Тюркского каганата поселиться на земле народа десяти стрел (святилище Жайсан), принимают идею о дуальном устройстве мира. В социальном аспекте принцип принятия основополагающих идей был узаконен установлением брачно-родственных отношений между кланами – представителями солнечной (восточной) и лунной (западной) фратрий, восточными и западными тюрками.

Исторические перемены, произошедшие в тюркской этнокультурной среде, незамедлительно сказались на содержании памятников традиционного культового, мемориального искусства. Переселившиеся на земли долины реки Шу, племена карлуков и огузов принесли с собой традицию создания культовых мемориалов своим божественным прародителям.

В процессе обживания территории Жетысу новыми тюркскими племенами, которые переселились с востока Центральной Азии, возникло и стало функционировать святилище Жайсан. Создавая храмы в центре священной земли западных тюрков, представители огузо-карлукской конфедерации племен сохранили верность родовой идее, основанной на представлениях о «четырёхстороннем» устройстве мира (ритуальные ограды) и неборожденности правителей народа (мужские статуи с символами воителя и жреца). Появление инноваций проявляется в том, что наряду с мужскими статуями, которые олицетворяли людей, при жизни обладавших небесным благословением, солнечным фарном (кут), на ритуальных оградах Жайсана начинают устанавливать скульптуры в честь женщин, представительниц коренного народа этой земли он оқ будун/народ десяти стрел. В символической форме, вновь стал функционировать исконно тюркский принцип, основанный на мировоззренческой идее дуального устройства государства. В социальном аспекте принцип выражался в идее соправления двух тюркских кланов, представителей солнечной, мужской фратрии, каганского рода ашина и лунной, женской катунской фратрии ашидэ, олицетворяющих вечный союз Неба со священной Землей тюрков.

В частицах ритуального поведения в мемориальном, культовом искусстве, нашедшем отражение в материалах памятников, принцип соправления тюркских кланов фиксируется в присутствии многочисленных парных знаков/символов Солнца и Луны, Земли и Неба. В памятниках святилища Жайсан, идея содружества восточных и западных тюркских племен нашла отражение в четырехугольных по форме оградах, но со статуями не только мужчин, но и женщин, наконечниках стрел, которые символизируют этническую

принадлежность народу десяти стрел. Наряду с солярными знаками, на скалах долины Жайсан высечены тамги в форме натянутых луков. Исчезновение коновязей символизирует о частичной утере социальных приоритетов, которых восточные тюрки были лишены на территории Западного Тюркского каганата. Присутствие среди мемориальных и культовых памятников восточных тюркских племен, символических маркеров традиционной культуры представителей племен он ок и тюргешей, характеризуют основные черты нового, синкретического по своему содержанию культурного комплекса, развитие которого на территории Казахстана берет начало во второй половине VIII века.

Широкий спектр источников, нашедший отражение в памятниках материальной культуры, выраженный в типах мемориальных конструкций и в составе инвентаря из захоронений позволяют их использование для исследования вопросов реконструкции идеологического комплекса. Сюжеты, иллюстрирующие мифологическое содержание памятников прикладного искусства, нашли отражение в целой серии памятников. В содержании образов различных мифических животных, в символической форме отображены идеальные представления о происхождении племен хунну, усуней и тюрков. Мифологические сюжеты, нашедшие отражение на предметах культового назначения и содержащие информацию о легендарном периоде жизни тюркских племен, дублируются циклом эпико-генеалогических преданий. Откликом описываемых сюжетов являются родовые тамги тюрков, сохранившие свои наименования до этнографического времени.

Процесс зарождения и формирования тюркского этноса отражен в мифологической части трех вариантов легенд о происхождении тюрков, действующими лицами которых,

кроме людей, выступают животные-тотемы, благодаря которым идет становление этносов: олень, волк, ворона. Функции этих животных в легендах различны, но каждый из них, в конечном счете, становится в ранг первопредка или божества, или “духа” – хранителя племени. Непосредственно, с образом волка-предка связаны представления о родовой пещере и вера в ее существовании была проведена самими тюрками. Согласно Чжоу–Шу, «каган тюрков каждый год ведет благородных людей к родовой пещере, чтобы предложить жертву и это утверждение повторяется во многих текстах. О проведении ежегодной церемонии жертвоприношения упоминается и в хронике Суй–Шу, где сообщается, что «каждый год западные тюрки посылают высокого сановника (или нескольких сановников) предложить жертву в родовой пещере».

Образы тотемных животных: оленей, волков, птиц, драконов повсеместно присутствуют в тюркском наскальном искусстве. Памятники наскального искусства, сопровождающие сакральные участки со скоплением мемориальных сооружений с изваяниями, в районах локализации святилищ Мерке и Жайсан способствуют реконструкции мировоззрения, и установлению взаимосвязи и взаимозависимости различных типов мемориальных памятников с контекстом мифологизированного мировосприятия тюркских народов. Свидетельства и факты использования в символике атрибутов тюркских каганов, знамен с изображениями золотой волчьей головы, что телохранители кагана назывались волками и реальное бытование ритуала призыва духа «первопредка», способом завывания по-волчьи являются свидетельствами мифологизированного мировосприятия тюрков. Описываемые представления тюрков нашли отражение

в многочисленных сведениях письменных источников и в различных памятниках материальной и духовной культуры.

Образы родовых тотемов, олицетворяющих землю и высокое синее небо, отражающие исторические сюжеты о происхождении тюрков тесно переплетены с легендами о чудесном спасении первопредка тюрков волчицей и вороном. Образы волчицы и ворона нашли отражение в прикладном искусстве и тамговой практике. Изображения птиц на головном уборе памятника Куль-тегину в Монголии, короне Бильге кагана являются отражением древнего мифологического сюжета, в котором они олицетворяют присутствие “небесного духа”, служившего в качестве оберега. В культовом искусстве средневековых тюрков образ птицы, изображенный на головных уборах и одежде социальной элиты, являются свидетельствами факта что люди, обладавшие властью и носившие короны с изображениями птиц, были держателями небесного фарна, что в тюркском языке обозначалось термином «кут».

Особую ценность представляет факт достоверности культурных параллелей между усуньским, гуннским и сарматским мирами, нашедшие отражение в близких по содержанию атрибутах культа. Сюжеты сходного по содержанию мифа, отображены в образах мистических персонажей – волкодракона на каргалинской диадеме и кобьяковской гривне, атрибутах культа из курганов Коктал, Боровое, Талгарского могильника и др. Широкое распространение сходных по содержанию культовых атрибутов в этнической среде древнего и средневекового населения Евразии является свидетельством их непосредственной связи с идеологией традиционного общества. Описываемый ряд символических атрибутов служил в качестве эталонных знаков, отражающих их связь с мифом о происхождении тюрков.

Продолжить тему родства культур позволяют и другие типы памятников, к числу которых относятся широко известные памятники монументального искусства. Стиль летящей птицы, изображенной на каргалинской диадеме, идентичен со стилем птицы в тюркском наскальном искусстве. Поза и сосуд в обеих руках сидящей персоны на кобьяковской гривне идентичны со стилем изображения статуарных образцов тюркского камнерезного искусства. Сосуды, изображаемые в обеих руках мужских и женских фигур, показанных в позе по-восточному, скрестив ноги, повсеместно распространены на территории Жетысу, на каменных статуях тюрков, среди монументов святилищ Жайсан и Мерке. Реальные золотые, серебряные и керамические образцы сосудов, прототипы которых изображены в руках тюркских каменных скульптур, открыты и изучены на территории Украины, Болгарии, Венгрии и других странах.

В контексте реконструкции мировоззрения тюрков, сходные по содержанию исторические предания «являются тюркской реализацией усуньского эпико-генеалогического материала ... и представляют ценность, как литературные памятники усуньской эпохи». Не случайно, что «иероглифическая этимология знаков у-сунь, означающая «потомки Ворона» и прилет птиц, похожих на ворон, записанная в китайской энциклопедии в разделе «Большой Ворон», означавшая нашествие тюрков являются свидетельствами единства истоков идеологических представлений описываемых тюркских этносов. Символом каганов западных тюрков из племени ашина являлась Золотая птица. Китайские письменные источники свидетельствуют, что тюрки подарили скульптуру золотой птицы императору династии Тан. Золотая, нашивная пластина из кургана 1 могильника Каракыстак 1 с изображением птицы в геральдической позе, стилистически

идентичная с изображением птицы на головном уборе скульптурного изображения Культегина представляет собой иллюстрацию к мифу о Золотой птице Дули/Красный Ворон, которая являлась олицетворением солнца.

Большое количество каменных скульптур, петроглифов, родовых тамг средневековых тюркских кочевников Центральной Азии непосредственно взаимосвязаны с циклом погребального, поминального ритуала и другими сторонами жизненной деятельности общества кочевников. Все захоронения тюрков сопровождаются ритуальными конструкциями, большая часть которых содержит каменные статуи обожествленных великих личностей, служивших на благо отечества. Исследования на территории казахской степи показали, что в содержании памятников, сопровождающихся ритуальными конструкциями со статуарными образцами, совместно с погребальными конструкциями представлен единый по содержанию мировоззренческий комплекс средневековых народов, отражающий ментальную идею, вобравшую в себя весь круг представлений связанный с картиной тюркского мира и воплощенный в памятниках материальной культуры.

Использованная литература:

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Ленинград, Наука, 1971. – 403 с.
2. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
3. Досымбаева А. М. О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации

- пространства //Казахская цивилизация. – Алматы, 2007. – №2. – С. 55-61.
4. Досымбаева А. М. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии //Государственность и Великая Степь. Материалы международной научной конференции. – Астана, 2006. – Kultegin. – С. 63-74.
  5. Зуев Ю. А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – Дайк-Пресс. – 332 с.
  6. Golden Peter. D. Religion among the Qipchaqs of the medieval Eurasia //Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. – Newark, 42(1998) 2. – P. 180-237.
  7. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
  8. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа / РАН ИА – М.: Наука, 2005. – 299 с.

Лекция 14. Тамги – маркеры этнической культуры и символы Тюркского государства.

План лекции:

1. Тамги – символы власти и знаки собственности.
2. Вопросы взаимной связи тамг с другими формами культурного наследия.
3. Отражение мировоззренческих основ общества в формах тамг и вопросы преемственности традиционных ценностей тюрков и казахов.

Составной частью наследия тюркских народов являются тамги – родовые знаки/символы, формальные признаки которых отражают исторически сложившиеся идеальные представления общества о происхождении тех или иных родов. Следовательно, изучение материалов тюркской сфрагистики должно быть направлено на формирование знаний о историческом значении символических маркеров этнической культуры тюркских народов. Изучение родовых тамг необходимо проводить с первичных аутентичных источников, с использованием метода сравнительного анализа с другими типами памятников. В процессе преподавания и обучения убедительным для доступного понимания явится использование наглядных иллюстраций в форме фотографий, рисунков, таблиц, позволяющих демонстрировать сам объект изучения и его смысловое содержание. Методы анализа пространственной локализации и хронологии знаковой системы в тюркской этнокультурной среде необходимо произвести с точки зрения ее взаимной связи с идеологией общества.

Результаты анализа тюркских тамг, выбитых на тех же скальных полотнах, что и петроглифы, свидетельствуют

о внутренней взаимосвязи различных видов исторических источников. Отдельные типы родовых тамг, которые выбиты на скалах святилища Жайсан дублируются аналогичными тамгами на стелах, изваяниях и тамговыми подвесками, изображенных на груди тюркских статуй. Аналогии родовым тамгам тюрков присутствуют на денежном чекане периода функционирования Западного Тюркского каганата и в последующие периоды исторического развития на предметах различного назначения. На монетах VII-VIII вв, совместно с тамгами встречаются и изображения животных, выполненные в стиле, весьма сходном с манерой изображения фигур животных в наскальном искусстве.

Тамги в составе памятников святилища Жайсан зафиксированы на стеле, изваяниях, на скалах и совместно с петроглифами. Взаимная встречаемость родовых тамг на разных типах памятников, оказывается весьма полезной для решения вопросов их этнокультурной интерпретации. Родовые тамги, отображенные на скалах святилища Жайсан, служили и в качестве “знаков собственности определенного клана, на отдельные ценные вещи, скот и угожья...”, “причастности человека или группы родственников к определенной акции: в процессе проведения обрядов, при заключении разного рода договоров, связанных с произнесением клятв, религиозных церемониях”. Тамги предназначались и для внешнего предъявления. Представляет интерес функциональное назначение тамги, которой маркировали «культовые объекты и она же являлась эпитафийным компонентом», а также выступала в качестве заменителя имени носителя или его подписи. Тамги, высеченные на скалах Жайсана и имеющие, сходные по типу аналоги на тюркских монетах, свидетельствуют о правомерности вывода В. Я. Бутанаева, что «тамга была связана с понятием власти».

Оригинальной формы символы, представляющие собой дуговидные по форме, с загнутыми вверх краями были выбиты на скалах урочищ Унгурли, Теректы рядом с петроглифами (рисунок 1, 5). На территории Кыргызстана, такие тамги открыты в нескольких местах, на одних полотнах со средневековыми наскальными рисунками и тюркскими руническими надписями (рисунок 1, 6, 7). Согласно переводу, повторяющихся текстов рунических надписей с территории Внутреннего Тянь-Шаня, сопровождаемых одним и тем же типом тамги стало возможным установить этнокультурную принадлежность знака племенам *он оқ будун/народа десяти стрел*.

Описываемой формы тамга, только в зеркальном положении, а также с дополнительной черточкой или же, овальной формы выпуклостью внутри дуги неоднократно встречается на монетах с надписью, с указанием наследственных тюркских титулов «каган», «тегин», «эльтебер», в нумизматических коллекциях оазиса Шаша (рисунок 1, 8). Согласно анализу нумизматического материала из Шаша, установлено что «в VII-VIII вв в Чачском оазисе, была главенствующая династия правителей с титулом *тегин*, происхождение которой связано или с родом Ашина, основавшим Тюркский каганат, или же с одним из родов племенного объединения западных тюрков *Он Ок*».

Существует мнение что памятники рунической письменности из Кочкорской долины относятся «к периоду правления тюргешей, т.е. к VIII в. н.э.». Сравнительный анализ новых памятников из Кочкорской долины, с уже известными, таласскими надписями позволил С.Г. Кляшторному отметить, что различия первых от вторых, кроются в их функциональном назначении и вновь открытые рунические надписи «являются своего рода памятниками обычного права

кочевников». Право пользования определенной территорией, которая в Кочкорских надписях названа Ярыш закреплена одним и тем же типом тамги, сопровождающей описываемые надписи и близкой по форме, с дуговидной тамгой из Жайсана. Исследователь приводит текст донесения разведчика, что «на равнине Ярыш собрались десять туменов войска тюргешей» накануне военной кампании к которой готовится Тоньюкук. В традиционном праве тюркских племен маркировка заповедных земель надписями, тамгами, наскальными рисунками, представляла собой одну из форм нормирования права на владение землей и тамги на скалах Жайсана, являются тому свидетельством. В казахской этнографической традиции, держателями сходной по форме тамги, являются представители рода *каракесек*.

В пределах различных групп памятников святилища Жайсан, на скалах урочищ Унгурли, Каскырсай. Жидели сай выявлено множество родовых тамг. Как правило, тамги выбиты на скалах, которые имеют пустынный нагар, и обращены на восток, юго-восток и юг. Тамги в форме ромбовидных подвесок, выбитых на скалах, зафиксированы в трех случаях. Среди скоплений наскальных рисунков в местности Каскырсай, на одной плите, рядом с ромбовидной тамгой, высечена тамга округлой формы. Обе тамги, ромбовидная тамга и круглая по форме, показаны на подвесках. Тамги выбиты на одной плоскости, в непосредственной близости друг от друга и степень патинизированности рисунков, обеих тамг одинакова, что позволяет судить о хронологической близости времени создания рисунков. На скальном участке этого же урочища, в 0,5 км к юго-западу от основного скопления наскальных рисунков расположена третья тамга ромбовидной формы, изображенная, также на овальных линиях подвески.

с отходящими от них, короткими горизонтальными черточками.

Аналогичные по форме подвески, в качестве амулетов изображены на изваяниях святилища Жайсан, в группе памятников Теректы 1 и 2, на изваянии 3, ритуальной конструкции памятника Аламан 3 (рисунок 2, 2, 5). Ромбовидные амулеты, известны в литературе по тюркским статуям Жетысу/Семиречья. Помимо функции украшения, он мог выражать и сакральный характер знака, служившего в качестве оберега. Ромбовидной формы амулет, изображенный на груди скульптуры, показанной в «трехрогом» головном уборе из местности Кегеты (рисунок 2, 3), в долине реки Шу/Чу позволяет подтвердить предположение о сакральном характере знаков в форме ромбов, которые в виде тамг и амулетов изображались тюрками на статуях и скалах. На денежном чекане VII – VIII вв. в Шашском оазисе, ромбовидные знаки на подвесках сопровождают монеты с изображениями верблюда на аверсе номинала и надписью на согдийском языке «Благодатный божественный каган» на реверсе (рисунок 1, 8).

На одной из сцен, зафиксированной в местности Улазы (Минусинская котловина), рядом с рисунками всадников на верблюде и лошади, изображены тамги. Ромбовидная по форме тамга, высеченная на одной плоскости с изображениями всадников на верблюде и лошади, на сцене из Улазы имеет сходство с тамгами святилища Жайсан (рисунок 2, 1). Особенностью тамги из Улазы, в отличие от тех, которые изображались на изваяниях и скалах святилища Жайсан является сплошная, дополнительная черточка, изображенная между ромбом и подвеской.

С территории Жетысу и Южного Казахстана происходят монеты с изображением двугорбого верблюда на аверсе

монеты и ромбовидной тамги на ее реверсе, совместно с надписью на согдийском языке «Благодатный божественный каган». По мнению Р. З. Бурнашевой, с середины 30-х гг. VIII в, в Отрарском оазисе имели хождение монеты с тамговым знаком тюргешей, в форме ромба на подвеске. Функциональное использование образа верблюда, совместно с ромбовидной тамгой на монетном чекане VII-VIII вв свидетельствует об его использовании в качестве эталонного, денежного мерила тюркского государства.

Анализ описываемого вида тамг, основу которых составляют треугольники, ромбы или кружочки с дополнительными черточками, позволяет прийти к выводу, что в их содержании заложен глубокий смысл (рисунок 2, 1, 4). В описываемом контексте становится понятным символическое назначение знаков и вероятное использование их в качестве подвесок-оберегов или амулетов. Присутствие аналогичных тамг на денежном чекане из Шаша и Восточного Туркестана (рисунок 1, 8; 2, 6) свидетельствует, что сфера использования описываемых знаков на линиях подвесок, выходила за рамки обычных представлений о культовой обрядности тюркского ритуала.

Правила регламентации обычного права номадов, выраженные в маркировке сакральных земель святилища, позволяет подтвердить мысль о неразрывности и единстве основных, ценностных эталонов традиционного общества тюркских кочевников.

В свете анализа содержания ромбовидных, округлых тамг с подвесками, в форме амулетов, изображенных на скалах, статуях, монетах, одним из объяснений, может послужить известный сюжет о чудодейственных камнях, которыми обладали тюрки. В одном из вариантов легенд о происхождении огузов, Табари пишет, что «камень висел на шее...»

и «причиной вражды между тюрками и детьми Яфеса ... был тот камушек и нечестность Гуза (Огуза, правнука Яфеса), который обманным путем завладел камнем». По одной из версии, описанной в письменных источниках, поводом для вражды между тюркскими племенами, явился спор за обладание чудодейственным камнем, ассоциируемым с родной землей. В таком контексте, обладание камнем с магическими свойствами, могло отражать право на обладание, священной землей тюрков, что и явилось причиной вражды, между тюркскими племенами. Тамга в форме ромба, непременно изображаемая на подвеске, в традиционном мировосприятии являлась символом земли тюркской и ее присутствие на монетах тюргешей, соответствовало содержанию описываемого символа.

Вероятно, в смысловое содержание изображений в форме ромбовидных подвесок, используемых также и в качестве знаков/символов на денежных номиналах тюркского государства, хранится информация, указывающая на действующего обладателя земли тюркской. В казахской этнографии, до современности сохранилась традиция ношения тумара – оберега, напоминающего ромбовидную или треугольную по форме тамгу. Тамгой казахских родов шапрашты и ошакты также является тумар. В смысле функционального назначения, ромбовидные тамги - обереги, высеченные на скалах, служили для маркировки границы сакральной зоны святилища Жайсан. С другой стороны, присутствие описываемой формы тамги на тюркских монетах Южного Казахстана, Шашского оазиса VII – VIII вв, позволяет выделить такие знаки в разряд этнокультурных эталонов определенной эпохи развития тюркских народов, центральные владения которых были расположены в бассейне долины реки Шу.

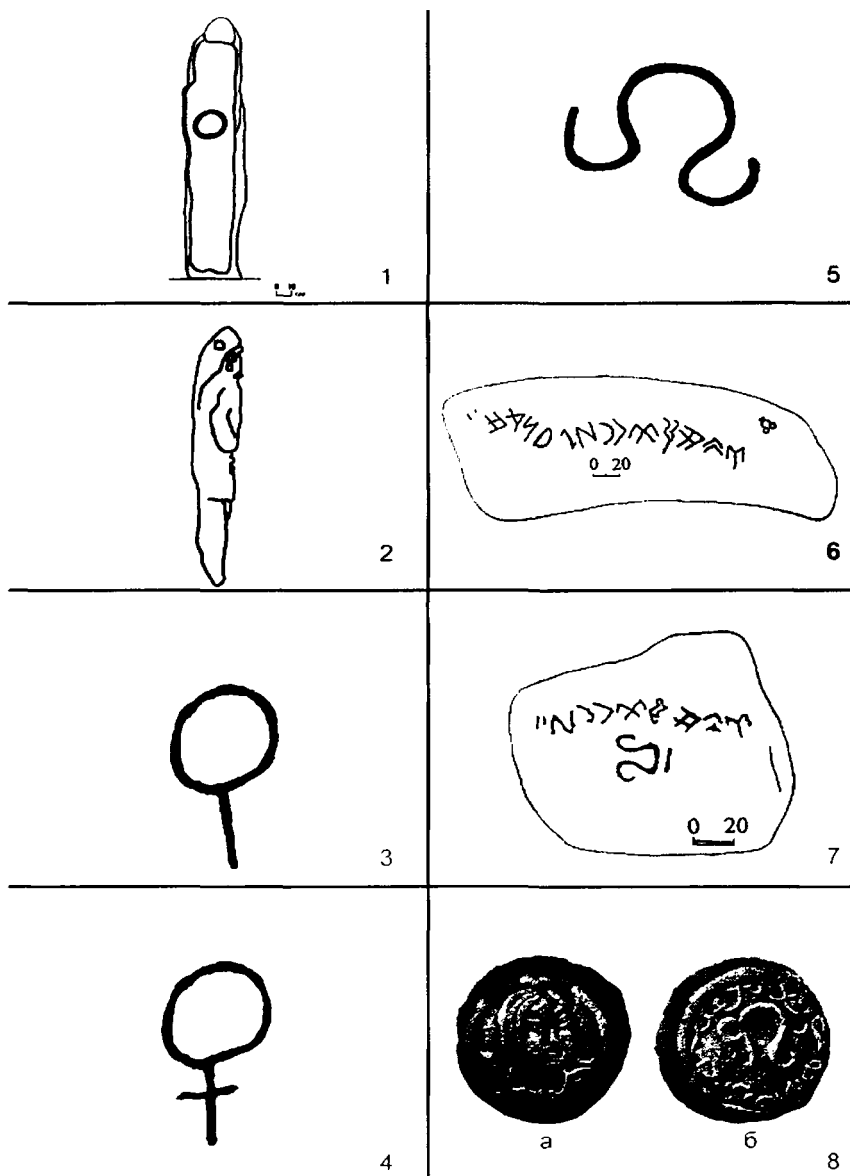

Рисунок 1. 1- Жайсан 6, тамга на стеле; 2 – Жайсан 14, тамга, изображенная на голове статуи; 3 - 5 – святилище Жайсан, тамги на скалах; 6 – 7 – Внутренний Тянь-шань, тамги, руника; 8 – тамга на тюркской монете из Ташкентского оазиса.

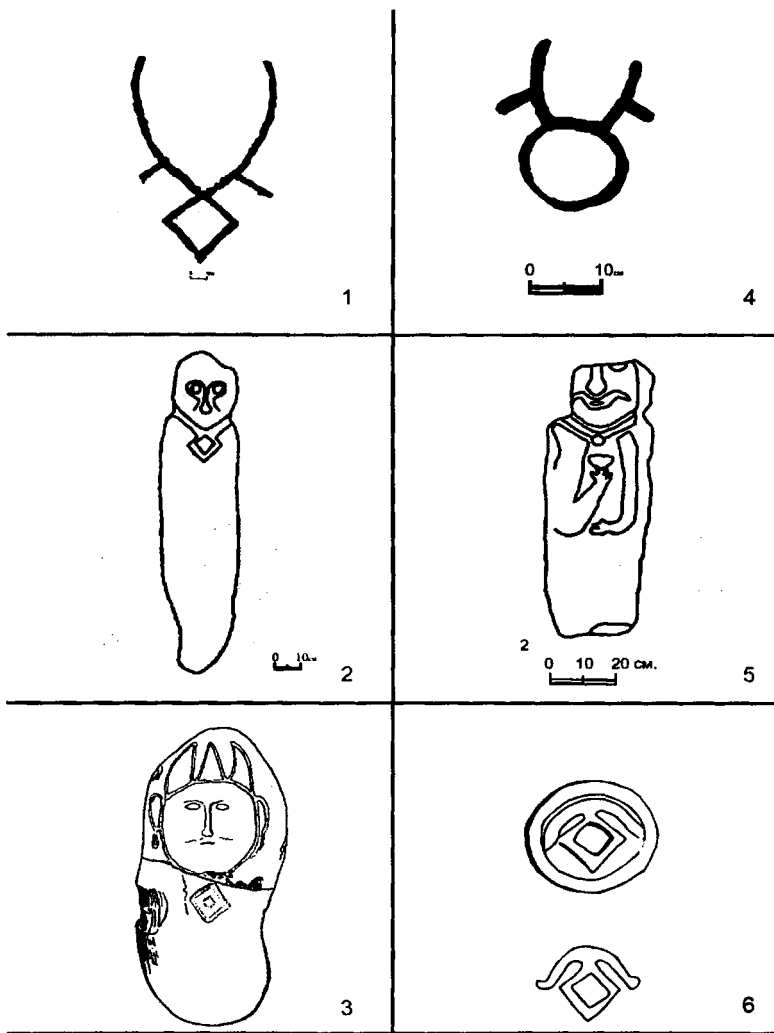

Рисунок 2. 1, 4 – Святилище Жайсан, тамги; 2, 5 - Святилище Жайсан, изваяния с тамговыми подвесками на груди статуй; 3 – Ромбовидная тамга на изваянии из Кегеты, Кыргызстан; 6 – Восточный Туркестан, монета с тамгой тюркшей.

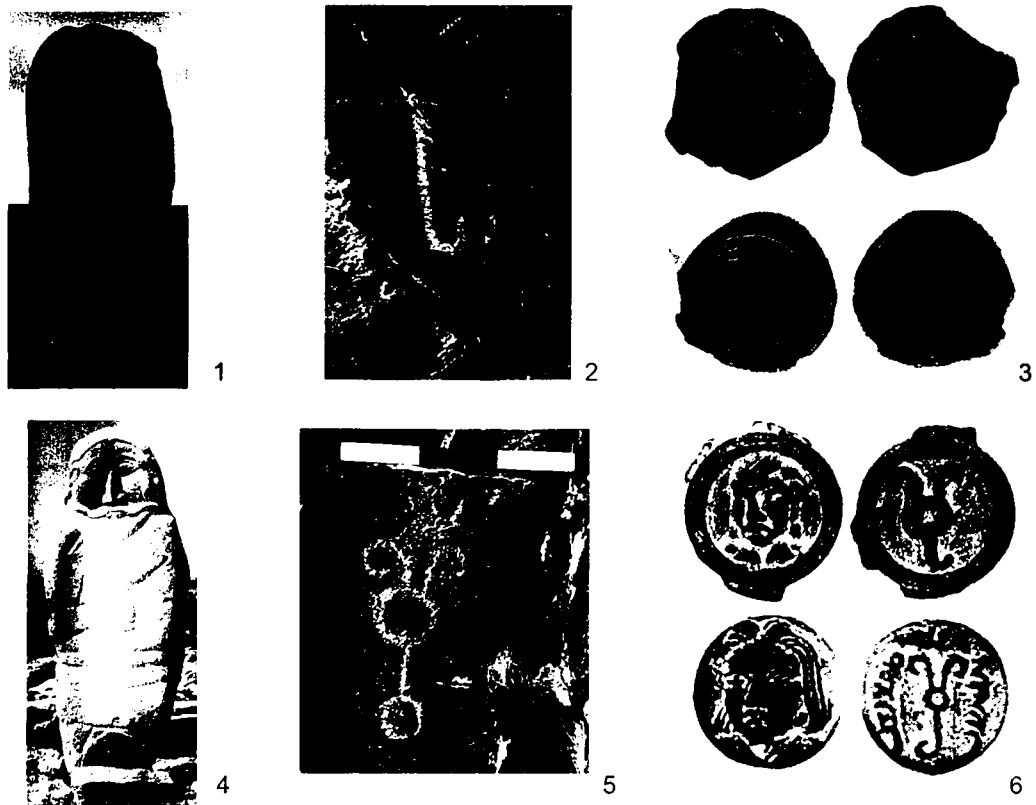

Рисунок 3. Этнокультурная интерпретация тюркских тамг. 1 – Статуя жреца в «трехрогом» головном уборе. Жайсан; 2 – Тамги тюркских родов. Жайсан; 3 – Портреты пары правителей кагана и катун в трехрогом головном уборе; 4 – Облик кагана. Жайсан 14; 5 – Тамга самаркандского кагана. Святилище Жайсан; 6 – Монеты самаркандских правителей.

Тамга оригинальной формы, в виде двух кругов соединенных между собой вертикальной линией и с двумя полу дугами на верхнем круге на скале урочища Унгурли, высечена рядом с петроглифами (рисунок 3, 5). Возможно, не случайно, что статуя кагана на памятнике Жайсан 14 находится недалеко от места расположения описываемого знака. Согласно мнению специалистов такой формы знаки сопровождают монеты самаркандского кагана (рисунок 3, 6).

Следующий сюжет связан с тамгами, которые изображены на мужской статуе комплекса Жайсан 14 и на стеле ограды Жайсан 6. Типологически формы знаков идентичны – это тамга в виде круга. В первом случае, знак в форме круга, нанесен на северную боковую грань стелы на мемориале Жайсан 6 (рисунок 1, 1). Такая же тамга, нанесена на правую затылочную сторону головы статуи 1, на Жайсан 14 (рисунок 1, 2). Семантика описываемого знака, несомненно, взаимосвязана с солнечным культом. Для понимания содержания такого знака, весьма плодотворным, может оказаться сопоставление тамг, в форме круга с родовым знаком племени Старшего Жуза – Дулатов (рисунок 1, 3). Сами дулаты называют свою тамгу в двух вариантах: Донгелек – круг (на каз. яз.). Но, в народной традиции есть выражение “Күн таңбалы Дулат”, означающее “дулаты с солнечной тамгой”. И по сегодняшней день, подразделение племени Дулат – Ботбай занимают родовые земли в описываемых местах и до этнографической современности, они выбивали тамги, основу которой составляет изображение круга на тех же скалах, на территории локализации святилища Жайсан (рисунок 1, 4). Целая серия близких по форме родовых тамг, с различными вариациями дополнительных черточек в круге или на древке, получили распространение на территории долины реки Талас, в предгорьях Каратау.

Тамгу, в основе которой изображен круг, можно идентифицировать с родовым знаком усуней. В устной традиции, казахи Старшего Жуза считают себя потомками усуней, а старшая орда, в некоторых источниках называется как усуньская, причем в том же ареале обитания, что и сейчас. В контексте анализа тамг племен Старшего Жуза, обращает внимание, что основу знака составляет круг, символизирующий собой солнечный культ.

Круг, с различными вариациями, как основа тамги, присутствует у племени Албан (күн таңба/солнечная тамга), Қанглы (күн таңба/солнечная тамга), Суан (күн таңба/солнечная тамга), Сары үйсін (Абақ, Шөмиш), Дулат (Абақ, Дөңгелек) - Сиқым (күн таңба/солнечная тамга), Жаныс (күн таңба/солнечная тамга), Ботпай (күн таңба/солнечная тамга) (слово «күн» с каз. яз. значит солнце). Среди племен младшего жуза, круг составляют основу тамги рода кердери, рода ромадан, генеалогия которого имеет очень древние корни и представителей рода табын. Исследователи отмечают, что уран, боевой клич у ромаданов - «дулат» и сходство родовых знаков свидетельствуют, что все названные выше рода происходили из Старшего жуза.

В единичном экземпляре зафиксирована тамга, изображенная в форме креста, но с изогнутыми концами перекрещивающихся линий. В киргизской этнографической традиции, аналогичной формы тамги отмечены у родов адигине, баргы, мунгуш и носят название *жагалмай* тамга. Выше было отмечено, что «тамга жагалмай (жагалмай – название птицы) ... называлась «борю тамгасы» (тамга волка). Сходные по форме тамги встречаются у скотоводов Урянхая, под наименованием княжеских тамг «в виде четырехконечного крестика с концами, загнутыми под прямым углом в правую сторону, изображавшие птицу счастья... ». Исследователи

обращают внимание на тотемное происхождение тамги, в форме священной птицы, которая согласно поверьям спасла предка хакасов и дала роду имя беркута и приводят сведения, что орлиной тамгой клеймили лошадей. Похожие по форме тамги присутствуют на аверсе тюркских монет, рядом с изображением портрета правителя. Реверс монет содержит тамгу, в форме «вилообразного» знака и легенды на согдийском языке «Желтая монета Чачского правителя». Следует подчеркнуть, что стиль передачи портретного образа правителей на монетах идентичен со стилем, в котором изображены тюрки на каменных скульптурах тюркской эпохи Центральной Азии и на статуях святилища Жайсан.

Среди скоплений наскальных рисунков в урочище Жидели сай, в группе 2 выявлена тамга, в виде горизонтальной линии, с левого конца которой, в сторону отходят две вертикальные полудуги, напоминающие форму натянутого в левую сторону лука со стрелой. В группе 3, на скалах с южной экспозицией выбита тамга, похожая на латинскую букву L (рисунок 3, 2). Описываемая тамга обнаружена в двух случаях. В группе 4 обнаружена тамга в виде горизонтальной линии, на правой стороне которой, в сторону, отходят две вертикальные полудуги. Такие тамги напоминают форму, натянутого в правую сторону лука. В группе 3, на скалах среди петроглифов, выбита тамга, в виде вертикальной линии, с округлой формы навершием и чуть поднятыми кверху отростками.

Тамги “в виде натянутого лука, символа нарождающейся луны, изображены на монетах и такой же формы тамги, были распространены у киргизских племен азык и бугу (“бык”) - жаа-тамга /“лук-тамга”. По сведениям В.Я. Бутанаева, «тамга в виде лука и стрелы, ведущая свое начало от енисейских кыргызов ... относится к княжеским тамгам,

сохранившимся на территории Хакасии, на официальных документах XVIII – XIX вв, вплоть до современности. Тамги, в форме стрел являются одним из распространенных типов тамги, которые встречаются на стелах и кулпытасах Западного Казахстана. В тамговой практике казахских родов, тамга описываемой формы сохранилась у рода адай. По данным исследований В. В. Вострова и М. С. Муканова, историческая проекция рода адай, может быть проведена «от тех *даев* которые обитают за Меотидою». Под тем же наименованием они впоследствии входят в племенное объединение Западного Тюркского каганата и в союз огузских племен, а с IX-X веков обитают на Мангышлаке.

Тамги, в форме параллельно расположенных полудуг, с отростком в форме круга на одном из них, высечены на стенке ограды 1 на памятнике Косбатыр в Ерейментауском районе Акмолинской области. Маркировка сакральных земель, статуй и монет родовыми тамгами, в традиционной практике тюркских племен, соответствуя требованиям традиционного мировоззрения, означала действенность акта нормирования на государственном уровне. Описываемая практика соответствовала обычному праву кочевников и выставлялась на вид, для внешнего предьявления.

Использованная литература:

1. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв.н.э.) – Ташкент. Изд-во. Национальной библиотеки им. Алишера Навои. 2007 г. – 119 с.
2. Бурнашева Р.З., Юсупова С.М. Монетные находки с городища Костобе (Жамбылская область) //Известия НАН РК. Серия обществ. Науку. – Алматы, 1993. №5. – С. 75-80.

3. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгоря // Хакасский государственный Университет. – Абакан, 2004. – С. 279.
4. Леонтьев Н. В. , Миклашевич Е. А. , Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства на севере Минусинской котловины //Археология Южной Сибири. Кемеровский гос. университет – Кемерово, 2005. – вып. 23. – С.120-132.
6. Табалдиев К. Ш. , Солтобаев О. А. Рунические надписи Кочкорской долины //Известия НАН КР. – Бишкек, 2001. №1-2. – С. 73-75.
7. Тасмагамбетов И. Н. Кулпытас. Астана: Берел, 2001. – 392 с.

Лекция 15. Тюрки – представители и носители цивилизации.

План лекции:

1. Некоторые вопросы истории создания городской культуры на территории Казахстана.
2. Результаты изучения крепости тюркского кагана в контексте развития тюркской цивилизации.

В недалеком, еще незабытом прошлом, сознание людей неготовое к восприятию реальных истин, было готово впитывать любую информацию как факт. Неразумная скудость ума, основанная на лжи, нанизываясь на единую ниточку полу знаний, сложилась как будто бы в единую концепцию отсутствия родины у многих народов, бывшего СССР (Союза Советских Социалистических республик). Согласно идее создания новой искусственной советской нации, ни у кого из народов СССР не должно было быть подлинной истории и никто не должен был знать о своих истоках и корнях. Так судьба распорядилась и с казахами, которые исконно, на протяжении тысячелетий жили и созидали на своей земле, создав отечество, принося клятвенную присягу верности ей на воде, оберегали ее священные границы.

В искусственной схеме советской науки этногенез тюркских народов Туркестана был так прост, что преподносился таким образом: кочевники все время мигрировали с востока на запад в поисках воды и пастбищ, потому что они были «варварами» и средства на жизнь добывали грабежом. Данные многочисленных письменных источников или игнорировались или же к ним подходили избирательно, факты отсеивались. Нонсенс заключался в том, что результатом такого

подхода стало полное несоответствие данных различных видов источников: археологических, сведений письменных, содержания самой письменности тюркских народов. А государство? Наличие его отрицалось вовсе. Из этого тихого омута безрассудства и черпают дилетанты грязную воду для своих неразумных спичей.

Вызывает недоразумение, к примеру, ярлык «согдийская колонизация Семиречья», не определенный и не подтвержденный по сей день. Основанный лишь на данных одного факта – письма торговцев из Бухары к тюркскому кагану о непосильном гнете, который они испытывают от хана Абряя, наместника верховного кагана в Бухаре и с просьбой выделить земли на стороне. Далее в сюжете описано, что верховный каган действительно выделил им земли недалеко от Тараза и купцы построили там город. В письменных источниках есть немало известий о роли согдийского населения в тюркской этнокультурной среде и что население города Тараз одинаково пользовались как тюркским, так и согдийским языками (к примеру, также как сегодня казахи одинаково пользуются родным, казахским и русским языками). Изучено немало текстов написанных на согдийском языке, но есть и тексты написанные на тюрки. Есть данные об одинаковом использовании двух языков. Послания передавались языком тюрков, но согдийским алфавитом и наоборот.

Сегодня уже известно, что на земле Казахстана в эпоху средневековья функционировало более 200 городов. Статистики поселений, отдельных строений элиты в форме замков не произведено. Закономерно возникает вопрос: так сколько же согдийцев должно было переселиться на земли Казахстана, чтобы построить такое количество городов и поселений? И если согдийское население, как считают специалисты, представляет собой предков иранских народов, то почему

их этническая география прямо противоположна обширной карте расселения тюркских народов?

Так как же было в реальной действительности?

Тюрки ашина вышли на мировую арену с четким определением этноса как мастеров по производству железа и обработки металлов: плавильщики железа. По сведениям Меландра, во время прибытия первого посольства из Византии, в городе Тараз тюрками была организована своеобразная выставка достижений. Среди множества богатств, выставленных напоказ: многочисленные стада животных, кожевенные и войлочные изделия, ювелирные украшения, предметы вооружения, находились образцы железистой руды и слитки железа. Последнее могло свидетельствовать о наличии местного сырья и развитом производстве изделий из железа, т.е. черной металлургии.

Обладатели сырьевых запасов, хорошо были знакомы и со строительной архитектурой и сами создавали свои города, поселения, о чем свидетельствует разветвленная сеть населенных пунктов, расположенных вдоль караванных дорог, связывающих Тюркский каганат с мировыми державами эпохи. Многочисленные сообщения о систематических прибытиях иранских, византийских посольств, миссионеров из Китая, Индии, Европы в экономическую столицу Западного Тюркского каганата город Тараз, к тюркскому кагану (не согдийскому) - яркие свидетельства экономической мощи государства и политической состоятельности правителей.

В контексте исторического развития культуры средневековых тюркских народов, во времени и в пространстве Центральной Азии, база данных, состоящая из комплекса источников, позволяет всесторонне научно аргументировать процесс развития и становления государственности тюрков на территории казахской степи. Результаты анализа

комплекса исторических источников, материалов культовых памятников, антропологических, этнографических, эпиграфических данных, нумизматического материала, данных сфрагистики и других позволяют выявить основные, характерные черты развития этнической культуры средневековых тюркских народов и ее последовательное развитие в пространстве Средней Азии, Северного Кавказа, Восточной Европы.

На территории разных регионов Казахстана, в зависимости от условий естественной географической среды, получало развитие то или иное направление хозяйственной деятельности. Исследования на территории предгорий Каратау показали, что традиции создания стационарных поселений в казахской этнокультурной среде имеют непосредственную связь с таковыми более ранних периодов развития и тюркской эпохи, в том числе. Все казахские поселения, сопровождавшиеся сетью ирригационных сооружений в форме «арыков и земель, подвергавшихся обработке» свидетельствуют о комплексном характере экономики и развитии, наряду со скотоводством и земледелия.

Источники свидетельствуют о развитой системе водоснабжения и что «ирригация как метод искусственного увлажнения земель, возникла на территории Южного Казахстана в середине I тыс. до н.э. По мнению В. Грошева одним из «больших районов орошаемого земледелия в древности и средневековье является юго-западное Семиречье, Таласская и Чуйская долины, расположенные на стыке земледельческих оазисов и кочевой степи». Отмечая географические особенности территорий долин рек Чу и Талас, берущих начало в горах Киргизского Алатау, исследователи замечают, что в водоснабжении населения края, немаловажную роль играли источники родникового происхождения, вокруг

которых формировался своеобразный тип ведения хозяйствования с развитой сетью оросительных сооружений.

В результате исследований, по изучению тюркского наследия в районе локализации культового мемориального комплекса Жайсан, было зафиксировано, что все пригодные к обитанию места, с водными источниками заняты остатками поселений, небольшими по площади участками для возделывания огородных культур, с развитой системой арыков и других ирригационных коммуникаций.

В целом, результаты комплексного анализа проблемы о вкладе тюрков в мир ценностей культурных достижений населения Центральной Азии и Евразии свидетельствуют, что экономика тюркского населения Жетысу, Чу-Таласской долины, в том числе характеризовалась комплексной формой хозяйствования.

Ввиду того что кочевничество являлось одной из ведущих форм жизнеобеспечения кочевников, которое наряду с другими типами хозяйствования обеспечивало жизнедеятельность социума и вне сферы отечества, ведение этой формы хозяйства считалось более престижным. В пользу того, что население, в силу каких-либо причин, не владеющее скотом, оседало и вело уже иной способ хозяйствования, нежели кочевой, считавшийся наиболее престижным, говорят наблюдения С. П. Толстова. Исследователь обращает внимание на то, что «кочевая скотоводческая аристократия противопоставляет себя оседлому населению огузских городов – «ятукам». Названный, социально окрашенный термин, впервые упоминается Махмудом Кашгари. Тюркский термин «ятук» дожил до XX века в казахском языке, в форме «джатак» и служил для обозначения понятия «оседлый бедняк», т.е. человек, не имеющий скота для кочевания». Вместе с тем, особенность развития этнической культуры тюркских народов

свидетельствует, что градостроительная деятельность, также как и поселения рядовых граждан, так и замки, дворцы социальной элиты сооружались в непосредственной близости от мест расположения сакральных объектов. Средневековая столица тюрков – город Мерке (стала второй столицей в период правления Тон ябгу кагана, после захвата первой столицы Суяба китайцами), развалины которого сохранились по сей день в с. Мерке Жамбылской области и крепость Аспара расположены рядом со святилищем Мерке. Поселение металлургов на окраине с. Бирлик - Демиртаг (Темиртау), укрепленное поселение у а. Жанажол и крепость тюркского кагана Хиам, расположены рядом со святилищем Жайсан на территории Шуского района Жамбылской области. Рядом со святилищем Кумай находится крупный средневековый населенный пункт, в топографии которого отчетливо просматриваются разветвленная инфраструктура жилого пространства: фундаменты многочисленных домов, улицы, система водоснабжения.

Для убедительной наглядности обратимся к материалам письменных источников и материалам археологических исследований крепости тюркского кагана, которые были изучены казахско-венгерской экспедиции на территории Шуского района.

Согласно сведениям из арабских источников крепость тюркского кагана расположена на северных склонах «лысых» гор, на левобережье реки Чу/Шу. Лысыми горами в эпоху средневековья арабы называли хребет Кіндіктас, на вершине которых в действительности нет деревьев. Во время разведывательных работ были обнаружены развалины одиноко стоящей крепости.

Крепость Хиам расположена в 5 км к северо-востоку от аула Толеби, в Шуском районе Жамбылской области к югу

от р. Шу. Судя по оплывам стен размеры крепости 120x140 м, ориентированы с востока на запад. План крепости сделан в августе 2007 года (рисунок 1-А) группой археологов и студентов из Института археологии им. Э. Лоранда (Будапешт, Венгрия) под руководством доктора PhD Максима Мордовина.

Местом раскопок было выбрано здание размером 15x20 м, стены которого хорошо прорисовывались на территории крепости. Это здание расположено в 30-35 м от восточной и в непосредственной близости от северной стены крепости. Раскопки планировались в двух квадратах: южный А1 и северный А1 (рисунок 1-Б). Всего было заложено четыре шурфа, на территории квадрата А1 шурфы I-III, из них III является расширением шурфа А1/І; единственный шурф на территории квадрата А-1. Размеры шурфов: А1/І-III: 4x10 м, А1/II: 5x5 м и А-1: 2x10 м. Все шурфы ориентированы по направлению север - юг.

Самый поздний ярус здания был обнаружен на глубине 0,3 м. Большая часть этого слоя была серьезно разрушена звериными норами и современными ямами. Несмотря на это, план строения хорошо прослеживался. Дом был прямоугольного плана, ориентированный, как и крепость на восток-запад. На исследованных участках лучше всего сохранилась восточная стена здания (рисунок 1-В), построенная из сырцового кирпича, размерами 15-18x18-20x30-32 см. Толщина стены достигала 0,7-0,8 м, а сохранившаяся высота 0,3-0,4 м. Само здание было разделено внутренними стенами восточно-западной ориентировки минимально на три помещения. Южно-северное деление на исследованной территории, на этом уровне не прослеживалось. Северная стена здания и внутренние перегородки были частично уничтожены современными ямами. В юго-восточной комнате строения

были зафиксированы две печи, первая прямоугольная, размером 0,6x0,45 м, а вторая - в 30 см от первой - круглая, диаметром 0,3-0,35 м. Южнее, уже у стены дома, в овальном углублении был найден небольшой очаг, обложенный сырцовым кирпичом, наружным диаметром 0,5 м.

К восточной стене дома прислонялась небольшая пристройка, рухнувшую крышу которой – остатки деревянных балок и камышовое покрытие удалось зафиксировать и задокументировать на месте. Южная стена пристройки продолжала стену главного здания, но размер составляющих ее кирпичей, и структура кладки стены отличалась. В юго-западном углу пристройки стоял круглый очаг, также по периметру обложенный сырцовым кирпичом. Наружный диаметр очага 0,65-0,70 м.

Постройка нижнего, раннего горизонта на глубине 1,5-1,8 м, в главных размерах не отличалась от позднего строения, но в деталях прорисовывались заметные различия: южная и северная стены только частично шли под стенами верхнего горизонта, а восточная стена вообще не совпадала, а шла приблизительно на 70 см восточнее. Это была еще не наружная стена дома, а только внутренняя стена. Здесь же был найден и проход между двумя помещениями. Южная стена исследованного помещения тоже не совпадала со стеной поздней постройки: она шла на 60-80 см южнее, давая место двум, здесь найденным хумам. На западном краю раскопа А1/II была обнаружена другая внутренняя стена, а следы третьей, перпендикулярной этой, были найдены в раскопе А-1. Таким образом, прорисовывалась комната размером 2,7x2,7 м. Вдоль южной стены этой комнаты располагалось два уже упомянутых лепных хума конической формы. Оба были большей частью разбиты. Сохранившаяся высота их достигает 90 см, а диаметр меняется от 40 см наверху, до 60 см

у дна. Оба хума были вкопаны в суфу у южной стены помещения. Следующее помещение здания раннего горизонта выделяется западнее от комнаты с хумами. Его размеры были примерно 2х2,8 м. Здесь южная стена шла севернее, чем южная стена восточного помещения с хумами на 0,5-0,7 м. У южной стороны помещения прослеживались остатки суфы, шириной до 0,3-0,4 м. Из следующего помещения, исследованного в А-1, были найдены только южная и северная стены. Их расстояние достигало 5 м. При южной стене здесь также просматривались следы суфы шириной в 0,4-0,5 м. В обвалах нижнего горизонта, на уровне хумов была обнаружена уникальная костяная подвеска, в форме круга, с прорезанным греческим крестом посередине, обрамленным по периметру круговым циркульным орнаментом (рисунок 2-А).

Южную часть квадрата А1 охватывает современная яма размерами 30х20 м. Рез и глубину этой ямы удалось зафиксировать в южном конце шурфа А1/І-ІІІ, где также достигли и материка. Поверхность материка находится примерно на глубине 2-2,5 м от северной современной поверхности крепости. В месте разрушения ямой культурных слоев, под достигнутым в других местах нижним горизонтом прорисовывался еще один уровень, датировка которого еще неизвестна.

Основную часть находок коллекции составляет керамический материал. Произведена предварительная классификация массовой керамики. Среди этого материала по фрагментам выделяется несколько вариантов сосудов: а) орнаментированные сосуды (рисунок 2-А); б) котлы с наклепными овальными ручками (рисунок 2-Б); в) плоскодонные сосуды (рисунок 2-В); д) ручки сосудов разного типа (рисунок 2-Г). Также в полевых условиях удалось определить главные типы использованной глины, большую часть которой представляет

глина приобретающая по обжигу красный цвет; намного меньше желтоглиняных изделий, и совсем редко встречается – 2-3 обломка - серая керамика.

Металлических находок почти не было обнаружено. Большею частью находились мелкие бронзовые обломки, неукрашенные и сами по себе недатируемые. Единственная интересная находка была выявлена на уровне поздней постройки, на полу юго-восточного помещения. Это сплющенное окончание какого-то бронзового предмета, украшенное на конце в форме пятилепесткового цветка. Керамические чираги/шырак – светильники, вид артефактов, которые происходят из раскопок крепости.

В ходе раскопок были определены как минимум четыре главных яруса, которые относятся к двум горизонтам. Керамика двух горизонтов, в тоже время, значительно не различается и имеет прямые аналогии в средневековых городах Тараз, Баласагун, Кулан, Мерке.

В результате обследования поселений у аулов Жанажол и Бирлик был собран подъемный керамический материал, также идентичный типам и формам сосудов, которые были обнаружены во время археологических раскопок крепости. Поселение Бирлик, в эпоху средневековья именуемое Демиртаг/Темиртау отличается обилием остатков металлургического производства, большое количество ошлакованных изделий, остатков медных и железистых руд встречаются повсюду на территории памятника.

Результаты исследования свидетельствуют что тюрки, создавшие свое государство на исконной земле Туркестана владели всеми формами и видами жизнеобеспечения. Способы введения экономики были различными и как отмечал в своих трудах профессор У. Шалекенов, формы ведения хозяйственной деятельности тюрков зависели от конкретной

природной среды, явившейся основным фактором, диктовавшим тот или иной образ жизни: номадизм, земледелие, рыболовство и др. Различные формы экономического развития оказывали влияние на развитие и формирование культурного наследия в целом. Следовательно, представленные в памятниках развалины городищ, замков, поселений, культовых сооружений, наскальных галерей и мн. другое являются отражением многообразия форм жизнеобеспечения и связанных с ним проявлений традиционного мировоззрения тюркских народов, исконно населявших земли Туркестана.

Использованная литература:

1. Атлас. Западный Тюркский каганат. Астана, 2013. - 848 с.
2. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы, 2013. – 256 с.
3. Елеуов М. Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары (VI-XIII ғ. басы). – Алматы: Қазақ университеті, 1998. Бірінші бөлім. - 205 б.
4. Короглы Х. Огузский героический эпос. М. «Наука», 1976. 239 с. – С. 24.
5. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1950. – Изд-во АН КазССР.
6. Шалекенов У. Х. Түріктердің отырықшы мәдениеті. Алматы: Қазақ университеті, 2003. - 89 б.

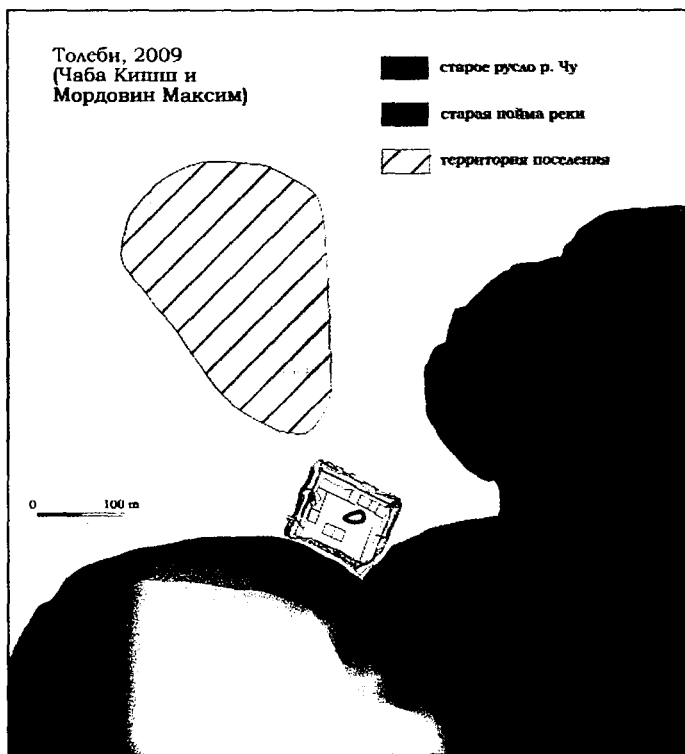
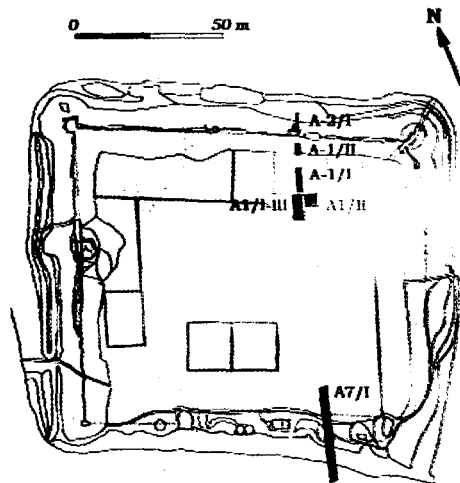

Рисунок 1-А. План крепости Хиаи

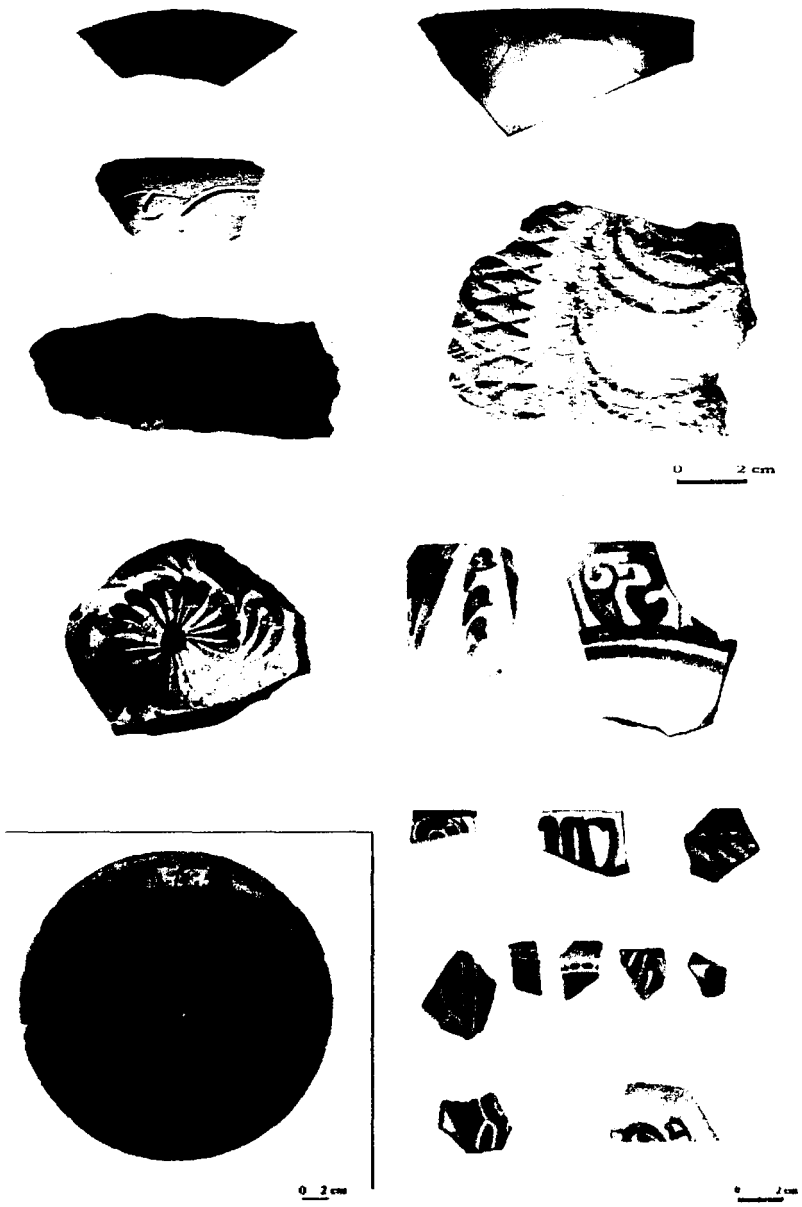

Рисунок 2-А. Фрагменты орнаментированных сосудов и чаши.

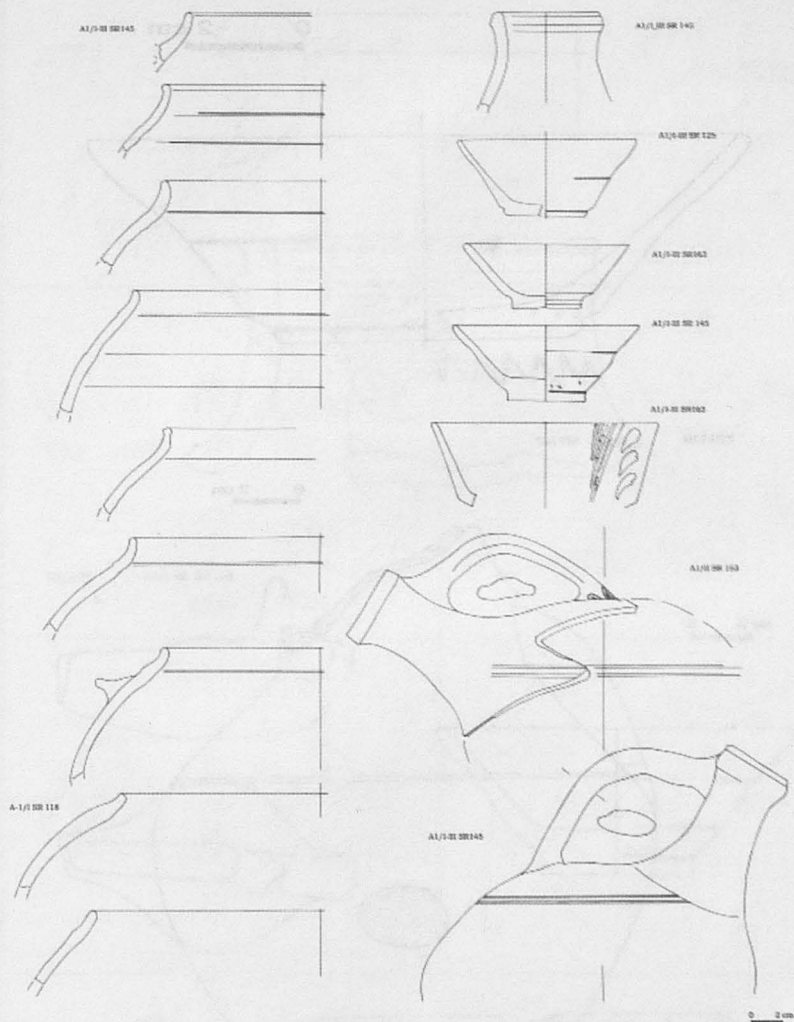
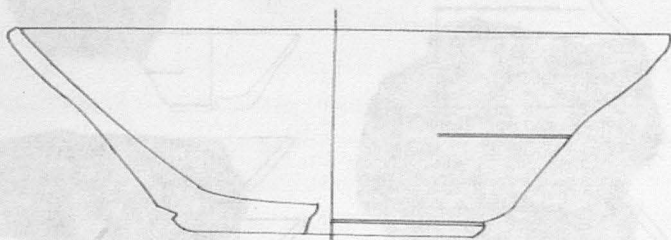

Рисунок 2-Б. Котлы с наклепными овальными ручками и водоносные кувшины.

TÖLEBI-VAR A1/1-III SR 125

0 2 cm

TÖLEBI A-1/1 SR 142

0 2 cm

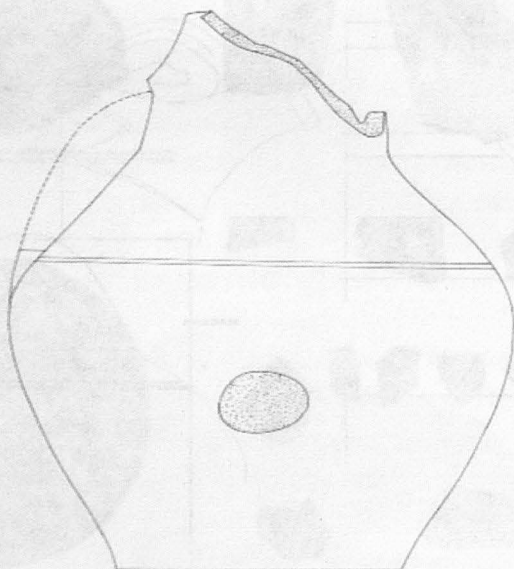
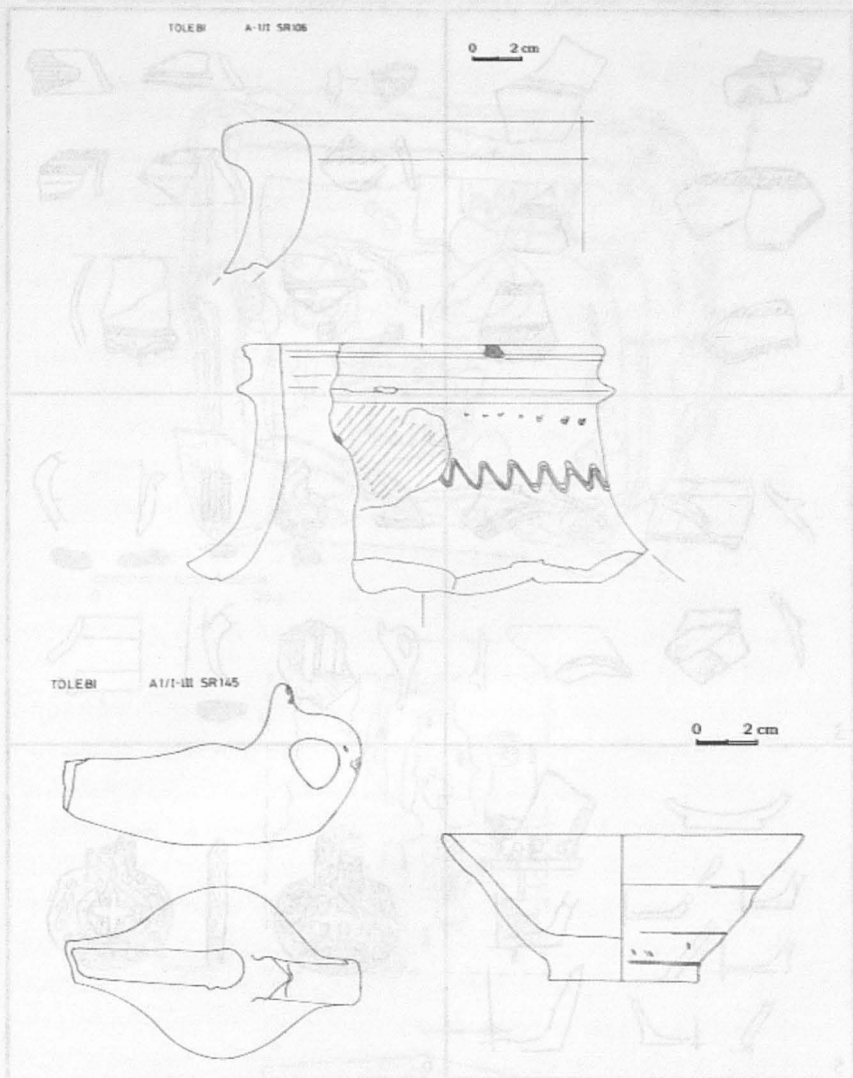

Рисунок 2-В. Образцы плоскодонных сосудов:
чаша и кувшин.

Образцы керамики и светильников/чирягов.

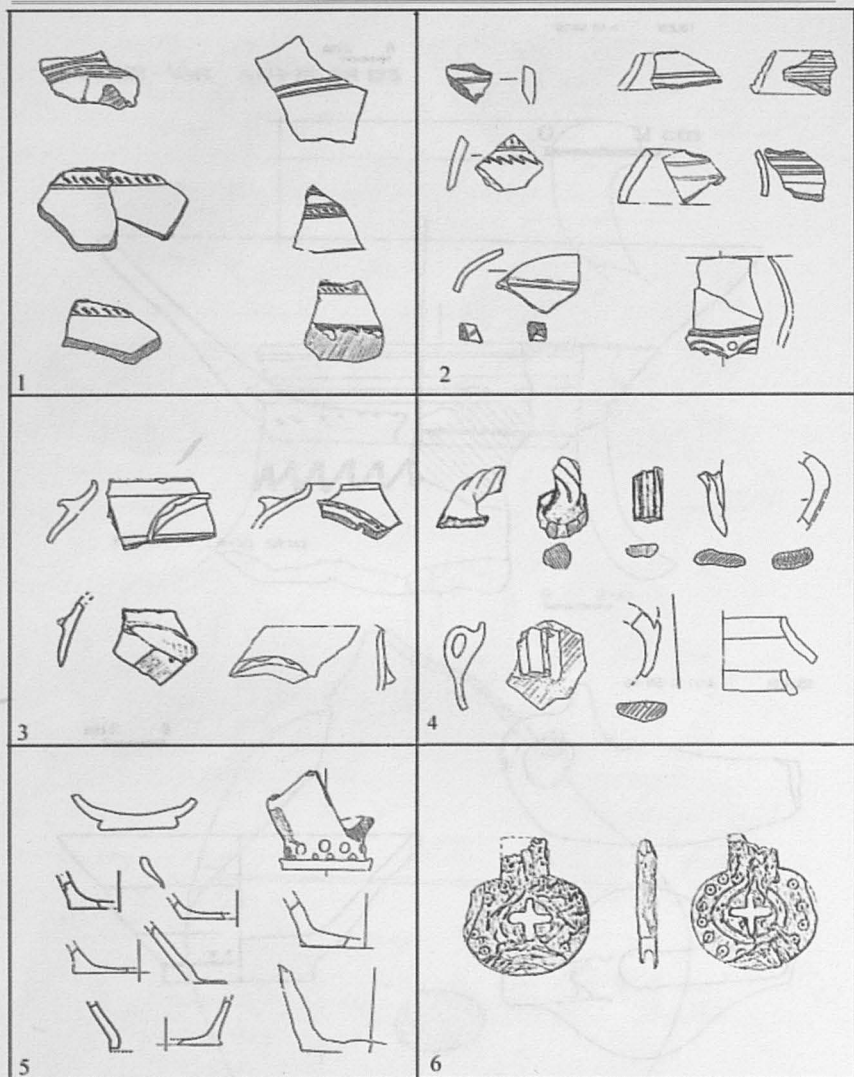
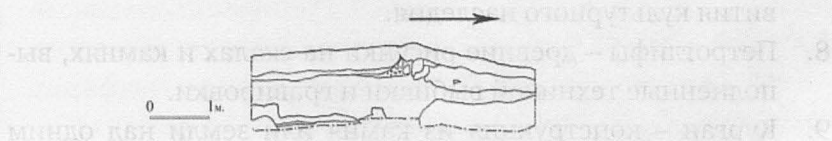
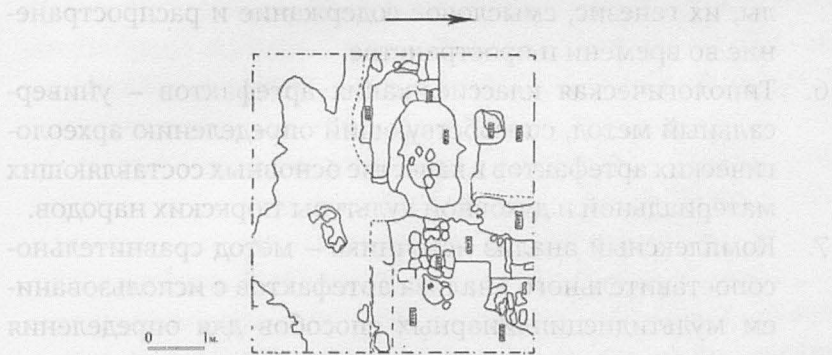
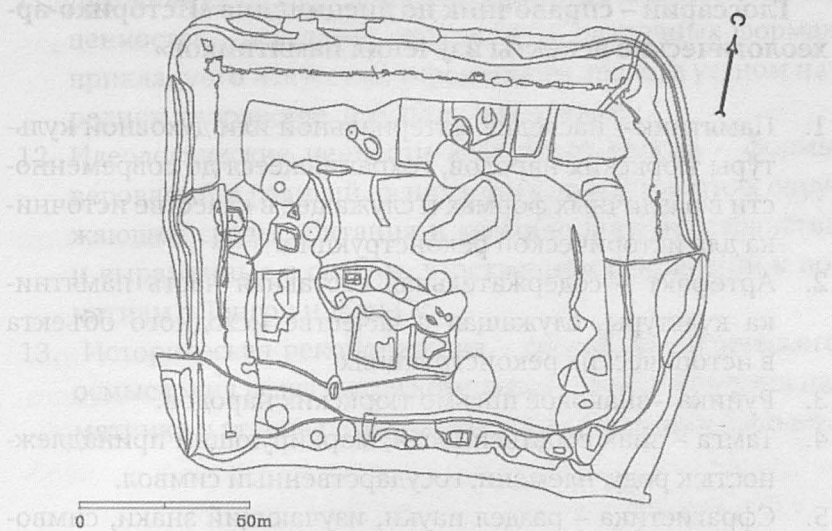

Рисунок 2-Г. Фрагментированные артефакты из крепости Толеби – «Хиам». 1) Фрагменты горловинной части сосуда с орнаментом. 2) Фрагменты боковой части сосуда с орнаментом. 3) Фрагменты котлов с ушкообразными ручками. 4) Фрагменты ручек сосудов. 5) Донцы сосудов. 6) Костяная подвеска с крестовидным отверстием.

Образцы керамических сосудов:
 1) Фрагменты горловинной части сосуда с орнаментом;
 2) Фрагменты боковой части сосуда с орнаментом;
 3) Фрагменты котлов с ушкообразными ручками;
 4) Фрагменты ручек сосудов;
 5) Донцы сосудов;
 6) Костяная подвеска с крестовидным отверстием.

Крепость Толеби – «Хиам» А-план; Б-А1/II шурф; В-разрез

Глоссарий – справочник по дисциплине «Историко-археологические аспекты изучения памятников»

1. Памятник – наследие материальной или духовной культуры тюркских народов, сохранившееся до современности в различных формах и служащее в качестве источника для исторической реконструкции.
2. Артефакт – содержательная составная часть памятника культуры, служащая в качестве исходного объекта в исторических реконструкциях.
3. Руника – знаковое письмо тюркских народов.
4. Тамга – знак собственности, маркирующий принадлежность к роду, племени, государственный символ.
5. Сфрагистика – раздел науки, изучающий знаки, символы, их генезис, смысловое содержание и распространение во времени и пространстве.
6. Типологическая классификация артефактов – универсальный метод, способствующий определению археологических артефактов в качестве основных составляющих материальной и духовной культуры тюркских народов.
7. Комплексный анализ источника – метод сравнительно-сопоставительного анализа артефактов с использованием мультидисциплинарных способов для определения места и роли археологического артефакта в истории развития культурного наследия.
8. Петроглифы – древние рисунки на скалах и камнях, выполненные техникой выбивки и гравировки.
9. Курган – конструкция из камня или земли над одним или несколькими погребенными.
10. Эпиграфика – древние надписи на скалах, изваяниях, стелах, предметах.

11. Духовная культура – мир традиционных идеологических ценностей, нашедший отражение в различных формах прикладного искусства, героическом эпосе, в устном народном творчестве, в культах и ритуалах.
12. Идеологические ценности казахского народа – формы верований и религий, основанные на восприятиях окружающей среды обитания и космического пространства и выраженные в особом, чувственном отношении к понятиям о Тенгри и Жер-Су.
13. Историческая реконструкция – способ аналитического осмысления результатов комплексного исследования памятника и этапов развития культуры тюркских народов.

Планы проведения семинарских (практических) и/или лабораторных занятий и методические рекомендации по подготовке к ним:

Практические занятия с обучающейся аудиторией должны быть направлены на формирование у молодых специалистов навыков самостоятельного мышления и приобретения умений самостоятельно производить анализ памятника, применяя способы сравнительно-сопоставительных методов комплекса наук в процессе изучения предмета и объекта знаний. Прежде всего, начинающий исследователь должен овладеть языком науки, свободно владеть терминологическим аппаратом и способами аналитического мышления. Будущему ученому необходимо формировать знания по методологии комплексного исследования материалов памятника и методами различных отраслей гуманитарного знания. Цель обучения должна быть направлена на получение конечного результата – воспроизведение истории развития духовной и материальной культуры тюркских народов в пространстве и времени.

Формирование у молодого ученого навыков самостоятельного мышления и приобретения умений самостоятельно производить анализ памятника возможно в процедуре преподавания на лекционных занятиях, в процессе выполнения конкретных заданий, которые обучающийся обязан выполнить к практическому заданию. Контроль за выполнением заданий должен быть выполнен в форме реферата и устно изложен на семинарских занятиях. Задания должны быть объяснены отчетливо и ясно. Задачей лектора является контроль за выполнением задания.

Планы семинарских занятий (на каждое занятие предусмотрено по 3 вопроса):

К лекции 1. Предмет, цель и задачи курса «Тюркология: историко-археологический аспект»

1. Роль и значение памятника/артефакта как предмета изучения в тюркологии.
2. Определение связи памятников материальной культуры с традиционным мировоззрением тюрков.
3. Методы проведения комплексного анализа источников.

К лекции 2. Методы и методология курса «Тюркология: историко-археологический аспект».

1. Методы исследования и определения памятников эпохи бронзы.
2. Методы исследования культовых сооружений гуннской эпохи.
3. Методология исследования тюркских ритуальных конструкций с каменными статуями.

К лекции 3. Применение методов комплексного анализа в археологической тюркологии.

1. Способы исследования погребального памятника и артефактов из захоронений.
2. Методы определения культурной и хронологической принадлежности памятников.
3. Особенности использования методов сравнительного анализа источников в процессе исторической интерпретации материалов памятников.

К лекции 4. Особенности методов комплексного сравнительного и сопоставительного анализа археологического артефакта.

1. Методология изучения изобразительного стиля атрибутов служителей культа, в контексте требований традиционного мировоззрения тюркского общества.

2. Методы сравнительного анализа письменных и археологических источников.

3. Вопросы реконструкции этнокультурных особенностей и взаимосвязей тюркского мира.

К лекции 5. Смысловое значение археологических памятников в контексте истории происхождения тюркских народов.

1. Вопросы исторической преемственности культур тюркских народов.

2. Истоки формирования и развития идеологического комплекса тюрков.

3. Развитие традиционных форм культуры в контексте формирования тюркской государственности.

К лекции 6. Тюркские каменные изваяния как археолого-этнографический источник.

1. Исторические условия создания культовых памятников с изваяниями.

2. Семантическая связь ритуальных сооружений с основами традиционной идеологией общества.

3. Отражение основных ценностей мировоззрения в топонимической номенклатуре, нумизматическом материале, сфрагистике.

К лекции 7. Методы изучения тюркской культовой скульптуры как источника по социальной структуре государства.

1. Использование методов анализа изобразительного стиля тюркской монументальной скульптуры.

2. Определение набора характерных признаков в иконографии каменных статуй изображающих представителей социальной элиты общества.

3. Роль и место ритуального сооружения с каменной статуей в духовной культуре традиционного социума.

К лекции 8. Образ служителя культа в тюркской культовой скульптуре

1. Определение характерных черт образа служителя культа в традиционном прикладном искусстве.

2. Роль и место служителей культа в традиционном мировоззрении тюркского общества.

3. Вопросы отражения идеологических ценностей тюркского социума в социальной структуре тюркского государства.

К лекции 9. Памятники тюркских народов как источники формирования основ духовной культуры казахов.

1. Вопросы взаимной связи различных типов памятников духовной культуры.

2. Историческое значение памятников рунической письменности, как источников духовной культуры тюркских народов.

3. Развитие и формирование тюркского государства в контексте содержания памятников письменности и эпических произведениях.

К лекции 10. Памятники письменно-литературного языка и языковая культура тюркских народов средневековья.

1. История развития кыпчакского языка по данным произведения «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни.

2. О находках изречений из «Кутадгу Билиг» на стенках сосуда из средневекового города Сарайчик и костяной лопатке из Нового Сарая.

3. Развитие и формирование огузо-кыпчакского языка по данным произведения Махмуда Кашгари «Диван Луғат ат Турк».

К лекции 11. Методы и методология исследования памятников материальной культуры как источников идеологии традиционного общества.

1. Памятники материальной культуры как источники для реконструкции основ традиционного мировоззрения тюркского общества.

2. Методы изучения содержания и назначения памятника культуры.

3. Вопросы взаимной связи содержания памятников материальной и духовной культуры.

К лекции 12. Петроглифы в контексте развития истории культуры тюркских народов.

1. Вопросы локализации памятников наскального искусства в естественной природной среде и связь этого явления с основами традиционного мировоззрения.

2. Способы передачи образов и тем в тюркском наскальном искусстве и связь их содержания с духовной культурой социума.

3. Взаимная связь сюжетов картинных галерей, образов и сюжетов, высеченных на скалах с другими формами традиционного прикладного искусства.

К лекции 13. Традиционное искусство тюркских народов и связь его содержания с основами идеологии общества.

1. Отражение фактора окружающей среды обитания тюркских народов в памятниках духовной культуры.
2. Взаимная связь содержания памятников культового искусства тюрков с основами идеологии общества.
3. Основы традиционной идеологии общества в качестве источников развития и формирования картины тюркского мира.

К лекции 14. Тамги – маркеры этнической культуры и символы Тюркского государства.

1. Тамги – символические маркеры традиционной культуры.
2. Духовные ценности традиционного тюркского общества, отраженные в формальных признаках и названиях знаков собственности.
3. Вопросы преемственности традиционных ценностей тюрков и казахов, нашедшие выражение в тамгах родов и племен.

К лекции 15. Тюрки – представители и носители цивилизации.

1. Вопросы истории развития культуры оседлого населения на территории Казахстана.
2. Результаты изучения крепости тюркского кагана в контексте развития тюркской цивилизации.
3. Роль и значение локализации городов, крепостей, замков и поселений на территории долины реки Чу/Су.

Задания для самостоятельной работы обучающегося и методические рекомендации по их выполнению:

Для выполнения заданий необходимо систематически проводить самостоятельную работу с рекомендованной литературой и изучением источников. В процессе чтения необходимо произвести сравнительный анализ первичных источников с описанием памятников, их структурных особенностей, выраженных в типах и формах конструкций. В процессе работы с источниками важно понять внутреннюю взаимную связь между различными компонентами памятника. К примеру: ритуальная конструкция, нашедшая свое выражение в сооружении, четырехугольной ограде, с восточной стороны которой установлено каменное изваяние становится объектом культа при наличии всех составляющих его компонентов. К составляющим частям ритуальной конструкции относится форма сооружения, каменная статуя и артефакты, которые были обнаружены в процессе раскопок. Следующий этап распознавания памятника как важной части культурного наследия заключается в аналитическом осмыслении всех данных из изучаемого памятника. Размеры, архитектурные особенности сооружения, иконографические особенности стиля изображения статуи, все виды артефактов из раскопок могут стать основаниями для выводов о хронологической и культурной интерпретации изучаемого объекта. Применение таких методов исследования, как сравнительный анализ исходного объекта с таковыми из других регионов могут послужить критериями оценки памятника как объекта поклонения определенного этноса и о социальном статусе персоны, в честь которой и с какой целью было создано сооружение.

Анализ памятников различных эпох необходимо начинать с расположения в пространстве, распознавания конструктивных особенностей сооружений на фоне сравнения с другими типами памятников, относящихся к другим эпохам развития. Аналитическое осмысление происходит в процессе изучения архитектурных особенностей памятников и изучении способов захоронений, артефактов, их роли и назначения.

Способами использования различных методов исследования в процессе сравнительного анализа результатов изучения артефактов на фоне развития культур тюркских народов на территории Казахстана и Евразии способствовать распознаванию исторической ценности того или иного вида наследия.

Учитывая объем получаемых разносторонних знаний в курсе лекций «Тюркология: историко-археологический аспект» самостоятельную работу студентов необходимо контролировать и направлять на умение производить объективную реконструкцию истории материальной и духовной культуры тюркских народов. Умение производить анализ с использованием данных топонимии, сфрагистики, нумизматики, петроглифики, сведений письменных источников, эпического материала, истории развития письменности и письменно-литературных памятников является частью заданий, способствующих распознаванию ценностных ориентиров для реконструкции подлинной истории каждого народа и тюркских народов в том числе.

Задание 1. Роль и значение памятников как источников для изучения истории тюркских народов.

1. Определить роль и значение памятника как предмета изучения в тюркологии на основании изучения источников и литературы по истории развития наследия.

2. Определение исторической связи памятников материальной культуры с процессом развития традиционного мировоззрения тюрков.

Задание 2. Особенности распознавания хронологической и культурной принадлежности памятников.

1. Характерные особенности памятников эпохи бронзы.
2. Способы изучения погребальных и ритуальных сооружений тюркской эпохи.

Задание 3. Сравнительно-сопоставительный анализ источников в археологической тюркологии.

1. Способы исследования артефактов, памятников с целью определения культурной и хронологической принадлежности памятников.
2. Методы сравнительного анализа источников в целях этнической интерпретации памятников.

Задание 4. Использование археологического артефакта как источника развития памятников монументально-прикладного искусства.

1. Особенности изобразительного стиля атрибутов служителей культа и его связи с традиционным мировоззрением тюрков.
2. Взаимная связь культурных особенностей, выраженных в прикладном искусстве с этническими характеристиками восточных и западных тюрков.

Задание 5. Роль и значение памятников культурного наследия в истории развития и формирования тюркских народов.

1. Историческая взаимосвязь содержания идеологического комплекса тюрков и развитием культуры этносов.
2. Вопросы становления государственности тюркских народов по результатам сравнительного анализа источников.

Задание 6. Образцы культовой скульптуры как источники по этнографии тюркских народов.

1. Цель создания и назначение ритуальных сооружений с изваяниями.
2. Место и роль культовых конструкций в традиционной идеологии тюркского общества.

Задание 7. Историческое значение памятников с культовой скульптурой как источников по социальной структуре государства.

4. Особенности изобразительного стиля монументов как источников по социальной градации тюркского социума.
5. Взаимная связь ритуальных конструкций со статуями с мировоззренческими ценностями традиционного общества.

Задание 8. Отражение религиозных ценностей тюркского социума в культовом искусстве.

1. Вопросы отражения ценностей традиционного мировоззрения тюрков в прикладном культовом искусстве.
2. Вопросы взаимной связи идеологических ценностей тюркского социума с социальной структурой тюркского государства.

Задание 9. Вопросы взаимной связи основ духовной культуры тюрков и казахов.

1. Взаимная связь содержания памятников рунической письменности и эпического наследия тюркских народов.
2. Памятники культуры как источники основ взаимной преемственности мировоззренческих ценностей тюркского общества и казахов.

Задание 10. Развитие письменно-литературного языка по данным средневековых источников.

1. Развитие кыпчакского языка и его отражение в различных типах источников.
2. Особенности огузо-кыпчакского языка в произведении «Диван Луғат ат Турк» Махмуда Кашгари.

Задание 11. Памятники материальной культуры как источники для реконструкции традиционной идеологии тюркского общества.

1. Способы изучения и распознавания памятников материальной культуры как источников для реконструкции традиционной идеологии тюрков.
2. Значение культа и ритуала в традиционном восприятии социума.

Задание 12. Петроглифы в контексте развития истории культуры тюркских народов.

1. Назначение памятников наскального искусства как источников реконструкции традиционного мировоззрения кочевников.
2. Содержание природных картинных галерей в контексте адаптации и восприятия окружающей среды обитания

и их связь с другими формами традиционного прикладного искусства.

Задание 13. Взаимная связь содержания традиционного искусства тюркских народов с основами идеологии общества.

1. Вопросы отражения фактора окружающей среды обитания тюркских народов в памятниках духовной культуры.
2. Вопросы реконструкции основ традиционной идеологии общества по данным археологических и этнографических источников.

Задание 14. Символические маркеры Тюркского государства.

4. Формы символических маркеров традиционной культуры и способы их передачи.
5. Традиционные ценности тюрков и казахов в исторической проекции тамг и родо-племенных наименований.

Задание 15. Тюркская цивилизация.

4. Вопросы истории развития цивилизации тюрков в контексте мировой истории.
5. Особенности развития городов, крепостей, замков и поселений на территории долины реки Чу/Су.

Вопросы и/или задания для контроля теоретических знаний, позволяющие самостоятельно определить уровень усвоения учебного материала, методические указания по организации самоконтроля и самопроверки:

1. Дать определение понятия «памятник» и его значения в истории развития и формирования культуры.
2. С какой целью изучается артефакт и какие методы применяются в комплексном исследовании памятника?
3. Что такое типологическая классификация археологического или другого вида источника?
4. Существует ли взаимная связь между памятником археологии и этнографии?
5. Определите роль и значение между памятником письменности, эпическим произведением и памятником археологии?
6. Может ли памятник археологии служить в качестве исторического источника?
7. Определить значение памятника устного народного творчества как исторического источника?
8. Место и значение идеологических ценностей в общей системе развития памятников материальной и духовной культуры.
9. Определите связь между культурным наследием на территории конкретной страны и историей формирования этнической географии народа.
10. Каково место сфрагистики в системе идеологических ценностей?
11. Что такое тамга и каково его значение как знака собственности?
12. Существует ли сходство в содержании тамг на монетах, наскальном искусстве, различных предметах?

13. Что явилось основой традиционной идеологии тюрков?

14. Как формировалась этническая география тюркских народов?

15. Какова связь между историей тюрков и современных государств тюркских народов?

Список рекомендуемой литературы:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: Наука, 1971. – 403 с.
2. Акишев К. Государства тюркоязычных народов // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996.
3. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 365 с.
4. Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья. Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. «Наука», 1978. – С. 65-79.
5. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы, 1995. – «Гылым». – 294 с.
6. Атлас «Западный Тюркский каганат». – Астана – «Дайк Пресс», 2013. – 848 с.
7. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв.н.э.) – Ташкент. Изд-во. Национальной библиотеки им. Алишера Навои. 2007 г. – 119 с.
7. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959. – Изд-во АН Киргизской ССР. – 218 с.
8. Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинка //КСИИМК. – Л.,1940. – вып. 5. – С. 23-31.
9. Бичурин Н. Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.- Л., 1950. – Т. I. II – 380 с.
10. Боталов С.Г. Гунны и Тюрки. Челябинск, 2006. – 672 с.

11. Бурнашева Р.З., Юсупова С.М. Монетные находки с городища Костобе (Жамбылская область) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – Алматы, 1993, №5. – С. 75-80.
12. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая // Хакасский государственный университет. – Абакан, 2004. – 279 с.
13. Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. – 110 с.
14. Дәулетхан Әлімғазы. Түргеш қағанаты. - Алматы, 2005. – 185 б.
15. Досымбаева А. О казахстанском очаге тюркской культуры // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Материалы международной научно-теоретической конференции. – Алматы: Гылым, 2001. – С. 496-505.
16. Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз – Сенім, 2002 г. – 108 с.
17. Досымбаева А. Образ женщины в монументальном искусстве тюрков Казахстана // Известия МОН РК. Серия общ. Наук. – 2002. - №1. – С. 75-91.
18. Досымбаева А. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии // Государственность и Великая степь: материалы международной научной конференции.- Астана: Kultegin, 2006. – С. 63-74.
19. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – ТОО «Типография Комплекс». – 166 с.
20. Досымбаева А.М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. - V в.н.э. – Алматы, 2007. – 214 с.
21. Досымбаева А.М. О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства // Казахская цивилизация. – Алматы, 2007. - №2. – С. 55-61.

22. Досымбаева А. Уникальное наследие тюрков из коллекции Бекета //ж. Мәдени мұра. Культурное наследие. - Астана, 2008. - №5-6 (20-21). - С. 44-49.
23. Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012 – 146 с.
24. Досымбаева А. Дракон - символ земли тюркской // Вестник Казну. Серия историческая. 2012, № 1.
25. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – “Service Press”, 2013. – 250 с.
26. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – «Наука». – 676 с.
27. Елеуов М. Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары (VI-XIIIғ. басы). – Алматы: Қазақ университеті, 1998. Бірінші бөлім. - 205 б.
28. Жолдасбеков М., Сарткожа К. Атлас орхонских памятников. – Астана. – Культегин, 2006. – 356 с.
29. Жолдасбеков М. Асыл арналар. I том. Астана, 2012. – «Күлтегін». - С. 9-142.
30. Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. – Л., 1975. – 79 с.
31. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. – 123 с.
32. Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. //Вопросы археологии Казахстана. Алматы – Москва, 1998. – С. 153-161.
33. Зуев Ю. А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. - Алматы, 2002. – Дайк-Пресс. – 332 с.
34. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). - Алма-Ата: Наука, 1970. - 239 с.

35. Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области // Вестник АН КазССР. – 1959, №7. – Алматы. – С. 89-97.
36. Камолитдин Ш. Древнетюркская топонимия Семиречья // Древний Тараз и Тюркская цивилизация. Материалы международной научно-практической конференции. – Тараз, 2007.
37. Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара Агач Акмолинского уезда // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 16. – СПб, 1905. – С. 28-36.
38. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. – Донецк, 2001. – Изд-во. ДонНУ. – 454 с.
39. Қорқыт Ата. – Алматы, 1993. – «Қазақстан» - 64 б.
40. Короглы Х. Огузский героический эпос. – М., 1976. – «Наука». – 239 с.
41. Крюков М.В. Исторические сочинения эпохи Хань // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. - С. 232–233.
42. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 230 с.
43. Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, Этнография и антропология Евразии // Институт археологии и этнографии СОРАН – Новосибирск, 2004, - 3(19). - С. 65-81.
44. Лезина И.Н. Суперанская А.В. Об этнопонимах Крыма // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. – С. 77-84.
45. Леонтьев Н.В. , Миклашевич Е.А. , Мухарева А.Н. Памятник наскального искусства на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Кемеровский гос. университет – Кемерово, 2005. – вып. 23. – С. 120-132.

46. Максимова А. Г. Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 114 – 122.
47. Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1950. – Изд-во АН КазССР.
48. Мокрынин В. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. – Бишкек, 2010. – 298 с.
49. Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. - М., 1974. - «Мысль». – 382 с.
50. Новоженов В. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Алматы, 2012. – 500 с.
51. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа / РАН ИА - М.: Наука, 2005. - 299 с.
52. Прохорова Т. А. , Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. – 1992. - №1. – С. 142-160.
53. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т. 1, часть 1. – СПб, 1893. – Изд. дом. Типография Академии наук. – 968 с.
54. Сабыр М. Б. Көне түркі және орта түркі тілдері арасындағы сабақтастық // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Алматы – «Гылым», 2001. - С. 337-341.
55. Сагалаев А. М. , Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1990. – 208 с.
56. Скобелев С. Г. Стиль и особенности оформления в металлической пластике образа древнетюркской богини плодородия. Материалы международной конференции,

посвященной древнему искусству тюркских народов. Университет Мимар Синан, Стамбул. (в печати).

57. Сұңғатай С., Б. Еженханұлы. Тарихи-мәдени жәдігерлер. II том. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 80 бет + 132 жапсырма. - С. 38-41.

58. Тотев Б., Пелевина О. Борба между животни в Колоната металоластика от езическия период на Дунавските Българи //Изследования по Българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – Болгария, 2007. – Фабер. – С. 11-123.

59. Шалекенов У. Х. Түріктердің отырықшы мәдениеті. Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 89 б.

60. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золото-ордынских ханов. М. Изд-во. МГУ, 1966. - С. 134-150.

61. Dovdoin Bayar. The Turkic stone statues of Central Mongolia. – Ulan-Bator, 1997. – 148 с.

62. Golden Peter. D. Religion among the Qipchaqs of the medieval Eurasia //Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. – Newark, 42(1998) 2. – P. 180-237.

63. Peter B. Golden. Polovci Dikii //Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs. - Ashgate. Variorum, 2003. – С. 296-309.

64. Takashi Osawa. The cult-religious relation between old Turkic kingship and their sacred mountains in the early periods of the Western Old Kaganate // Мәдени мұра, 2009, №1. - С. 47-56.

64. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины //Известия НАН КР. – Бишкек, 2001. №1-2. – С. 73-75.

65. Тасмагамбетов И.Н. Кулпытас. Астана: Берел, 2001. – 392 с.

66. Толеубаев Ә.Т. Ертедегі үйсіндердің Тарбағатайдың терскейіндегі ескерткіштері. Казму хабаршысы. Тарих сериясы. 1999. - №12 – С. 23-35.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Лекция 1. Предмет, цель и задачи курса «Тюркология: историко-археологический аспект»	13
Лекция 2. Методы и методология курса «Тюркология: историко-археологический аспект».	25
Лекция 3. Применение методов комплексного анализа в археологической тюркологии.	36
Лекция 4. Особенности методов комплексного сравнительного и сопоставительного анализа археологического артефакта.	42
Лекция 5. Смысловое значение археологических памятников в контексте истории происхождения тюркских народов.....	54
Лекция 6. Тюркские каменные изваяния как археолого-этнографический источник.	67
Лекция 7. Методы изучения тюркской культовой скульптуры как источника по социальной структуре государства....	81

Лекция 8.

Образ служителя культа

в тюркской культовой скульптуре 94

Лекция 9.

Памятники тюркских народов как источники

формирования основ духовной культуры казахов. 102

Лекция 10.

Памятники письменно-литературного языка

и языковая культура тюркских

народов средневековья. 115

Лекция 11.

Методы и методология исследования памятников

материальной культуры как источников идеологии

традиционного общества. 124

Лекция 12.

Петроглифы в контексте развития истории

культуры тюркских народов. 137

Лекция 13.

Традиционное искусство тюркских народов

и связь его содержания с основами

идеологии общества. 151

Лекция 14.

Тамги – маркеры этнической культуры

и символы Тюркского государства. 161

Лекция 15.

Тюрки – представители и носители цивилизации. 176

Глоссарий – справочник по дисциплине «Историко-археологические аспекты изучения памятников»	194
Планы проведения семинарских (практических) и/или лабораторных занятий и методические рекомендации по подготовке к ним:	196
Задания для самостоятельной работы обучающегося и методические рекомендации по их выполнению:	202
Вопросы и/или задания для контроля теоретических знаний, позволяющие самостоятельно определить уровень усвоения учебного материала, методические указания по организации самоконтроля и самопроверки:	208
Список рекомендуемой литературы:	210

Вёрстка и дизайн: Ивахнова Н.
Подписано в печать: 30.12.2014 г.
Формат: 60x84 1/16.Усл. п. л. 30,5
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «CharterITC».
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Evo Press»,
ул. Макагаева, 129/1
тел.: 8 (727) 279 71 34, 352 82 02

